

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЭКОНОМИКИ
И ТОРГОВЛИ ИМЕНИ МИХАИЛА ТУГАН-БАРАНОВСКОГО»

На правах рукописи

ПЕТРОВА ЕЛЕНА ИГОРЕВНА

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДА
ДОНБАССА КАК ЧАСТИ РУССКОГО МИРА**

09.00.11 – Социальная философия

Диссертация

на соискание учёной степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:

Дрожжина Светлана Владимировна,

доктор философских наук, профессор

Донецк – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ИДЕНТИЧНОСТИ	17
1.1 Этнос как источник формирования идентичности: социально-философский аспект	17
1.2 Нация как социальная среда формирования идентичности	39
1.3 Аксиологический подход как основной инструмент исследования идентичности	53
Выводы по разделу 1	70
РАЗДЕЛ 2. СПЕЦИФИКА СТАНОВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДОНБАССА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ	74
2.1 Особенности генезиса и развития исторических и идеологических аспектов функционирования идентичности народа Донбасса	74
2.2 Экономико-правовые основы становления региональной идентичности народа Донбасса	104
2.3 Духовно-нравственные, религиозные аспекты формирования региональной идентичности	113
Выводы по разделу 2	131
РАЗДЕЛ 3. ФЕНОМЕН РЕГИОНАЛЬНОЙ ДОНБАССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТИ РУССКОГО МИРА	132
3.1 Формирование Донбасской идентичности в поле общерусской идентичности	132
3.2 Укraiноцентричный взгляд на донбасскую идентичность	136

3.3 Региональная идентичность Донбасса: тенденции развития в условиях общественной трансформации	152
Выводы по разделу 3	165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	167
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	170

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Одним из объективных противоречий общественного планетарного развития начала XXI века являются противоречия между процессом глобальной интеграции государств, культур, цивилизаций как отображения исторической логики развития мира и процессом дезинтеграции, который связан с природной необходимостью сохранения уникальности, своеобразия и неповторимости каждой культуры, каждой цивилизации. На протяжении конца XX в. – начала XXI в. тема исследования феномена идентичности остается одной из ключевых среди социально-философских исследований и теоретико-концептуальных дискурсов во всем мире. Прогрессирующее усложнение процессов глобализации и их последствий обуславливает все новые требования к фундаментальным исследованиям данного направления.

Ответом на глобальные вызовы, активизацию этнических меньшинств является соблюдение универсальных прав человека. Перед большинством современных государств последние четыре десятилетия стоит вопрос соответствия политической системы, которая базируется на универсальных ценностях, и чувством идентичности личности, которое определяет ее принадлежность к тому или иному сообществу.

Культурная общность и индивидуальность человека находятся во взаимосвязи, которая требует фундаментального различия индивидуальной идентичности и групповой идентичности. Пока человек определяет себя с помощью характеристик, ценностей и законов группы, таких как семья, народ, нация, культура или религия, преобладает „мы“. Тогда группа является высшей инстанцией, частью которой человек воспринимает себя как должное и от которой он безоговорочно принимает требования. Здесь индивидуальная идентичность, которая также отличается от других представителей той же

группы, еще не достигнута. Но культура группы – это необходимое условие, из которого только и может развиваться свободная индивидуальность.

«Нация» возникает в результате разрушения традиционных обществ и смены парадигмы с досовременной на современную, то есть в результате процессов десакрализации, секуляризации, ликвидации традиционного классового разделения и его замены классовым разделением, возникновение буржуазных революций и т.д.

В контексте развития национальной государственности и институтов гражданского общества гармонизация взаимоотношений этнической и национальной идентичности имеет большое практическое значение для консолидации общества вокруг общечеловеческих ценностей, которые составляют основу самой идентичности. Важнейшей и актуальнейшей целью современной социально-гуманитарной мысли является обновление теоретико-методологической исследовательской базы.

Степень разработанности проблемы исследования. Проведенный анализ литературных источников позволил установить, что вопросы, касающиеся феномена идентичности, ее этнического и национального аспекта, как аксиологической основы данного феномена, становились объектом исследования представителей различных направлений мировой философской мысли на протяжении всей истории её существования.

В Античной философии большое внимание аспектам формирования идентичности уделяли Аристотель, Сократ, Эпикур. В философии Средневековья ценностные идеи формирования идентичности нашли своё отражение в трудах Аврелия Августина и Фомы Аквинского. В философии позднего Средневековья и Нового времени наиболее важными представляются идеи Николая Кузанского и Никколо Макиавелли. В эпохи Возрождения и Просвещения вопросы идентификации и её ценностных основ нашли своё отражение в трудах Томаса Гоббса, Готфрида Лейбница, Дж. Локка, М. Монтеня, Ш. де Монтескье. Наиболее полного своего развития аксиологическое понимание содержания идентичности достигло на рубеже

XIX-XX столетий, что обусловлено изменениями в мировоззрении и образе жизни людей, которые были вызваны процессами секуляризации Западноевропейской культуры.

Огромное значение аксиологического подхода в определении идентичности как для философской мысли в частности, так и для развития западноевропейской культуры в целом, отмечено в трудах представителей немецкой философии В. Виндельбанда, Н. Гартмана, В. Дильтея, Г. Риккерта. Рассмотрение феномена этноса и нации в контексте данного исследования связано с именами М. Вебера, Ю.В. Бромлея, Г. Гегеля, Л.Н. Гумилева Л. Гумпловича, К. Леви-Стросса, К. Маркса, С.М. Широкогорова, Ф. Энгельса.

Весомое значение в теоретизации указанной проблематики принадлежит работам Р. Арона, З. Баумана, В. Вундта, И. Гердера, Э. Дюркгейма, Г. Лебона, Ф. Мейнеке, К. Реннера, Дж. Ротшильда, М. Ферро, Й.Г. Фихте, Э. Фромма, Ю. Хабермаса, Э. Хобсбаума, Э. Эриксона.

С точки зрения становления этнической и национальной идентичности выделяют следующие теории: *примордиалистская* (П. Ван ден Берг, Ю.М. Бромлей, К. Гирц, Л.Н. Гумилев, Э.Д. Смит, которая рассматривает данный феномен как объективную данность и разделяется на два направления: социобиологическое (П. Ван ден Берг, Л.Н. Гумилев) и эволюционно-историческое (Ю.М. Бромлей); *инструменталистская* (С.А. Арутюнов, Г. Вулп, М.Н. Губогло, Н. Глейзер, Г.С. Денисова, Дж. Дьюи, Дж. Мид, Ф.К.С. Шиллер, С.М. Широкогоров, С. Хук); *конструктивистская* (Б. Андерсон, Ф. Барт, П. Бурдьё, Э. Геллнер, В.А. Тишков, Э. Хобсбаум).

Процесс переосмысления традиционных подходов к проблемам этноса и нации, аксиологических основ идентичности, соотношения этнической и национальной идентичности в отечественной науке не завершен. Исследованиям разных аспектов феномена идентичности (кроме понимания его как теоретической концепции) и концептов, которые входят в сферу его концептуальной схемы, посвящены работы таких авторов, как Е.М. Галкина,

Л.Н Гумилев, В.А. Тишков, С.М. Широкогоров. В пространстве современного междисциплинарного дискурса аспекты исследования идентичности были заново актуализированы такими российскими учеными как В. Брюшинкин, А. Гриценко, Л.М. Дробижева, Л.А. Нагорная, Н.Г. Скворцов, Ф. Файзуллин, В. Ядов; представителями Донецкой и Луганской философских школ Г.В. Гребеньковым, С.В. Дрожжиной, Т.В. Лугуценко, Г.И. Колесниковой.

История становления идентичности народа Донецкого края является объектом исследований ученых, писателей, археологов, политологов. Среди них: Н.А. Бабичева, С.Ю. Бунтовский, В.А. Гайдук, В.В. Груздев, В.Ю. Даренский, С.В. Дрожжина, Э.Е. Кравченко, Л.А. Крутова, С.В. Лебедев, В.Б. Попов, В.П. Степкин, Л.А. Скворцова, М.В. Ремизов, Г.Г. Чепига, А.А. Чернова.

Одним из этнических признаков любого народа, безусловно, является экономический признак. Особое внимание данному вопросу уделяли такие ученые, как Б. Андерсон, С.В. Дрожжина, Л.А. Крутова, В.К. Мамутов, А.В. Марчуков, О.Б. Пенькова, В.Н. Супиков, В.А. Тишков, Э. Эрикссон и др. Региональную идентичность можно считать объективным состоянием, которое основывается на рефлексивном чувстве самотождественности и целостности. Это состояние гармоничного сочетания индивидуальности и включенности в социум региона.

Как показал анализ библиографии, несмотря на высокую актуальность вопросов формирования региональной идентичности в современной философии и науке в целом, его аксиологическая составляющая и связь с социальным развитием остается одним из недостаточно исследованных аспектов, что вызывает необходимость ведения активных социально-философских поисков в этой области, чем во многом объясняется актуальность темы исследования.

Объектом исследования является социальная идентичность в рамках социальной философии.

Предметом исследования стали аксиологические основы региональной идентичности народа Донбасса.

Целью диссертационного исследования является социально-философский анализ феномена этнической и национальной идентичности, аксиологических основ идентичности народа Донбасса как части Русского мира.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда исследовательских задач:

– предпринять социально-философский анализ этноса и нации как источника формирования идентичности;

– применив аксиологический подход как основной инструмент исследования

– идентичности, выявить специфику становления региональной идентичности Донбасса, показать основные подходы и характеристики;

– проследить генезис и динамику исторических и идеологических аспектов функционирования идентичности народа Донбасса, обозначить экономико-правовые основы становления региональной идентичности народа Донбасса;

– определить духовно-нравственные, религиозные аспекты формирования региональной идентичности, при этом проанализировать феномен региональной донбасской идентичности как неотъемлемой части русского мира;

– показать механизм формирования Донбасской идентичности в поле общерусской идентичности, обозначить тенденции развития в условиях общественной трансформации.

Научная новизна исследования обусловлена выбором феномена идентичности как объекта исследования, который поддается неизбежным преобразованиям, постоянно открывает перспективы анализа новых социально-философских аспектов в ее исследовании.

Новизна исследования, выносимая на защиту, может быть сформулирована следующим образом:

– предпринят социально-философский анализ этноса и нации как источника формирования идентичности, в результате которого выявлено, что понятие «этнос» необходимо рассматривать в контексте синтеза трех подходов, с точки зрения, которых этнос, как источник формирования идентичности, представляет собой целостное образование, обладающее рядом характерных признаков: язык, территория, общность происхождения, этническое самосознание;

– применив аксиологический подход как основной инструмент исследования идентичности, выявлена специфика становления региональной идентичности Донбасса, показать основные подходы и характеристики, которая состоит в трех формах идентичности – самоопределение, коллективное представление и внешнее восприятие;

– проведен анализ генезиса и динамики исторических и идеологических аспектов функционирования идентичности народа Донбасса, обозначены экономико-правовые основы становления региональной идентичности народа Донбасса, что является необходимым условием формирования обновлённой концепции «общерусской идентичности»;

– определены духовно-нравственные, религиозные аспекты формирования региональной идентичности, при этом проанализирован феномен региональной донбасской идентичности как неотъемлемой части русского мира, фундирующиеся на российском универсализме;

– показан механизм формирования Донбасской идентичности в поле общерусской идентичности, обозначены тенденции развития в условиях общественной трансформации как интеграции в Россию.

Теоретическая и практическая значимость работы. Наличие достаточно большого количества теорий формирования идентичности, лежащих в аксиологическом поле бытия, лишь указывает на необходимость междисциплинарного подхода к исследованию феномена идентичности и

процессов идентификации и подчёркивает комплексность исследуемой проблемы и её теоретическую и практическую значимость. Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в том, что она позволяет углубить понимание значимости этнического и национального факторов как аксиологической основы идентичности народа Донбасса как части Русского мира.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его положений для разработки программ оптимизации межэтнических отношений. Результаты исследования могут быть использованы в спецкурсах, предметом которых могут быть философия, история, история философии, политическая культура, социальная философия. Учет проблем соотношения этнической и национальной идентичности, их аксиологических основ будет способствовать усвоению не только абстрактного содержания ценностей современного общества, но и сделает возможным его конкретно-историческое восприятие.

Методология и методы исследования. Общая методологическая установка работы направлена на социально-философское исследование понимания и содержания идентичностей и их кризиса, обусловившего этот процесс. Теоретико-методологические основы социально-философского анализа аксиологических основ идентичности непосредственно касаются вопросов соотношения социально-философского знания и аксиологии. Методологическая база исследования включает совокупность общенаучных и философских методов, подходов и принципов. Для достижения поставленной в работе цели автор избрал методы в соответствии с комплексным характером объекта и предмета. Категориальный аппарат диссертации предполагает использование в качестве основных понятия «этнос», «нация», «идентичность», «ценностность» и производных от них.

Исследование проведено посредством следующих методов:

– метод диалектики, с помощью которого исследовано динамическое единство и взаимодействие различных социальных факторов в формировании этноса, нации, идентичности;

– исторический и структурно-функциональный методы позволили определить специфику становления региональной идентичности: основные подходы и характеристики;

– метод аксиологический, который использовался в процессе анализа теоретических установок изучения аксиологических основ идентичности, а также с использованием которого проводилось сравнение различных контекстов в понимании этноса, нации, идентичности.

В работе были применены следующие подходы:

– аксиологический – является базовым, поскольку наиболее полно раскрывает суть исследуемых явлений;

– системный метод – раскрывает механизмы взаимодействия и взаимообусловленности ценностных ориентиров общества и общего социального контекста.

Кроме того, при написании представленного исследования были учтены принципы целостности, достоверности и обоснованности научных результатов, всесторонности, конкретности, социальной направленности, плюрализма, гуманизма.

Положения, выносимые на защиту. Сущность полученных в исследовании результатов концентрируется в следующих положениях, которые выносятся для защиты:

1. Понятие этнос необходимо рассматривать в контексте синтеза трех подходов, с точки зрения, которых этнос, как источник формирования идентичности, представляет собой целостное образование, обладающее рядом характерных признаков: язык, территория, общность происхождения, этническое самосознание. «Нация» возникает в результате разрушения традиционных обществ и смены парадигмы с досовременной на современную, то есть в результате процессов десакрализации, секуляризации, ликвидации

традиционного классового разделения и его замены классовым разделением, возникновение буржуазных революций и т.д. «Нация» требует большей однородности, чем «народ», опирается на индивидуальную идентичность, а не на коллективную, и, следуя идеалу якобинцев, требует ассимиляции всех этнических групп, находящихся в пределах ее досягаемости.

2. Идентичность и культура существуют для каждого народа, даже внутри наций. Часто высказывается критика модели нации и народа, я просто должен фактически противостоять ей, что существует нечто, обладающее культурой и идентичностью. Идентичность складывается в переходном пространстве между личностью и обществом. При этом идентичность означает, что этнос чувствует себя уникальным феноменом, имеющим прошлое и будущее, отличным от других, но также похожим на других во многом и разделяющим многое с другими. Это чувство согласованности и преемственности в контексте социальной взаимосвязанности формирует социальное бытие. При этом проводится различие между изначальной идентичностью, личной идентичностью и текущей идентичностью этноса. Когда баланс, поддерживающий чувство идентичности, нарушается, возникают нарушения этнической идентичности, которые оказывают длительное негативное влияние на самоощущение, особенно в социальных контактах. Это приводит к распространению идентичности.

3. Нация рассматривается в рамках исследования как величие, определяющее Родину и идентичность, основанное на естественном, культурном развитии человека в его среде обитания. Естественное взаимодействие народа и культуры определяет границы нации, потому что, в отличие от национального государства, нацию следует понимать не геополитически, а в первую очередь идейно; таким образом, он ограничен людьми, живущими в нем. Но ретроспективно нация также функционирует как структура, дающая народу и культуре родину и позволяющая человеку построить базовую идентичность. Эта базовая идентичность составляет фундамент построения человеческого характера, основу, на основе которой

развиваются и в конечном итоге укрепляются духовная жизнь. Из этого соображения вытекает, что каждый народ должен поддерживать свою жизненную среду, типичную для него самого, чтобы иметь возможность гарантировать людям здоровое индивидуальное развитие в здоровом народном развитии. Таким образом, сиюминутные процессы, такие как массовая иммиграция, находятся в явном противоречии с позитивным развитием человечества.

4. В аксиологии идентичность рассматривается как индивидуальное личностное качество, в основе которого лежит социальный контекст бытия, т.е. основу идентификационного тождества индивида в таком случае будут составлять сформированные под влиянием авторитетных групп нормы, ценности и идеалы. Культура, этика и ценности всегда были неотъемлемой частью идентичности человечества. Они дают людям опору и ориентацию, касаются сосуществования в обществе и регулируют юрисдикцию и чувство ответственности в соответствии с нормами и моралью. Формирование социальной идентичности заключается в формировании национальной идентичности. Идентичность также может быть сформирована на основе этнического происхождения. Индивидуальные представления об этнической идентичности можно понять только в контексте современных представлений о том, как она может быть изложена и представлена в социально-философском дискурсе. Это связано с переосмыслением возможностей социального взаимодействия с индивидуальными мотивами действий каждого народа, помимо дискурсивно-исторического анализа. В конечном счете, это относится и к аксиологическим предпосылкам и установкам ценностей, которые входят в само исследование идентичности народа Донбасса.

5. Социально-философский анализ духовно-нравственных аспектов формирования региональной идентичности показал, что глубокие изменения, такие как глобализация, экологические и энергетические проблемы, демографические изменения или миграция, сегодня уже нельзя рассматривать исключительно с помощью стратегий решения в чисто техническом и

функциональном смысле. Здесь ценностные представления и их содержание могут указывать направление и быть компасом для принятия правильного решения. Ксенофобия и расизм могут возникать из-за слабости идентичности или из-за кризисов, но они могут дополнительно способствовать формированию или манипулированию этнической идентичностью. Гармонизацию процессов этнической и национальной идентификации обуславливают изменения в структурировании социального пространства, морали, духовности, религиозных скрепах, которые в современном обществе Донбасса отображают созидание фигур моральной легитимации и индивидуальными или коллективными действиями локального этноса.

Степень достоверности и апробация результатов. Научные положения, результаты и выводы, изложенные в диссертации и выносимые на защиту, получены автором лично. Из научных трудов, опубликованных в соавторстве, в диссертации использованы только те идеи и положения, которые являются результатом собственной работы соискателя. Основные положения и идеи диссертации были представлены на методических семинарах кафедры философии ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского».

Основные положения и результаты диссертационной работы апробированы на научных и научно-практических конференциях различного уровня: «Культура и духовное производство»: материалы международной научной конференции (Донецк, 2015); «Формы и механизмы социально-исторической преемственности»: материалы международной научной конференции (Донецк, 2016); «Русский мир: проблемы духовно-нравственного, гражданско-патриотического воспитания и пути их решения»: материалы Международной научно-практической конференции (Донецк, 2018); «Межкультурный диалог и вызовы современности: другость и инаковость в своём и родном»: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции (Орёл-Комрат, 2019); «Духовное производство в эпоху позднего капитализма»: материалы Международной

научной конференции (Донецк, 2020); «Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности»: материалы V Международной научной конференции (Донецк, 2020); «Фридрих Энгельс и современность: к 200-летию со дня рождения»: материалы VII международной научной конференции (Донецк, 2020); «Философия и культура в гуманитарном дискурсе»: материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 2020); «Философия и культура в гуманитарном дискурсе»: материалы Международной научно-методической конференции (Воронеж, 2021); «Экология человека в зеркале «зеленой повестки» современного мира»: сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием (Москва, 2021). «Человек – Общество – Культура как предмет философской рефлексии»: материалы Международной научной конференции (Донецк, 2022).

Публикации. Основные положения диссертационной работы опубликованы в 19 научных работах, среди которых участие в 3-х коллективных монографиях, 4 статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при МОН ЛНР для публикации основных результатов диссертационных исследований, 2 статьи в журналах, сборниках научных трудов и материалов конференций, 10 публикаций, апробированных на Международных и Республиканских научно-практических конференциях.

Диссертация выполнена в соответствии с паспортом специальности 09.00.11 – социальная философия (направление философские науки) и осуществлена в рамках п. 11 «Стимулы и механизмы становления человека и общества. Социально-философские проблемы антропосоциогенеза», п. 24 «Источники и механизмы социокультурного изменения».

Структура диссертации обусловлена логикой исследования, что исходит из поставленных цели и задач исследования. Структуры диссертационной работы включает в себя вводную часть, основное содержание, включающее в себя 3 раздела, 9 параграфов, выводы к каждому разделу и заключительную часть. Также работу завершает список литературы

из 188 источников. Общий объем диссертационной работы составляет 189 страниц, из них основной текст – 169 страниц.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ИДЕНТИЧНОСТИ

1.1 Этнос как источник формирования идентичности: социально- философский аспект

Понятие «этнос» необходимо рассматривать в контексте синтеза трех подходов, с точки зрения, которых этнос, как источник формирования идентичности, представляет собой целостное образование, обладающее рядом характерных признаков: язык, территория, общность происхождения, этническое самосознание.

Идея нации утвердилась в Европе в XIX веке. Этот термин предполагает эмоционально заряженную коллективную идентичность. Он фиксируется на этнических, культурных, исторических или языковых сходствах общества, что влечет за собой одновременное разграничение расходящихся характеристик. Это проявляется в создании и формировании национального государства, в котором идея нации конкретизируется и формирует конкретное общество. Обычно под государством понимается конкретная власть порядка по отношению к обществу как всеобщее гражданство. В качестве постоянной проблемы для национального государства возникает вопрос о гражданской принадлежности. Здесь можно выделить две традиции кровного и земельного права составляют. Следовательно, политическая принадлежность определяется национально-государственной стороной либо по происхождению, либо по месту рождения. Однако в истории и современности в основном наблюдаются смешанные формы обеих традиций, которые меняются в меняющихся исторических созвездиях.

Этнос – это социокультурная общность, возникшая намного раньше, чем нация. Этнос формировался и развивался гораздо дольше, чем нация. Этнос включает представителей одной этнической группы, которых объединяет чувство кровного родства, язык, обычаи и традиции, стереотипы поведения, осознание своего единства и отличий от других этнических групп. Нация состоит из представителей одной этнической группы и нескольких этнических сообществ, и все они объединены историческими, культурными, экономическими и политическими факторами, общей идеологией и осознанием принадлежности к единому государству.

Нации являются результатом политического союза различных этнических групп, в результате которого создается новое государство. Государство формирует общую национальную идентичность и общее чувство принадлежности к политическому, экономическому и культурному сообществу страны.

Центральной проблемой идеи нации является присущий ей национализм, который часто приводил и продолжает приводить к воинственным столкновениям. Это ясно видно в XX в., когда немецкий национализм, в частности, привел к началу обеих мировых войн. Общее различие между патриотизмом как любовью к родине и национализмом как агрессивным чувством превосходства также является спорным, поскольку переходы являются плавными.

Религия играет важную роль в национализме: хотя, с одной стороны, национализм критикуется как суррогатная религия, в европейских национальных государствах конфессиональные ссылки часто играют важную роль в националистическом мышлении.

Термин «народ» происходит от греческого «этнос» (народ, этническая принадлежность). В отличие от «демос» (община, совокупность полноправных граждан полиса, народ государства), он обозначает группу людей, которая определяет себя в соответствии с общим происхождением, происхождением, историей, культурой, обычаями и обычаями, а также общей

территорией поселения. Решающим фактором является не то, действительно ли члены такой группы или сообщества имеют кровное родство (родословное сообщество) или имели долгую общую историю (роковое сообщество). Решающее значение имеют самовосприятие и убежденность членов в принадлежности к такому сообществу.

Проблема использования терминов «этнос», «нация» и «народ» чрезвычайно сложна, потому что исторически они использовались либо как синонимы, антонимы, либо как подкатегории друг друга, причем в самых неожиданных конфигурациях. Возьмите Россию и Германию в XIX и XX вв., где термины «народ» (и его производные) и «нация» встречались друг с другом либо как синонимы, либо как антонимы. И давайте посмотрим, как наличие двух терминов «народ» и «нация» помогает понять текущую геополитическую ситуацию.

«Народ» С.М. Уварова, например, является производным от французского гражданства, но со ссылкой на русский корень, что «отключает» коннотации либерализма и конституционализма, присущие французской концепции. Однако Уваров писал и о русской «национальности». У славянофилов можно встретить понимание народа как общей категории, в которой «нация» представляет собой частный случай. С.А. Рачинский прямо противопоставляет «нацию» как западное и либеральное понятие «национальности» как русскому и консервативному понятию¹. У.М. Каткова, который был хоть и консерватором, но западником, нация, напротив, является положительной концепцией².

В то время славянофилы и Ф.М. Достоевский предпочитали термин «народ», который имел двойное значение, а именно: и простой народ, низшие слои, и русский народ как совокупность всех слоев общества и основу империи с четкой историей, религиозными традициями и культурой. Для монархистов, так называемых темных веков, было более распространено

¹ Рачинский, С.А. Общество ревнителей рус. просвещения в память имп. Александра III / С.А. Рачинский. – СПб., 1903. – 43 с.

² Уваров, С.М. Эссе о загадках Элевсина / С.М. Уваров. – СПб., 1812. – 412 с.

использование термина «народ». Для националистов, более ориентированных на Запад, таких как М.О. Меньшиков, ключевым термином был «нация», которая также включала притязания на власть от имени этой нации³. То есть для консерваторов, монархистов, славянофилов и реакционеров понятие «народ» было предпочтительнее. Для более «европейских» националистов это была «нация». Хотя оба могли использовать эти термины как синонимы.

В Великобритании и Франции такой путаницы понятий не было, хотя, как отмечает Ален де Бенуа, «контрреволюционная традиция, поскольку она сочетается с аристократической или монархической чертой, воздерживается от прославления нации»⁴. Ситуация в Германии, с другой стороны, аналогична ситуации в России. Фихте пишет «Речи к немецкой нации». Однако позже, в XIX в., возникает движение «Völkisch», для которого иностранное слово нация оказывается неактуальным⁵. Народ – нация – становятся маркером автохтонности, народности, потому что, как и русское «народ», оно несет в себе двойное значение – и простой «народ», и культурная, да еще кровно связанная общность, связанная общей культурой, языком и историей.

В середине XX века термины смешивались произвольно. В СССР понятие «национальность» преобладало либо как чисто этническая общность, претендующая на участие в политической жизни, либо как остаток буржуазной «нации» в социалистическом обществе. Таким образом, в СССР возникли «национальности» русских, узбеков, таджиков, украинцев и азербайджанцев. Ситуация осложнялась тезисом о том, что сформировалась «новая историческая общность» – «советский народ». Этот «народ» исчез вместе с СССР, вместо него возник «многонациональный народ Российской Федерации».

³ Статья: Александр Данилович Меньшиков. – Большая советская энциклопедия (БСЭ), 3-е издание 1969-1978 гг. (русский).

⁴ Бенуа, А. Против либерализма: к четвертой политической теории / А. Бенуа. – М.: Амфора, 2009. – С. 216.

⁵ Фихте, И.Г. Речь к немецкой нации / И.Г. Фихте. – М.: Наука, 2009. – 349 с.

Гитлеровская Германия говорила о «нации» и «народном сообществе», основанном на народе. Поражение Третьего рейха не внесло ясности в использование терминов «народ» и «нация».

«Три государства – две нации – один народ?» – так называлось эссе историка Карла Дитриха Эрдмана, базирующегося в Киле, опубликованное в 1985 году и посвященное Федеративной Республике Германия, Восточной Германии и Австрии⁶. Опять же, мы находим интересное использование рассматриваемых понятий. Федеративная Республика Германия и Восточная Германия являются отдельными государствами, но единая «нация».

Таким образом, «народ» – это нечто архаичное, популистское, культурное, довольно «закрытое», в конечном итоге опирающееся на общую историю, а «нация» либеральна, прогрессивна и соответствует политическим рамкам современного либерального государства, его граждан и избирателей. Часто, когда люди говорят о «нации», они имеют в виду группу людей, которые имеют схожую историю, имеют общие обычаи, говорят на одном языке или имеют культурные сходства. Некоторые люди с таким представлением хотят отличать «свой» народ от других народов. В этом контексте «народ» кажется очень подозрительным: либо ему не нравятся мигранты, либо ему нравятся богатые. Сегодня многие философы и этнографы говорят о «нации», а не о «народе». Поэтому наша задача – навести порядок в терминах.

Социальные философы столкнулись с вопросом, как создать более упорядоченную номенклатуру, в которой термины «этнос», «народ» и «нация» могли бы быть так или иначе отделены друг от друга, без обычного синонимического использования в повседневной речи или в заявлениях политиков⁷.

⁶ Эрдман К.Д. Вторая Мировая война / К.Д. Эрдман. М.: Республика, 2001. – 789 с.

⁷ Арутюнова, Е.М. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Е.М. Арутюнова, А.Д. Бравин, Р.М. Валихметов [и др.]; [отв. ред.: Л.М. Дробихева]; Российская акад. наук, Институт социологии. – Москва: РОССПЭН, 2013. – 484 с.

Это уже характерно для Макса Вебера, который вводит понятие этнических единиц, где «люди» – это более крупные образования, подразделения которых называются «племя» или «этнос», где, согласно Веберу, даже этнос может быть подразделением племени, и наоборот. Что касается греческого полиса, он подчеркивает, что подгруппы, существовавшие до полиса и объединившиеся с ним, назывались не филлами, а этносами. Для Вебера нация и национальное чувство – это продукт отождествления с государством, чаще всего на основе общего языка, и с силовой политикой этих государств⁸.

Вильгельм Мюльманн – один из немецких этносоциологов XX века⁹ – опирался на концепции русского этнолога С.М. Широкогорова, который ввел термин «этнос» как «группа людей, говорящих на общем языке, признающих свое общее происхождение и обладающих рядом обычаев, образом жизни, который сохраняется и освящается традициями и отличается от обычаев других групп»¹⁰.

Сам Мюльманн в разное время пытался отделить «этнос», «народ» и «нацию» друг от друга. По его мнению, «этнос» – это простейшая форма общества. Нация – это более сложная форма (как у Вебера), вершина культурного и духовного развития. Мюльманн не рассматривает сообщества, которые мы называем «этническими группами», часто также называемыми «естественными народами», как народы, и понимает их как этнос. Наконец, в конце своей жизни Мюльманн разделил «этнос» (этническую принадлежность), «демос» и «народ». «Демос» относится к современной массовой демократии, к которой понятие «народ» больше не применяется, что соответствует современному использованию слова «нация». «Народ»

⁸ Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер. // Избранные произведения. – М.: Изд-во Республика, 2000. – С. 602–639.

⁹ Mühlmann W. Rassen- und Völkerkunde: Lebensprobleme der Rassen, Gesellschaften und Völke / W. Mühlmann. – Braunschweig 1936. – 1118 p.

¹⁰ Широкогоров С. М. Место этнографии среди наук и классификация этносов // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. II, вып. 4. – С. 126–147.

относится к тому, что возникло в Европе после распада Римской империи, то есть к средневековому иерархическому обществу¹¹.

У Бромли есть нечто подобное: племена соответствуют первобытнообщинному строю, национальности – феодальному, а нации – капиталистическому¹².

Принимая во внимание вышеизложенное, этносоциологическая концепция А.Г. Дугина, в которой понятия «этнос», «народ» и «нация» разделены¹³, предстает как наиболее последовательный продолжатель российской этносоциологических традиций.

Следуя Веберу и Мюльману, Дугин определяет этнос как простейшую форму и одновременно корень общества, лежащий в основе всех остальных, ограничивая использование этого термина архаичными сообществами или архаичным измерением жизни в более сложных социальных структурах.

Этнос или, точнее, несколько этносов, вошедших в историю (этнос вошел – ожидается интенсивное взаимодействие с другими, завоевания и союзы, образование партий), выходят из состояния равновесия и «вечного возвращения», характерного для архаического общества, и образуют сложные структуры: государственную, религиозную, философскую, социальную (классовая дифференциация). Таким образом, создается нация. Часто элита в значительной степени, если не полностью, аллогенна и изначально представляет собой этнос, отличный от низших классов общества, что создает дифференциацию, необходимую для управления, разделение правителей и подчиненных. Высшая политическая форма бытия народа – это империя, в которой люди живут не только в истории, но и имеют определенную историческую или космическую миссию. В христианской империи это идея катехонов, которые удерживают мир от пришествия антихриста¹⁴.

¹¹ Mühlmann W. Там же.

¹² Bromley, D. *Toward Reflexive Ethnography. Volume 9: Religion and the Social Order* (edited with Lewis Carter). Oxford: Elsevier, 2001. – 317 p.

¹³ Dugin, A. *Ethnos and Society*, Arktos, 2018. – 714 p.

¹⁴ Там же. P. – 45–48.

Народ объединяет этническое разнообразие и стремление к единству. Разнообразие – потому что точно так же, как элита обновляется представителями разных национальностей, так и на нижних этажах есть разные этнические группы. Тем не менее, как внутри элиты, так и между подчиненными крестьянскими сообществами происходят процессы взаимодействия. Наконец, то же самое общение происходит и между низами и верхушкой: верхушка впитывает языковые и культурные элементы низов, низы впитывают нормативные политические и религиозные модели, заданные сверху. В результате получается общество, одновременно разнообразное и схожее по своим общим характеристикам, достигающее единства в разнообразии.

Например, в России до (и после) реформ Петра происходила массовая интеграция славянских, финно-угорских и других общин, в которых преобладало славянское, т.е. русское происхождение. У руля была интеграция варготской, славянской, литовской и татарской аристократии, так что в конечном итоге все в равной степени стали русскими и, таким образом, сформировали русский народ, объединенный общим восприятием происхождения, культуры и исторической миссии.

Существовала также связь между русским высшим и низшим классами – на языковом и культурном уровнях, а также для преодоления культурного разрыва после того, как Петр подарил России Пушкина, Гоголя, Толстого и Достоевского, Глинку, Мусоргского, славянофилов, русскую религиозную философию и т.д. Так возник великий золотой, а затем и серебряный век русской культуры.

У определенных этнических групп (таких как якуты, буряты или татары) все еще оставалась возможность органично сосуществовать в империи с русским народом, двигаясь по разным орбитам культурного и государственного центра, и русифицировать другие этнические группы, изменяя преобладающие нормы поведения и даже традиции и обычаи, переняли язык (как на Волго-Уральском и русском Севере).

«Нация» в схеме Дугина лишена всякого положительного значения (за исключением того, что она лучше глобализированного и извращенного гражданского общества), поскольку все это положительное значение уже приписывается понятию «народ» как сложной структуре традиционного священного общества. Нет необходимости вводить новую категорию для описания этой реальности. Однако все меняется, когда дело доходит до современности.

Под «нацией» здесь понимается этносоциологическая форма, возникающая в результате разрушения традиционных обществ и смены парадигмы с досовременной на современную, то есть в результате процессов десакрализации, секуляризации, ликвидации традиционного классового разделения и его замены классовым разделением, зарождения буржуазных революций и т.д.

«Нация» возникает в результате разрушения традиционных обществ и смены парадигмы с досовременной на современную, то есть в результате процессов десакрализации, секуляризации, ликвидации традиционного классового разделения и его замены классовым разделением, возникновение буржуазных революций и т.д. Здесь широко принята критическая позиция конструктивистов Э. Геллнера, Б. Андерсона и Э. Хобсбаума, для которых «нация» является буржуазной конструкцией современности.

«Нация» требует большей однородности, чем «народ», опирается на индивидуальную идентичность, а не на коллективную, и, следуя идеалу якобинцев, требует ассимиляции всех этнических групп, находящихся в пределах ее досягаемости.

«Нация» – это «воображаемое сообщество», то есть сложное общество, представляющее себя якобы простым, сплоченным солидарностью на уровне «этноса» (архаичного сообщества), но с преобладанием концепций «прав», заимствованных у аристократии и индивидуализм. В период буржуазных революций в Европе носители особого антропологического типа – буржуа говорили от имени «Нация» и оправдывала свои притязания на власть: не

героические аристократы или трудолюбивые крестьяне, а нечто иное, а именно купцы, юристы, «бизнесмены» и т.д.

Нация претендует на суверенитет, оспаривая его у священного монарха, который последний получает от Бога. В целом, это продукт «вторичного упрощения», если использовать язык К.Н. Леонтьева¹⁵, и отступничества. Нация стремится восстановить или даже укрепить социальную солидарность в обществе, в котором простолюдины уже подорвали старые основы солидарности – религиозность, верность монарху и церкви, своей сельской общине или аристократической корпорации – путем подавления апелляции к этническому и историческому измерению (национализму). Это может привести к разобщенности и нетерпимости, а в ответ – к контр-национализму со стороны других групп. В конечном счете, однако, потому что нация способствует индивидуализму и обычно, по словам Луи Дюмона, является проекцией индивидуального «Я» на коллективное «Я»¹⁶. Этот индивидуализм в конечном итоге подрывает общественную солидарность, национализм уступает место глобализму, не осознавая своего существенного единства с ним.

На Западе переход от народов к народам почти завершен (хотя некоторые элементы архаического, так называемого «этнического» и традиционного, так называемого «фольклорного» сознания все еще отчетливо проявляются в повседневной жизни и культуре). На Востоке и в России из-за феномена археомодерна трудно говорить о «нации» в этом смысле. Очертания традиционного общества и традиционной империи видны за модернистским фасадом.

Далее давайте разберем последствия введения трихотомии «этнос», «народ» и «нация» для науки и политического дискурса, подчеркнем преимущества такого разделения (прежде всего, на народ и нацию).

¹⁵ Леонтьев, К.Н. Избранное / К.Н. Леонтьев. – М., «Московский рабочий», 1993. – 389 с.

¹⁶ Dumont, L. Essais sur l'individualisme. Une perspective anthropologique sur l'idéologie moderne. Paris: Le Seuil, 1983. – 298 p.

Учитывается различие социальной структуры и коллективной психологии, представлений людей в традиционном и современном обществах, что теряется в этносимволистическом подходе этноса. Концепция Смита и Дж. Армстронга¹⁷ «наций до национализма». Если мы возьмем, к примеру, определение Смита, согласно которому нация – это «безымянное самоопределяющееся человеческое сообщество, члены которого разделяют и поддерживают общие мифы, воспоминания, символы, ценности и традиции, живут и отождествляют себя с определенной территорией, создают и распространяют определенную общественную культуру и соблюдать общие права и законы»¹⁸, то очевидно, что единственное отличие определения этнической принадлежности – это ссылка на «публичность» культуры и «права и законы». Но тогда как мы можем различать ситуации до и после радикальных изменений социальных структур, политики мира и того, как западный человек воспринимает себя в современную эпоху?

Мы не должны утверждать, что Реформация, эпоха Возрождения, Просвещение и т.д. ничего не значат и не меняют социальные структуры, Более научно отделить современность и досовременность от традиции и дать правильное название этносоциологическому содержанию традиции.

Что касается случаев в Англии, Франции и Шотландии, когда социальные философы находят что-то вроде наций в XIV веке, то описание «наций» осуществляется через категории коллективной идентичности среди элит, общие имена, понятия происхождения и родства, общие воспоминания и традиции, а также разделение «наций» на «своих» и «чужих», неубедительный. То же самое мы находим в «этносе» и «народе». Понимание нации как этноса с развитым государством и культурой страдает одной и той же ошибкой – случайно или намеренно смешивать два противоположных типа и состояния общества – досовременное и современное.

¹⁷ Smith, A.D. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Basil Blackwell, 1987. 2 Guibernau M., Hutchinson J. (eds.) *Understanding Nationalism*. London: Polity Press, 2001. 3 Armstrong J.A. *Nations before Nationalism*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. – 270 p.

¹⁸ Там же. – P. 117.

Введение понятия «нация» отключает деструктивный потенциал конструктивистского подхода¹⁹ (Геллнер и Ко). Нации как нечто, возникающее вместо народов в традиционном обществе, подпадают под эту критику, а нации – нет. Если конструктивисты²⁰ (Э. Хобсбаум) склонны полагать, что не только нации, но и такие категории, как «античность» и «традиции» или даже «этнические группы», были изобретены буржуазией для оправдания своего господства в современную эпоху, то разделение на «этнос», «народ» и «этнические группы» проявляет такие крайности, которые показывают неуместный перенос современной парадигмы на традиционное и архаичное общество.

Таким образом, термин «народ» может служить мостом для наиболее подходящих левых и левых мыслителей, которые знают о проблемах, связанных с термином «нация», но пытаются противостоять либеральному глобализму, не отказываясь от этнической идентичности в радикальных левых построениях (например, Ален Сораль²¹).

Обращение к «народу» устраняет опасность модернистского и конструктивистского «национализма», который всегда возможен при обращении к «нации». Поскольку работы конструктивистов приобрели популярность, молодые правые, находящиеся под влиянием Андерсона и других, начали конструировать национализм в соответствии со своими взглядами с неизбежными ссылками на гражданское общество, построение нации, призывы к большей современности и высмеивание традиций как архаичных. Результатом является дискурс в духе «русскоязычного постгуманизма» и расширение горизонтов трансгуманизма (как наглядно демонстрирует случай Е. Просвирнина²²).

¹⁹ Геллнер, Э. Экономическая интерпретация истории // Экономическая теория / Под редакцией Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена, В. С. Автономова. – М.: Инфра-М, 2004. – 944 с.

²⁰ Хобсбаум, Э. Третий мир и революция. Крах социализма / Э. Хобсбаум. М.: Альманах «Восток» № 5 (41), декабрь 2006. – 470 с.

²¹ Soral, A. Dialogues Désaccordés, Combat de Blancs dans un tunnel / A. Soral. – Éditions Blanche, 2013. – P. 111–112.

²² Бузгалин, А.В. Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи / А.В. Бузгалин // Век глобализации. – Вып. №1. – 2008. – С. 120–27.

Одновременно отключается либеральный компонент обращения к «нации», когда другая часть «националистов» считает, что, поскольку они выступают за «национальное государство», оно также должно быть за демократию, прогресс, «парламентаризм», «свободные выборы», то есть за распад России. Это создает возможность для тех, кто называет себя «националистами», но на самом деле являются консерваторами и традиционалистами, пересмотреть свою позицию и отстаивать этническую и историческую идентичность («Народ»), не имеющая ничего общего с либеральным мировоззрением.

Проведя философский анализ понятий «народ». «Этнос», «нация», далее следует задаться вопросом: что такое идентичность?

В словаре можно найти такие определения, как «идентичность, (который), полное равенство, оставаясь самим собой»²³ или «личность, в этике и доктрине образования идеальное понятие индивидуальности»²⁴. Идентичность – это сложносемантический термин. Однако равенство и индивидуальность не обязательно являются взаимоисключающими, когда речь идет об идентичности. Есть вещи, в которых люди должны быть равны, прежде чем отличаться от других. «Нам нужно отличаться от других людей, и это достигается за счет того, что мы делаем то, чего другие люди не делают или делают не так хорошо»²⁵. Это заявление Джорджа Герберта Мида ясно дает понять, что люди обладают разными способностями, которые отличают их от других людей или, соответственно, отличают их. Однако это различие становится очевидным только при сравнении людей. Без них мы не могли бы проводить сравнения и, следовательно, не знали бы, что мы индивидуальны. Таким образом, налицо предварительное условие. Общество, соответственно, сообщество. «У человека есть личность, потому что он принадлежит к

²³ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров – М.: Сов. Энцикл., 1987. – С. 94.

²⁴ Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2001. – С. 313.

²⁵ Мид, Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; [Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко]. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – С. 29.

сообществу, потому что он включает институты этого сообщества в свое собственное поведение»²⁶. Однако это, в свою очередь, связано с еще одним предварительным условием. Равенство отражается в этом. Чтобы существовать в обществе, человеку необходимы некоторые предпосылки для того, чтобы стать его членом, например, язык. С помощью универсального языка или универсальных символов мы можем общаться. В отношении этих и других вещей, таких как социальные ценности и нормы, мы можем общаться друг с другом на равных. «Мы не можем быть самими собой, если у нас также нет общего отношения, с помощью которого контролируется отношение всех участников. У нас не может быть никаких прав, пока у нас нет общих взглядов»²⁷.

Но как возникают идентичность и осознание себя и присутствуют ли они с самого начала или их нужно сначала проработать? В соответствии с этим возникает вопрос, какие еще факторы необходимы для формирования идентичности и что происходит, когда их нет. Джордж Герберт Мид в своей книге «Разум, идентичность и общество» пытается объяснить формирование идентичности, используя различные условия. Он является основателем символического интеракционизма»²⁸. Это отражено и в его работах. «Мид применил процессуальный подход к объяснению отношений между личностью и обществом, который подчеркивает важность личности как формирователя своего мира»²⁹. Ниже объясняется формирование идентичности с использованием различных условий. В нем также кратко объясняется, что происходит, когда некоторые условия не могут быть выполнены и формирование идентичности может не произойти.

По словам Джорджа Герберта Мида, для формирования идентичности необходимо выполнить несколько предварительных условий. Здесь важную

²⁶ Там же. С. 117.

²⁷ Мид, Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; [Сост. и переводчик В.Г. Николаев]. [Отв. ред. Д.В. Ефременко]. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – С. 18–21.

²⁸ Там же. С. 47–49.

²⁹ Там же. С. 59.

роль играет общество, язык и различные этапы, через которые должен пройти ребенок. Для того чтобы обрести идентичность или, соответственно, для того чтобы личность могла развиваться, необходимо общество. Только через это может произойти формирование идентичности³⁰. Идентичность не существует с самого начала. «Идентичность – это не то, что сначала существует, а затем вступает в отношения с другими. Она, так сказать, является водоворотом в социальном потоке и, следовательно, все еще остается его частью. Она только развивается в процессе социального опыта и деятельности, то есть в конкретном человеке в результате его отношений с этим процессом в целом и с другими людьми в рамках этого процесса»³¹.

Совместная деятельность вносит значительный вклад в формирование идентичности. «Когда мы обретаем идентичность, мы также приобретаем определенное поведение, определенный социальный процесс, который предполагает взаимное влияние на разных людей, в то же время подразумевая, что отдельные люди занимаются некоторой совместной деятельностью»³². Однако усвоения отношения других недостаточно. Индивид также должен принять отношение к различным частям совместной общественной деятельности или, соответственно, к задачам в социальных процессах, поскольку он становится или является их частью «только постольку, поскольку он принимает отношение к организованной, основанной на сотрудничестве общественной деятельности, которой занимается эта группа, он или она также должны принять отношение к различным аспектам совместной общественной деятельности, а также к задачам, выполняемым в социальных процессах, только постольку, поскольку он/ она принимает отношение к организованной, основанной на сотрудничестве общественной деятельности, которой занимается эта группа, может ли он развить полную

³⁰Мид, Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; [Сост. и переводчик В.Г. Николаев]. [Отв. ред. Д.В. Ефременко]. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – С. 201.

³¹ Там же. С. 31–33.

³² Там же. С. 39.

идентичность и обладать той, которую он развил»³³. Таким образом, индивид в целом может сформировать идентичность.

Используя понятие создания института, Мид пытается прояснить, что реакция сообщества на индивида институционализируется, то есть «сообщество всегда действует одинаково по отношению к индивиду или индивиду, соответственно»³⁴. Те нормы, которые члены общества или сообщества усвоили и, следовательно, на каком-то уровне способность общаться друг с другом, безусловно, тоже поддается изменению. «Мы можем изменить ситуацию; мы можем настаивать на улучшении норм сообщества. Мы не просто связаны сообществом. Мы находимся в диалоге, в котором наше мнение выслушивается сообществом; это влияет на их реакцию»³⁵. Пример Мида, судный день человека, который должен оправдаться перед сообществом, еще раз иллюстрирует это.

Таким образом, идентичность развивается в результате этого рефлексивного процесса, в ходе которого человек, возможно, еще раз пересматривает свое мнение («Cogito ergo sum»). Цитата Рена Декарта, которая вполне подходит для контекста темы, проясняет роль мыслительного процесса по отношению к идентичности.

Мыслительный процесс также играет очень важную роль в отношении понятия идентичности и социального процесса. «Мышление или интеллектуальный процесс – усвоение и внутренняя драматизация людьми внешней передачи значимых жестов как их наиболее важного средства воздействия на других существ, принадлежащих к тому же обществу, – это процесс, который, в свою очередь, включает в себя, в том числе, и, в свою очередь, эмоциональный процесс, который, в свою очередь, влияет на других людей как на существ, принадлежащих к тому же обществу»³⁶.

³³ Там же. С. 45–51.

³⁴ Мид, Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; [Сост. и переводчик В.Г. Николаев]. [Отв. ред. Д.В. Ефременко]. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – С. 11.

³⁵ Там же. С. 13–15.

³⁶ Там же. С. 16.

Мышление, или интеллектуальный процесс – усвоение и внутренняя драматизация человеком внешней передачи значимых жестов, как их наиболее важного средства воздействия на других существ, принадлежащих к тому же обществу, это самый ранний этап опыта в генезис и развитие идентичности, потому что мышление подготавливает общественное действие. Мыслительный процесс – это передача жестов, которая на самом высоком уровне подразумевает передачу того, что было задумано, слушателям. Мид проводит различие между осознанием переживаемых объектов и идентичностью. По его мнению, люди могут различать субъективный и рефлексивный опыт. В отражении только мы одни имеем доступ к этому.

Мид приводит несколько примеров, чтобы сделать различия очевидными. Например, образы памяти также доступны только нам, пока мы не обнаружим их. Никто не знает, что думает или видит другой, однако вы можете описать это с помощью языка. Автор пытается наглядно показать на примерах, что эти типы объектов, сознание и мыслительный процесс, доступны только самому человеку. Он хотел бы указать на то, что «что идентичность имеет определенную структуру, которая развивается из общественного поведения и которую легко отделить от так называемого субъективного опыта этой конкретной группы объектов, к которым имеет доступ только организм – общая для них характеристика, заключающаяся в том, что они доступны только частным образом, не объединяет их»³⁷. Мыслительный процесс необходим обществу, так же как для его развития необходима идентичность. И то, и другое является истоками социальной природы.

Современный человек по своей природе стремится определить себя как личность и иметь возможность жить и выражать свою собственную самобытную идентичность. Однако в современных обществах современного мира эти как рациональные, так и эмоциональные притязания в большинстве

³⁷ Мид, Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; [Сост. и переводчик В.Г. Николаев]. [Отв. ред. Д.В. Ефременко]. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – С. 141–142.

случаев приводят к прямо противоположному. Отчуждение от собственного «Я», необходимая самореклама и, как следствие, потеря собственной идентичности формируют человеческое существование в современном западном мире.

Так называемый социальный характер, термин, придуманный немецко-американским философом, гуманистом и психоаналитиком Эрихом Фроммом, как никогда актуален в этом контексте. Теория человека, на поведение которого в значительной степени влияют социальные структуры, сформулированная Фроммом еще в первой половине XX в., проистекает из его аналитически критического взгляда на постоянно меняющееся общество.

Теория социального характера возникла в результате интенсивного взаимодействия Фромма с учениями Зигмунда Фрейда³⁸ и Карла Маркса³⁹. Уже у Маркса отчуждение человека, потеря собственного «я» социальными структурами является центральной темой. Однако Маркс приписывает отчуждение одному фактору: индустриализированному обществу с его капиталистической системой. Таким образом, он ставит в центр своей теории базовые экономические структуры общества. По мнению Маркса, эксплуатируемый рабочий, существующий просто как объект, может взять на себя производительную роль субъекта в результате экономических изменений. Если работник становится собственником, он избегает отчуждения и определяет свою личность⁴⁰.

Эрих Фромм основывает свою формулировку социального характера на тезисах Карла Маркса. Хотя основные черты рассуждений последнего вполне сохраняются в психоаналитической теории Фромма, он критически выступает против монокаузальных влияний человеческого отчуждения, которые у Маркса имеют значение просто как экономические факторы. Социальный характер, согласно Эриху Фромму, с другой стороны, в дополнение к

³⁸ Фрейд, З. Введение в психоанализ: Лекции / З. Фрейд; Пер. с нем. Г.В. Барышникова; [Под ред. Е.Е. Соколова, Т.В. Родионова]. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 480 с.

³⁹ Маркс, К. Избранные произведения: в 3 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1979. – Т. 1. – VI, 640 с.

⁴⁰ Там же.

экономическому, также определяет религиозные, политические, культурные и технологические влияния и изменения как важные рамки для проявлений характера человека⁴¹.

Фромм также развивает тезисы Зигмунда Фрейда в вопросе об ориентациях и чертах характера человека. При этом Фромм четко отделяет себя от теории влечений Фрейда, которая ставит физиологическое, а точнее, сексуальное влечение в центр структуры человеческого характера. По мнению Фромма, психическое состояние каждого человека уже давно определяется не только физиологией, но и всем жизненным процессом в историческом контексте. Из взаимодействия Фромма с Марксом и Фрейдом возникает социальный характер, то есть тот человек, который полностью видоизменяется в результате взаимодействия всех частичных аспектов его окружения.

Согласно Эриху Фромму, характер человека определяется в первую очередь взаимодействием между человеческим индивидом и обществом. Обе стороны этих динамических отношений представляют собой автономные системы, которые формируют друг друга. По Фромму, поведение и характеристики человека в основном определяются побуждениями, которые формируются в основном в процессе социализации в детстве. В этом контексте семья играет важную роль в социальном характере. Структура, динамика и социальные черты семьи развиваются в соответствии с требованиями общества, которое вынуждает их к определенному уровню адаптации⁴².

В дополнение к семейному и, следовательно, косвенному влиянию общества на личностные качества человека, с определенного момента детства, а также во взрослой жизни, существенную роль играют еще два фактора: школьная система, а затем и мир труда. Это требует дальнейшей и, как

⁴¹ Фромм, Э. Гуманистический психоанализ / Э. Фромм. – СПб.: Питер, 2002. – 447 с.

⁴² Фромм, Э. Гуманистический психоанализ / Э. Фромм. – СПб.: Питер, 2002. – 447 с.

правило, еще большей адаптации каждого человеческого индивида к социальным реалиям.

Таким образом, человек постепенно становится отражением своего общества, которое, в свою очередь, обеспечивает свое выживание именно за счет этой адаптации. Таким образом, понятие социального характера Фромма означает дальнейшее существование любого общества в значительной степени зависит от того, как формируется общий характер всех его членов и как направляется их энергия.

Страстное стремление личности, на которое в значительной степени влияют структуры общества, у Фромма разделяется на два проявления. Продуктивные стремления – это все действия, образ мышления и эмоции, которые человек развивает на основе своих индивидуальных способностей. Непродуктивные или отчужденные стремления возникают, когда люди проецируют, отрицают или заменяют свои индивидуальные способности внешними влияниями. Такое поведение может проявляться на нескольких уровнях. Межличностные отношения формируют либо любящее и уважительное отношение, либо деструктивное поведение. Присвоение имущества и благ может быть сформировано либо продуктивной и творческой деятельностью, либо непродуктивным путем пассивного получения или кражи.

Фромм признал, что отчуждение человека возникает из-за того, что однажды сформированные структуры характера очень долго сопротивляются историческим изменениям. Это объясняет, почему непродуктивные процессы и способы действий, как правило, очень устойчивы в обществе. Независимо от того, действуют и думают люди преимущественно продуктивно или непродуктивно, социальный характер заставляет их практически во всех жизненных ситуациях делать с предполагаемой убежденностью и желанием все то, что обеспечивает дальнейшее существование социальных структур. В этом контексте становится очевидным, почему авторитарные политические системы часто сохраняются в течение многих лет или десятилетий, хотя их

негативные последствия явно ощущаются каждым человеком. Всякий раз, когда политическая или социально-экономическая система в конечном итоге все-таки меняется, на этапе потрясений формируется новый социальный характер⁴³.

Если социальный характер постоянно подталкивает человека к принятию определенных моделей поведения, то отчуждение от собственного я практически предопределено, независимо от того, насколько выражены социальные структуры. Человек должен адаптироваться к заранее определенной социальной структуре, приспособиться к ней, чтобы стабилизировать соответствующий социальный характер. В результате он становится медиумом, поведение которого лишь в меньшей степени определяется сознательным и самостоятельным выбором. При этом человек всегда должен хотеть действовать, думать и чувствовать так, как он должен.

Таким образом, проблематика социального характера заключается, прежде всего, в том, что человек практически вынужден всегда испытывать удовлетворение от того, что ведет себя в соответствии с последними достижениями культуры. Проще говоря, исторические рамки формируют душевные основы, действия и личностное развитие человека, при этом его собственная личность не играет в этом существенной роли.

Теория человеческого общинного характера Фромма, особенно в контексте постмодернистского общества, имеет особое значение⁴⁴. После окончания Второй мировой войны переворот в направлении экономического чуда в западном мире также привел к формированию совершенно нового общественного характера, который по сей день во многом определяет человеческое существование. С ориентацией на маркетинг, ставшей для Фромма важным научным предметом в пятидесятые годы, социальное взаимодействие между доминированием и подчинением постепенно уступило место взаимодействию между продавцом и потребителем. Это соотношение

⁴³ Фромм, Э. Гуманистический психоанализ / Э. Фромм. – СПб.: Питер, 2002. – 447 с.

⁴⁴ Фромм, Э. Гуманистический психоанализ / Э. Фромм. – СПб.: Питер, 2002. – 447 с.

продолжает принимать все более экстремальные формы и по сей день. Во многом это связано с цифровой революцией, которая также принесла с собой новую ориентацию социального характера в рамках принципа маркетинга.

Нормальное человеческое поведение сегодня определяется тем, как устроена жизнь в виртуальном мире. Социальный характер характеризуется частичными коммерческими отношениями в частной и профессиональной среде между создателями и потребителями инсценированных жизненных миров. В последние десятилетия средства массовой информации привнесли в общество преимущественно нарциссический характер, который поставил коммерциализацию эго в центр человеческого существования. Его влияние на личность варьируется от ограниченной до нарушенной способности к привязанности до регрессивных моделей общения.

Благодаря анонимности авторитетов, таких как тенденции, общественное мнение, а также кампании в СМИ, происходит дополнительное отчуждение человека от его собственных взглядов, инстинктов и ощущений. Социальный персонаж верит, знает и чувствует то, что определяют СМИ. Таким образом, общие черты характера в обществе становятся серьезной угрозой личной свободе личности – без реального осознания этого факта.

Социальный характер важен не только как теория, но и по сей день в высшей степени применим на практике в анализе проблемы идентичности, когда дело доходит до интерпретации и анализа социальных структур и их эволюции. Социальный характер может скреплять социальную структуру этноса, как цемент, и обеспечивать ее дальнейшее существование. Однако в постмодернистском мире, в котором доминируют и определяют цифровые медиа, это все чаще следует рассматривать как нападение на творчество и спонтанность отдельного человека. В этом контексте социальный характер находится в резком противоречии с идентичностью. Человек больше не соответствует тому, что его составляет. Скорее, это проекционный экран, на котором различные социальные влияния создают общую картину. На этом

изображении степень отчуждения человека так же очевидна, как и постоянство социальной структуры, в которой происходит отчуждение.

1.2 Нация как социальная среда формирования идентичности

«Новейший философский словарь» указывает, что нация «полисемантическое понятие, применяемое для характеристики крупных социокультурных общностей индустриальной эпохи. Существует два основных подхода к пониманию нации: как политической общности (полит-нация) граждан определенного государства и как этнической общности (этно-нация) с единым языком и самосознанием»⁴⁵.

В свою очередь «Толковый словарь обществоведческих терминов» трактует определение понятия «нация» следующим образом: «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, объединенных экономическими, территориальными, языковыми, культурно-психологическими связями, этническим (национальным) самосознанием и единством происхождения»⁴⁶.

Определить сущность нации пытались многие русские философы. Так, С.Н. Булгаков полагал, что «нация есть не только совокупность феноменологических своих обнаружений, исчисляемых и изучаемых наукой, но прежде всего некое субстанциональное начало, творчески производящее

⁴⁵Петрова, Е.И. Социально-философский анализ дефиниции «этнос» / Е.И. Петрова, Е.А. Македон // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы IV Междунар. науч. конф. / М-во образования и науки Донец. Нар. Респ., Донец. нац. ун-т. – Донецк, 2019. – С. 77–79.

⁴⁶ Петрова, Е.И. Нация как предмет социально-философского исследования / Е.И. Петрова // Научный вестник ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет» / Луган. нац. аграр. ун-т. – Луганск, 2020. – № 8 (2). – С. 483–495.

свои обнаружения, однако всецело не вмещающееся ни в одном из них и потому не сливающееся с ними»⁴⁷.

Н.А. Бердяев определяет нацию через историю народа: «Нация есть динамическая субстанция, а не преходящая историческая функция, она корнями своими врастает в таинственную глубину жизни... Душа Франции средневековья и Франции XX в. – одна и та же национальная душа, хотя в истории изменилось все до неузнаваемости»⁴⁸. То есть, осознание единства исторической судьбы и есть национальное сознание.

Ю.М. Бородай считает, что: «Этнос и нация – вещи, конечно, родственные и вместе с тем принципиально разные...»⁴⁹. Он подчеркивает: «Этнос сам по себе не нуждается в государственности, поскольку этническое единство исходно основывается не на искусственно сконструированных рациональных юридических нормах, но на самобытных стихийно сложившихся обычаях и присущих данной общине бессознательных представлениях – архетипах»⁵⁰.

В свою очередь британский ученый Э.Д. Смит определяет качества, которые присущи нации: «1) историческая территория или родина; 2) общие мифы и исторические воспоминания; 3) общая массовая народная культура; 4) общие законные права и обязанности всех членов; 5) общая экономика при наличии территориальной мобильности для всех»⁵¹.

По определению философа и социолога Б. Кравченко «Социальная мобилизация касается роста промышленности, торговли городов, расширения образования, т.е. склоняет население принять новые ценности, репрезентованные национальностью, и порождает общественные ресурсы, что

⁴⁷ Чебоксаров, Н.Н. Народы, расы, культуры / Н.Н. Чебоксаров, И.А. Чебоксарова; [отв. ред. Ю.В. Бромлей]. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Наука, 1985. – С. 98.

⁴⁸ Бердяев, Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. – Москва: Изд-во МГУ, 1990. – С. 115.

⁴⁹ Торукало, В.П. Нация: история и современность / В.П. Торукало. – Москва: ИЭА РАН: ЦИМО, 1996. – С. 351.

⁵⁰ Бородай, Ю.М. Эротика – смерть – табу: трагедия челоуеч. сознания / Ю.М. Бородай. – Москва: Рус. феноменол. о-во: Гнозис, 1996. – С. 317.

⁵¹ Касьянов, Г.В. Теорії нації та націоналізму: монографія / Г.В. Касьянов. – Київ: Либідь, 1999. – С.14.

предусматривает эффективную организацию по удовлетворению новых потребностей. Члены мобилизационного общества будут скорее городскими жителями, грамотными, образованными, чем сельскими не-образованными и неграмотными»⁵².

Это еще раз подчеркивает роль нации как основы формирования идентичности. По определению С.М. Ахмедханова: «Идентичность (англ. Identity) – свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к различным социальным, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам»⁵³.

Национальная идентичность не является прирожденной чертой личности, а проистекает из осознания общности культуры, языка, истории с определенной группой людей, «к этому может добавиться чувство принадлежности человека к определённому государству, приверженность его государственной идентичности, национальной идее и государственным символам»⁵⁴.

Так, М.Н. Руткевич пишет: «Настаивая на объективности существования этносов, в том числе наций, как важнейшего типа человеческих общностей, мы вовсе не склонны преуменьшать роль субъективного фактора в процессе их консолидации»⁵⁵.

Иное же направление предлагает отказаться от понятия «нация» и заменить его понятием «этнос», который считается субъектом этнополитических процессов и является субъективистско-идеалистическим. Основателем его можно считать В.А. Тишкова, крупнейшего отечественного представителя конструктивизма. Согласно его мнению, «...нация – это

⁵²Маркс, К. Сочинения: [В 30 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. – М.: Госкомиздат. – Т. 4: [Май 1846 – март 1848 г.]; подгот. к печати Л.И. Гольманом. – 1955. – XIV. – С. 15.

⁵³Ахмедханова, С.М. Формирование национальной идентичности [Электронный ресурс] / С.М. Ахмедханова // Молодой ученый. – 2015. – № 14(94). – С. 438–441. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/94/20893/>.

⁵⁴Там же.

⁵⁵Руткевич, М.Н. Теория нации: философские вопросы / М.Н. Руткевич // Вопросы философии. – 1999. – № 5. – С. 19–32.

воображаемая общность, социальный конструкт, политическая метафора, обладающая мобилизующей силой и имеющая почти всеобщее распространение. Тем самым эта категория... становится реальностью в силу своего воздействия на сознание и поведение людей»⁵⁶, и именно поэтому от понятия «нация» можно отказаться и заменить его понятием «этнос». Согласно исследованиям ученого «большинство социальных субъектов утратили свою идентификацию с прежними структурами, кроме этнических, которые и приобрели гипертрофированное влияние в обществе»⁵⁷.

Существующее на первый взгляд противоречие между понятиями «этнос» и «нация», на самом деле является мнимым. Эти два понятия соотносятся как родовое и видовое понятие. По мнению С.Е. Рыбакова определение этнической сущности является проблематичным. Он отмечает, что определения, которые приписывают понятию «этнос» «через культуру, язык, кровное родство, государство, психический склад и т. п. на самом деле принципиально беспочвенны, поскольку тем самым исследователь просто уходит от собственно этнического и начинает рассматривать иные социальные феномены»⁵⁸.

Это проявление современного конструктивизма, одной из черт которого является отрицание объективного характера существования наций, этносов, рас и вообще любых социальных групп. Так, Р.Брубейкер, определяя онтологический статус больших социальных групп, пишет: «Понимание реальности расы не требует постулирования существования рас. ...Но реальность расы, и даже ее чрезвычайная принудительная сила в некоторых обстоятельствах, не зависит от существования «рас». Так же и реальность этничности и национальности – и решающая сила этнической и национальной

⁵⁶Тишков, В.А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить [Электронный ресурс] / В.А. Тишков// Культурная сложность современных наций / отв. ред.: В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – Ч. 1. – С. 7–18. – Режим доступа: https://static.iea.ras.ru/books/tishkov_kult_slozhnost.pdf.

⁵⁷Тишков, В.А. Этнология и политика: науч. публицистика / В.А. Тишков; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2001. – С. 110.

⁵⁸Рыбаков, С.Е. Философия этноса. / С.Е. Рыбаков. – М.: ИПК Госслужбы, 2001. – С. 57.

идентификаций в некоторых обстоятельствах – не зависит от существования этнических групп или наций как субстанциальных групп или сущностей»⁵⁹.

Этническая идентичность – это не антропологическая константа, как давно предполагалось, а скорее динамичное, историческое и социальное явление. Он основан на демаркации и конкуренции социальных групп друг с другом и строится на основе таких факторов, как происхождение, язык, религия или общие культурные элементы. Он служит для социального осмысления, а также для создания отличительных социальных групп. Так в древности первоначально назывались этнически варварские группы, жившие за пределами греческой или римской общины. Позже этнические обозначения стали играть значительную роль в варварских империях-преемниках на территории Римской империи. Поскольку с христианской точки зрения большинство народов соответствовало божественному плану спасения, позитивная трансформация языческих языческих понятий произошла уже в период раннего средневековья, которая продолжалась до появления современных наций в XVIII-XIX вв. и все еще формировала представление о переселении народов в XX в.

С 1960-х годов понятие этногенеза («становление народа») означает понимание того, что позднеантично-раннесредневековые «племена» были не частями древних народов (например, индоевропейцев), а постоянно меняющимися и переопределяющимися группами. Этот термин не лишен проблем, потому что он продолжает предполагать естественное, исторически обусловленное процессами возникновение этнических групп, которое блокирует активное влияние внешних факторов, определяющих идентичность. В современных исследованиях к нему относятся критически, поскольку он часто используется без учета значения, которое он приобрел с XIX века. В марксистском и советском дискурсе XIX в. этногенез/этническая идентичность продолжает использоваться.

⁵⁹Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер; [пер. с англ. И. Борисовой]. – М.: Высшая школа экономики, 2012. – С. 17.

Франц Боас, основатель социальной антропологии, в своих работах подчеркивал сознательное политическое, литературное или мифическое построение социальных сообществ⁶⁰. Макс Вебер думал аналогичным образом, говоря о «субъективной вере в родословную», составляющую «народ»⁶¹. Такие альтернативы строгим дихотомиям и биологическим объяснительным моделям не использовались в исторической науке и археологии до 1970-х годов. Пионером в Соединенных Штатах был Роберт Эзра Парк⁶². Работая над положением чернокожих в Южных Штатах, Парк назвал цвет кожи, религиозные убеждения, язык, одежду, национальность и политическую позицию среди других факторов, определяющих этническую принадлежность как социальную категорию.

Этническая идентичность сообщества – это, прежде всего, социальное явление. Этническая принадлежность – это просто возможный организационный принцип, который общество сознательно выбирает и поддерживает. Он не является ни универсальным, ни антропологической константой, но основан на очень специфических стратегиях, применяемых человеческими группами в определенных культурных и исторических контекстах. При этом этническая принадлежность определяет и формирует социальный мир. Э. Грюн (1935 г.р.) и Джонатан М. Холл продемонстрировали это в отношении античности, а Вальтер Поль (1953 г.р.) – в отношении раннесредневекового мира⁶³.

Родства и генетики, языка, религии или общих культурных элементов недостаточно для определения этнической идентичности. Эти факторы – всего лишь несколько строительных блоков, которые неоднократно целенаправленно использовались для построения этнической принадлежности. Социальная группа должна сначала отделиться от другой – окружающей или конкурирующей – и, прежде всего, восприниматься как

⁶⁰ Кузнецов И. В. «Счет зим». Вымирание коренных американцев и «антропология спасения» / И. В. Кузнецов. В 3-х т. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. – 488 с.

⁶¹ Вебер, М. Экономика и общество / М. Вебер, М.: АСТ, 2018. – С. 13.

⁶² Парк, Р. Избранные очерки / Р. Парк. – М.: РАН ИНИОН, 2011. – 320 с.

⁶³ Там же.

таковая извне. Оппозиция и конкуренция с другими только тогда делают возможным ландшафт этнических групп. Этническая идентичность социального сообщества не является статичной или монолитной, она остается динамичной и изменчивой, постоянно переопределяемой, расширяемой или ограничиваемой. Этническую принадлежность необходимо изучать как категорию наряду с другими социальными идентичностями и формами человеческих сообществ. Часто сильная этническая идентичность формировалась, например, в военной (V век до н.э.) и раннесредневековой ученый-универсал Исидор Севильский (ум. 636) предложили определения, примерно отражающие общее происхождение (одной крови), язык, святилища, жертвенные обряды и обычаи, оружие и способы ведения боя, одежда и прическа. В более ранних исследованиях была предпринята попытка детального применения таких критериев⁶⁴. Однако лучше не обращать слишком пристального внимания на такие каталоги, а обратить внимание на важность, которую этнические идентификаторы приобретают стратегически в определенной социальной среде⁶⁵. Этническая принадлежность – это не природное явление, а результат исторических процессов. Это культурное достижение, подкрепленное интеллектуальными и социальными усилиями. Целью и задачами этнической идентичности является придание социальной значимости и создание отличимых друг от друга групп⁶⁶. В определенных исторических условиях этническая идентичность может иметь более или менее важное значение.

Э. Грюн подчеркивал, что этническая принадлежность ни в коем случае не всегда должна быть связана с построением коллективной идентичности. Таким образом, хотя греческие, римские и еврейские древности знали саги о происхождении и генеалогии, они не играли центральной роли. Скорее, преобладало сложное самовосприятие, включающее саги о странствиях,

⁶⁴ Вуд, Д. Современное происхождение / Д. Вуд. – М.: мысль, 2022. – 322 с.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Рикёр, П. Герменевтика. Этика. Политика / П. Рикёр. – М.: АО «КАМІ», Изд. центр «Academia», 1995. – 160 с.

самые разные личности и места происхождения, происхождение и родство. Часто древнее политическое сообщество создавало общих – часто героических или мифических – предков и фигур-основателей. Примеры этого включают Авраама, Моисея, Геракл, Кадм, Эней и Ромул. В то время для еврейских и христианских разговоров об истории и происхождении был важен библейский Иаков, чья линия через Давида вела к Иисусу. Таким образом, в целом античность имела очень специфическое представление об этнической идентичности⁶⁷. Однако, как и в исламском мире, этническая принадлежность не была в центре внимания в древние времена.

Древние люди описывали варваров, живущих в основном за пределами своего сообщества, с сильной этнической принадлежностью⁶⁸. Франки, готы, лангобарды и вандалы целенаправленно использовали этническую идентичность как политический механизм, когда они вошли в Римскую империю. Их постримские королевства назывались народными именами. С одной стороны, эта этническая терминология гарантировала наименование как внутри, так и за ее пределами, но, прежде всего, она давала политическую и социальную идентификацию собственной военной элите⁶⁹.

Однако большая часть населения провинций, в которых сейчас доминируют варварские вооруженные силы, считала себя христианским, римским населением, а не специфической этнической общностью, родом. Без церкви и христианства средневековое общество было просто невыносимо. Но почему, несмотря на это, этническая идентичность смогла стать такой важной в христианской Европе?

В. Поль объяснил это трансформацией этнической терминологии в средневековом христианстве. С одной стороны, это было связано с неевреями, то есть «язычниками», и, следовательно, имело негативный оттенок, с другой стороны, оно сохраняло положительную идентификационную функцию. С

⁶⁷ Груен, Э. Культура и национальная идентичность в республиканском Риме / Э. Груен. – М., 2004. – 385 с.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же..

христианской точки зрения, большинство народов соответствовало божественному плану спасения до тех пор, пока в конечном итоге оно могло быть отменено во Христе. Эта динамика может объяснить успех этнической идентичности вплоть до появления современных наций в XVIII-XIX вв.

М. Вебер выделил субъективную веру в общность происхождения этноса в качестве важного критерия в посмертно опубликованном трактате «Возникновение веры в этническую общность»⁷⁰. Однако тысячелетнее представление о том, что народы, по сути, являются биологическими единицами, было явно или неявно преобладающим в исследованиях до середины XX в. Р. Венкус выступил с определением родословная община и со всеми другими объективными положениями, такими как правовое сообщество, сообщество поселений, политическое сообщество и языковое и культурное сообщество, подробно изложенными в первой части «Формирование племен и конституция», чтобы показать, что ни одна из этих характеристик не была универсальной. Решающим фактором был не фактическое происхождение, но вера в него. Субъективное осознание принадлежности, полагал Венкус, было опосредовано традицией, которая включала мифы о происхождении и в нем рассказывалось об общей судьбе, а также о нормах жизни. Таким образом, смена племенной принадлежности изначально означала принятие традиций и конституции. Особенно в такое сложное время, как «переселение народов», мигрирующие ассоциации могли объединяться легко присоединиться к успешным и ориентированным на традиции руководящим группам, которые Венкус называет «ядрами традиций»⁷¹.

«Соответственно, – писал он, – под племенным образованием мы понимаем, прежде всего, процесс, который приводит к племенному сознанию»⁷². Особую германскую форму этнического сознания эпохи

⁷⁰ Вебер, А. Избранное: кризис европейской культуры / Альфред Вебер; [пер.: М.И. Левина, Т.Е. Егорова; послесл. Ю.Н. Давыдова]. – СПб: Универс. кн., 1998. – 565 с.

⁷¹ Wenskus, R Sächsischer Stammesadel und fränkischer Reichsadel / R. Wenskus. – В, 1976. – P 17–22.

⁷² Там же.

переселения народов» Венкус назвал «джентилизмом»⁷³. Модель, изложенная здесь, может быть взята из более чем 600 страниц «Племенного образования и конституции», но нигде не обобщается вкратце.

Книга получила широкое распространение по различным дисциплинам, и вскоре была признана новаторской. В 2002 году Александр К. Мюррей в хорошо изученном, хотя и отчасти довольно злобном эссе утверждал, что Венкус не был таким новаторским, как часто утверждается: «Я думаю, правильно указывать на это работа Венкуса стала завершением историографического развития, а не началом, заключающим в себе и систематизирующим полвека научного ревизионизма в областях этнологии и германской античности»⁷⁴. Эта фраза удивляет автора, который сильно преувеличил непрерывное влияние подхода Венкуса в так называемой «теории этногенеза». Однако, конечно, верно, что работа Венкуса была во многих отношениях встроена в исследовательский ландшафт своего времени и при этом, помимо перспективных, способствовала внедрению проблемных подходов.

Этногенез на самом деле означает «становление народа» и слишком расплывчато для современной науки. Термин появился еще во Франции XIX в., например, у Доминика Франсуа Луи Беллоге, который хотел доказать кельтское происхождение галлов (этногения голуаз) и резко отграничил их от любого родства с «германцами». Однако Беллоге исходил из культурного, а не, скажем, биологического, ядра, формирующего идентичность для каждой этнической идентичности. Примерно в то же время Жозеф Артур граф де Гобино разработал свои важные расовые теории. Термин этногенез с самого начала находился в некотором противоречии с этими конструкциями. Иоганн Каспар Цойс утверждал, что важное значение для понимания истории концепции этногенеза имеет ее роль в марксистской теории, а затем и в советских исследованиях. Об этом «обходном пути» он не участвовал в

⁷³ Там же. С. 255.

⁷⁴ Мюррей, Генри / Леонтьев Д. А. // Монголы – Наноматериалы [Электронный ресурс]. – 2012. – С. 615–616.

дебатах до окончания Второй мировой войны. До Второй мировой войны марксистская теория с небольшими сомнениями следовала установленным историческим исследованиям⁷⁵. Фридрих Энгельс в значительной степени некритично принял интерпретации Германии Тацита, которых придерживался примерно Каспар Цой. Отто Бауэр, в свою очередь, в духе исторического материализма видел эволюцию от «родового сообщества» к «культурному сообществу» на протяжении всего средневековья. Современные нации представляют собой смешанные формы, но в принципе происхождение играет незначительную роль в современную эпоху и индустриальную эпоху.

Иосиф Сталин написал краткий трактат в изгнании в Вене перед Первой мировой войной под названием «Марксизм и национально-колониальный вопрос», опираясь на работы Бауэра⁷⁶. В Советском Союзе его мелкий шрифт стал программой. Он заявил, что нация была «не расовой и не племенной общиной, а исторически сложившимся сообществом людей»⁷⁷. В их основе лежали общий язык, история и культура. Нации в Советском государстве поощрялись государством в соответствии с доктринами Ленина и Сталина, а в некоторых случаях даже определялись. Нерусские этнические группы пользовались определенными привилегиями. Можно зайти так далеко, что рассматривать этническую классификацию как одну из основных категорий порядка Союза объединенных Советских Республик (ССРП).

В 1930-х годах XX в. в Советском Союзе возникли активные этнологические исследования, которые должны были руководствоваться сталинскими догмами. Термин «этногенез» теперь подходит для обозначения процессуального формирования этнических сообществ. Точно так же советская историческая наука стремилась объяснить формирование славянской идентичности в раннем средневековье с помощью соответствующих моделей. При этом он также четко отличался от немецких

⁷⁵ Рисмен, Д. Некоторые типы характера и общество / Д. Рисмен // Социс. – 1993. – № 3. – С. 121–129.

⁷⁶ Сталин И. В. Сочинения. Том 14. Март 1934 – июнь 1941. – М.: Информационно-издательский центр «Союз», 2007. – 358 с.

⁷⁷ Там же. С. 27.

подходов с использованием расовых объяснительных. Термин «этногенез» был устоявшимся. Однако из-за Второй мировой войны и последовавшей за ней холодной войны восприятие советской литературы на Западе было очень ограниченным. Вот почему никогда не было достаточно споров по поводу его использования, что частично объясняет нечеткость термина «этногенез» по сей день.

Дискуссии вокруг «концепций народности и народности» немецких исследований оказали влияние на этнологию. После 1945 года профессиональным представителем, пользующимся большим уважением, был этнолог Вильгельм Эмиль Мюльманн⁷⁸. С одной стороны, он использовал термин этногенез, который фактически подразумевал противоположную концепцию, для продвижения подходов к немецким этнологическим исследованиям первой половины XX в. Народы больше не были отделениями от более крупных образований, как, например, еще в тезисах об индоевропейской миграции.

Рейнхард Венкус с 1960-х годов расставил новые акценты. Народы были определены им, грубо говоря, как социальные категории, постоянно меняющиеся. При этом ссылки на социал-дарвинистские подходы старой немецкой этнологии и другие проблемы, однако, в основном не проблематизировались, а оставались без упоминания. Венкус прокомментировал нееврейские ассоциации между римским имперским периодом и ранним средневековьем в центральноевропейском варварстве и частично на имперских землях. При этом он ссылаясь на так называемые ядра традиций, которые, по его мнению, несут в себе нееврейскую идентичность и могут снова и снова становиться центром нового «племенного образования». При этом он представлял себе аристократические группы или певцов и

⁷⁸ Mühlmann W. Rassen- und Völkerkunde: Lebensprobleme der Rassen, Gesellschaften und Völke / W. Mühlmann. – Braunschweig 1936. – 1118 p.

поэтов, которые могли бы предложить, так сказать, идеальный потенциал для более широкого социального объединения воинственных объединений⁷⁹.

Сегодня этническая идентичность в основном обсуждается в контексте преобразования римского мира и роли варварских объединений в этом процессе. Вместо терминов «переселение народов», «конфликт», «вторжение» или «падение Римской империи» тенденция недавних исследований – «интеграция» или «преобразование / преобразование». В археологических науках обсуждение этнической идентичности как категории началось позже и остается важной темой⁸⁰.

Проблема этнической идентичности имеет непосредственное продолжение в концепции этногенеза. Термин этногенез, неологизм середины XX века, относится к наблюдаемому феномену появления новых социальных групп, демонстрирующих сплоченную идентичность, то есть, с антропологической точки зрения, «этнической группы». Соответствующие социальные науки не только наблюдают за этим явлением, но и ищут объяснения его причин.

В проблеме этноса речь идет о политическом единстве, а не о расовом сообществе, как отстаивал не кто иной, как Кассиодор, но также и как предлагал Исидор Севильский. Таким образом, термин «люди» близок к термину «население» в смысле общества, в котором доминирует сообщество прав и единое общественное сознание. Следовательно, род представляет собой полиэтническую политическую единицу.

Согласно мнению В.А. Тишкова «В последнее десятилетие ряд новых подходов в общественной теории способствовал отходу от трактовки социальных коалиций (групп) как реальных, субстанциональных общностей. Это, прежде всего, интерес к так называемым сетевым формам и растущее использование категории сеть (network) как ориентирующего образа или метафоры в теории и конкретном исследовании. Это – разработки в области

⁷⁹ Wenskus, R *Sächsischer Stammesadel und fränkischer Reichsadel* / R. Wenskus. – B, 1976. – 807 p.

⁸⁰ Братер, С. Этнические интерпретации / С. Братер. – М.: АСТ, 2021. – 514 с.

теории рационального действия, которые делают упор на индивидуальные стратегии и на более глубокое понимание феномена групповости. Это – переход от структуралистских взглядов, при которых группа рассматривается как исходный компонент социальной структуры, к конструктивистским подходам, при которых групповость – конструируемый, контекстный и подвижный феномен...постмодернистские подходы вызвали больше внимания к проблемам фрагментарности, эфемерности и эрозии жестких форм и четких границ»⁸¹.

Таким образом, на основе всего вышесказанного, можно сделать ряд заключений:

– методологически оправданным в осмыслении феномена «нация» является комплексный подход, на основании того, что благодаря ему этнокультурные и гражданские составляющие вместе с исторической памятью тесно взаимодействуют;

– для будущего национального государства, а также для трансформации национальных интересов концепт нации имеет гносеологическое и прогностическое значение;

– этническая идентичность тесно взаимосвязана с национальной, практически продолжается в ней.

⁸¹Тишков, В.А. Этнология и политика: науч. публицистика / В.А. Тишков; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2001. – С. 239.

1.3 Аксиологический подход как основной инструмент исследования идентичности

Рассматривая данную проблему, отметим, что этническая и национальная идентичности стали предметом теоретико-методологического дискурса в рамках критики философских представлений о том, что все идентично самому себе⁸².

Как видим, не взирая на разнообразие определений содержания понятия «идентичность», все исследователи сходятся в том, что в её составе можно выделить ряд структурных элементов:

- когнитивный – представляет собой знания о правовых и государственных особенностях, общественно-политических событиях в границах данного общества;

- коннотативный (эмоционально-оценочный) – рефлексивность знаний и наличие собственного отношения к общественно-политическим событиям;

- ценностный (аксиологический) – представляет собой умение определять влияние общественной жизни на собственную на основе признания прав других людей, уважения правовых основ и культурных традиций государства и общества;

- деятельностный – предполагает участие индивида в общественной жизни, самостоятельность в выборе решений, способность противостоять чужеродному влиянию.

В соответствии с выделенными структурными элементами основными направлениями и инструментами формирования идентичности среди молодёжи могут стать: духовно-нравственное воспитание, историческое

⁸² Сергеева, О.А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем / О.А. Сергеева // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 5. – С. 104–114.

воспитание, политико-правовое воспитание, патриотическое воспитание, профессионально-ориентированное воспитание.

При этом некоторые исследователи (Асмолов, Карабанова, Марциновская) утверждают, что формирование идентичности может быть обеспечено при реализации следующих подходов:

- системно-деятельностного;
- гуманистического;
- компетентностного;
- аксиологического⁸³.

Таким образом, рассмотрение культурных основ идентичности возможно сквозь призму аксиологического подхода. Он объединяет «бесчисленные свойства культуры вокруг понятия ценности. Ибо ценности определяют изнутри, из глубин индивидуальной и социальной жизни то, что мы называем культурой народа и общества, и именно так ценности становятся ядром этой культуры»⁸⁴. Ценность выступает одним из основных (фундаментальных) понятий философии, а аксиологическое понимание культуры имеет значительную философскую традицию. Его по-своему разрабатывали Н. Бердяев, Г.П. Выжлецов, Г. Риккерт, П. Сорокин, М. Шелер и др.

Ценности следует понимать как явное или неявное, характерное для отдельного человека или группы, представление о желаемом, влияющее на выбор из доступных способов, средств и целей действий⁸⁵. Ценности *не видны напрямую* и, следовательно, не проявляются напрямую. Это *желаемые цели* человека, которые также могут относиться к контексту общества в целом.

⁸³ Асмолов, А.Г. Как рождается гражданская идентичность в мире образования: от феноменологии к технологии: монография: в 2 ч. / Асмолов А.Г., Карабанова О.А., Марциновская Т.Д.; [под ред. А.Г. Асмолова]; М-во образования и науки Рос. Федерации [и др.]. – М.: Федеральный институт развития образования, 2011. – Ч. 1. – 111 с.

⁸⁴ Асмолов, А.Г. Как рождается гражданская идентичность в мире образования: от феноменологии к технологии: монография: в 2 ч. / Асмолов А.Г., Карабанова О.А., Марциновская Т.Д.; [под ред. А.Г. Асмолова]; М-во образования и науки Рос. Федерации [и др.]. – М.: Федеральный институт развития образования, 2011. – Ч. 1. – 111 с.

⁸⁵ Клакхон, К. Ценности и ценностные ориентации в теории действия: исследование в определении и классификации / К. Клакхон. – СПб.: Питер, 1999. – С. 399.

Отдельные лица и коллективы действуют как носители ценностей, которые, с одной стороны, формируют и изменяют их, но, с другой стороны, также формируются ими. Наконец, ценности влияют на *поведение* людей, например, на поведение избирателей или другие формы участия в политической жизни.

В то же время ценности имеют огромное значение для политических или социальных систем, поскольку только через них можно определить фундаментальное представление о политическом. Под этим подразумевается, отстаиваются ли и в какой степени в обществе фундаментальные ценности, такие как, например, солидарность, свобода или справедливость, и в каком соотношении они соотносятся друг с другом. Таким образом, ценности действуют в человеческом сосуществовании как своего рода ориентир, на который должны ориентироваться политики и без которого социальная сплоченность была бы невозможна⁸⁶.

Лингвистическая дифференциация между ценностями и ценностными ориентациями обычно не проводится, хотя ценностные ориентации обычно включают только те ценности, которые также были окончательно усвоены индивидуумами. Вот почему в дальнейшем, как правило, больше говорят о ценностях. Гораздо более важным можно считать разграничение между ценностями и установками. Ценности, в отличие от отношения, характеризуются как очень стабильные и устойчивые, позволяющие оказывать долгосрочное влияние на политическое поведение, в то время как отношение также может быть подвержено колебаниям. Фундаментальные ценности формируются еще в детстве и подростковом возрасте, в то время как отношение также может изменяться ситуативно. Хотя ценности также могут быть изменены в результате кризисных событий, таких как экономический кризис, войны или распад государства, отношения, как правило, гораздо более недолговечны.

Ценности следует понимать как основные руководящие принципы или стандарты, из которых отношение только начинает формироваться. Скорее, в

⁸⁶ Там же. С. 74.

то время как отношение предполагает в первую очередь оценочное действие, ценности становятся очевидными благодаря взвешиванию конкретных целей. Отношения, если рассматривать их с теоретической точки зрения, выражают «только фактически положительное, отрицательное или безразличное отношение к конкретным объектам»⁸⁷. Нормативное утверждение не может быть выражено через отношение. Следовательно, «он устраняет постулат желаемого в прямом сравнении со значениями»⁸⁸. Кроме того, «носителями отношения являются исключительно отдельные люди, тогда как ценности могут поддерживаться как социальным коллективом, так и отдельными людьми»⁸⁹.

Однако ценности ни в коем случае не являются неизменяемыми, но в большинстве случаев они претерпевают довольно постепенные изменения. Если это происходит, то следует говорить об изменении ценностей. Две причины, вызывающие это, были описаны в работе «Тихая революция», написанной Рональдом Инглхартом в 1977 г.⁹⁰

В нем он описал, что на постиндустриальном этапе новые проблемы, которые ранее не казались актуальными для широкой демографической группы, приобретут большее значение. В качестве факторов, влияющих на это, Инглхарт ссылается не только на экономический бум после Второй мировой войны, но и на отсутствие военных столкновений. Основываясь на этих предположениях, Инглхарт разработал инструмент измерения, известный сегодня как индекс Инглхарта, для определения материалистических и постматериалистических ценностных ориентаций. Он состоит из четырех показателей: (1) поддержание спокойствия и порядка в этой стране, (2) усиление влияния граждан на решения правительства, (3) борьба с ростом цен и (4) защита права на свободу слова. В то время как (1) и (3) следует понимать

⁸⁷ Клакхон, К. Ценности и ценностные ориентации в теории действия: исследование в определении и классификации / К. Клакхон. – СПб.: Питер, 1999. – С. 57.

⁸⁸ Там же. С. 423.

⁸⁹ Там же. С. 57.

⁹⁰ Инглхарт, Рональд // Излучение плазмы. Исламский фронт спасения. / Р. Инглхарт. – М.: Большая российская энциклопедия, 2008. – 386 с.

как материалистические элементы, элементы (2) и (4) представляют собой постматериалистическую ценностную ориентацию⁹¹. Целью индекса Инглхарта является запрос на ранжирование конкретных значений, отображаемых в этом индексе. Если прослеживалось предпочтение обоим материалистическим элементам, человек классифицировался как материалист, тогда как предпочтение двум постматериалистическим элементам приводило к классификации как постматериалистических. При этом Инглхарт особенно отметил различия между поколениями, которые проявлялись в порядке предпочтений: пожилые слои населения были более склонны к материализму, чем в среднем, тогда как более молодые сегменты населения были преимущественно настроены к постматериализму. На основе этих предположений возникли его гипотеза дефицита и гипотеза социализации. Основное предположение здесь состоит в том, что нехватка определенных товаров, таких как безопасность или еда, приводит к долгосрочной потребности именно в этих товарах.

Таким образом, поколение, пережившее войну, имеет более сильные потребности в безопасности, чем поколение, не имевшее такого опыта. Гипотеза социализации, в свою очередь, утверждает, что ценности формируются в первые 20 лет жизни и оказывают формирующее влияние на дальнейший жизненный путь⁹². Если изначально Инглхарт исходил из предположения, что доля постматериалистов в будущем будет неуклонно расти в западных обществах, таких как Федеративная Республика Германия, в то время как материалистов будет становиться все меньше и меньше, вскоре стало очевидно, что это предположение не совсем верно. Фактически, доля материалистов уменьшилась, но доля постматериалистов оставалась на прежнем уровне с 1980-х годов. Вместо этого появился *смешанный тип*, который в равной степени отдает предпочтение как материальным, так и

⁹¹ Там же.

⁹² Инглхарт, Рональд // Излучение плазмы. Исламский фронт спасения. / Р. Инглхарт. – М.: Большая российская энциклопедия, 2008. – 386 с.

постматериальным ценностям. Таким образом, индекс Инглхарта является до сих пор не бесспорным измерительным инструментом, который, тем не менее, используется наряду с моделью ценностей, основанной на Шаломе Шварце, а также с типологией ценностей Шпейера в качестве общей модели исследования ценностей в социальных науках. Но последние два не представлены более подробно на данном этапе, поскольку они измеряют менее ценностные ориентации, связанные с обществом, чем это заложено в основной идее «индекса Инглхарта».

На основе изменения ценностей, описанного Инглхартом, в конечном итоге меняется и немецкая партийная система Федеративной Республики Германия. Если это было особенно характерно для непрерывности в течение длительного времени, то происходит заметная реконфигурация. Что касается доминирующих до тех пор линий конфликта, конфликта социального государства, а также конфликта между церковно-религиозными и государственно-светскими ценностями, то в качестве третьего измерения устанавливается противоречие между материалистическими и постматериалистическими ценностями. Этот процесс произошел на большей части территории Западной Европы и во многих местах привел к созданию партий *зеленой альтернативы*. В предшествующий период изменение ценностей уже проявлялось в появлении *новых социальных движений*, начиная с конца 1960-х гг. Эти движения включали движения за мир, против ядерной энергетики, окружающей среды и женщин, а также группы защиты интересов геев и лесбиянок. Из них в 1980 году Германия, наконец, породила создание партии *Зеленые*, которая, в частности, приняла те ценности, которые Инглхарт определил как постматериальные. На выборах в Бундестаг Германии в 1983 году 40% постматериалистов, участвовавших в выборах, проголосовали за Партию зеленых.

В академических кругах культура чаще всего рассматривается как система ценностей. Это создает проблему, заключающуюся в том, что, исходя из этого предположения, две теоретические конструкции, ценности и

культура, трудно разграничить. Это дополнительно осложняется тем фактом, что ценности не могут быть четко определены и рассматриваются скорее как концепция желаемого.

Кроме того, ценности и нормы не всегда четко различаются, поскольку оба они передаются между жанрами и могут быть адаптированы в процессе обучения. Однако есть и четкое различие: нормы определяют, как человек должен вести себя в обществе, иначе он будет подвергнут социальному наказанию. Ценности, с другой стороны, скорее говорят о том, как было бы желательно вести себя, чтобы соответствовать идеалу общества.

Кроме того, различия между ценностями и установками не всегда очевидны. Однако даже эти термины можно разграничить. В то время как отношение относится к индивидуальным оценкам определенных объектов или ситуаций, ценности, скорее всего, будут соответствовать коллективным взглядам на определенные принципы порядка, такие как свобода или достижения, а также на организацию различных сфер жизни.

Ценности полезны для межкультурного общения, потому что они могут предсказать, как могут вести себя представители культуры. Различия, характерные для культуры, фильтруют восприятие и образ мышления, направляя поведение на конкретные аспекты. В результате этого процесса создается определенное мировоззрение и, как следствие, культурная идентичность, которая усиливается за счет отграничения от других культур. Поэтому коллективистские культуры с большей вероятностью воспринимают информацию, касающуюся принадлежащей им группы, в то время как индивидуалистические культуры, с другой стороны, сосредоточены на собственных достижениях.

Исследование ценностей в разных культурах является важным аспектом, особенно для компаний, работающих на международном уровне. Потому что ценности играют в этом важную роль во многих отношениях благодаря различным сотрудникам из разных стран, которые могут представлять разные ценности. Но также и в сотрудничестве с компаниями из

других стран, где различия в культуре могут привести к недопониманию, которое затем может повлиять на успех компании. Кроме того, влияние продуктов на международный рынок можно оценить и максимизировать с помощью ценностей. Например, бренд «Nivea» добился большого успеха на японском рынке, поскольку запах не выделяет отдельных людей, а линейка продуктов направлена на то, чтобы вовлечь человека в социальную группу.

Основываясь на теории ценностей Рокича, было обнаружено, что менеджеры во Франции устанавливают свои ценности индивидуалистически, ценя при этом захватывающую жизнь и гармонию. Что касается общей части этого, немецкие менеджеры считают более важными социальные ценности, такие как мирный мир, а также безопасность семьи. Однако, в отличие от других культурных кругов, это довольно незначительные различия: американские менеджеры воспринимают гораздо более индивидуалистические и коллективистские культуры, ставят определенную группу, такую как, например, семья или общество, в центр внимания⁹³.

Отметим, что в аксиологии идентичность рассматривается как индивидуальное личностное качество, в основе которого лежит социальный контекст бытия, т.е. основу идентификационного тождества индивида в таком случае будут составлять сформированные под влиянием авторитетных групп нормы, ценности и идеалы. Как утверждает А.С. Петракова, значимость тех или иных индивидуальных качеств идентификации определяется требованиями общества, а потому опираются на мировоззренческие концепты, составляющие основу общественного сознания⁹⁴.

Рассмотрим эволюцию представлений об аксиологических основах формирования идентичности и личностной самоидентификации.

В Античной философии большое внимание аспектам формирования идентификации уделяли Сократ, Аристотель, Эпикур. Так, по мнению

⁹³ Рокич, М. Природа человеческих ценностей / М. Рокич. – М.: Мысль, 2020. – 415 с.

⁹⁴ Петракова, А.С. Понимание процессов идентификации и самоидентификации личности в основных аксиологических концепциях / А.С. Петракова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2017. – № 4 (67) – С. 61–66.

Сократа, ценности и идеалы присущи каждому индивиду с рождения и составляют «божественную сущность» человека⁹⁵.

Дополняя и развивая идеи Сократа, Аристотель говорит, что основаниями для формирования идентичности выступает социальный контекст бытия, который напрямую определяет ценностные ориентации человека, его нормы и идеалы.

В понимании Фомы Аквинского «аксиологическим инструментом формирования идентичности выступает христианское вероучение, которое выдвигает конечной целью существования достижение блаженства в единении с Богом»⁹⁶.

В философии позднего Средневековья и Нового времени интересными представляются идеи Николая Кузанского и Никколо Макиавелли.

В учении Николая Кузанского ведущим аксиологическим аспектом идентификации выступает признание ценности бытия своего и других, а соответственно, и идентификация себя с другими как с созданиями сверхъестественной воли⁹⁷.

В свою очередь Н. Макиавелли, которого можно по праву считать наиболее ярким представителем социальной аксиологии, прямо указывает, что трансформация ценностных установок личности подвергается манипулятивным трансформациям, а значит, идентичность личности формируется не объективными условиями и ценностями бытия, а направляющим воздействием чужой (или собственной) воли⁹⁸.

⁹⁵ Платон. Сочинения. Т. 3, ч. 2. / ред. А.Ф. Лосев, В.Ф. Асмуса. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – С. 722–724.

⁹⁶ Фома Аквинский. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. – Л.: Наука, 1990. – С. 223.

⁹⁷ Кузанский, Н. Сочинения: в 2 т. / Н. Кузанский; [сост. В.В. Бибикина; общ. ред. В.В. Соколова, З.А. Тажуризиной]. Т. 2 / пер. с латин. А.Ф. Лосева [и др.]. – 1980. – 570 с.

⁹⁸ Макиавелли, Н. Князь / Никколо Макиавелли; [пер. со старославян. С.М. Роговина]. – Минск: Завигар, 2000. – 191 с.

В аксиологической концепции Ш.Л. Монтескье идентичность трактуется как степень добродетельности индивида, оцениваемая в контексте социального идеала⁹⁹.

Квинтэссенцией понимания идентичности философами Просвещения является понимание ценностных её основ Томасом Гоббсом. В основе его понимания идентичности лежит утверждение ценности жизни вообще и ценности жизни каждого индивида в отдельности¹⁰⁰.

Наибольшего своего развития аксиологическое понимание содержания идентичности нашло в трудах представителей немецкой философии В. Виндельбанда, Н. Гартмана, В. Дильтея, Г. Риккерта¹⁰¹.

В теории ценностей Н. Гартмана человек идентифицируется как деятельностный субъект, способный к формированию ценностного сознания, опирающегося на собственные представления об идеалах и ценностях, которые, в понимании Н. Гартмана, существуют в виде абсолютных идей и этических идеалов и не имеют материального воплощения. В философском осмыслении Н. Гартмана личность проходит процесс самоидентификации, опираясь на собственное ценностное сознание и идентифицируя объекты окружающего мира с позиции их ценностного содержания. При этом, философ отмечает, что ценностную суть этих объектов человек постигает априорно, т.е. неотрефлексированно, интуитивно¹⁰².

В исследуемом контексте нельзя не отметить социально-философское осмысление аксиологических основ идентичности А. Вебером. В социально-философской концепции А. Вебера указывается, что в результате распространения массовой культуры человеческая личность теряет

⁹⁹ Монтескье, Ш.Л. О духе законов / Шарль Луи Монтескье; [сост., пер. и коммент. примеч. авт. А.В. Матешук]. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.

¹⁰⁰ Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс; [пер. с англ. А. Гутермана]. – СПб: Азбука, 2020. – 700 с.

¹⁰¹ Виндельбанд, В. Дух и история: избранное / В. Виндельбанд; [пер. с нем.; сост. С.Я. Левит, Л.В. Скворцов; отв. ред.: П.С. Гуревич, С.Я. Левит; примеч. М.А. Ходанович]. – М.: Юристъ, 1995. – 720 с.

¹⁰² Гартман, Н. Этика = Ethik / Николай Гартман; [пер. с нем. А.Б. Глаголева под ред. Ю.С. Медведева, Д.В. Складнева]. – СПб.: Фонд Ун-т: Владимир Даль, 2002. – 707 с.

собственную индивидуальность, таким образом, нивелируя и унифицируя свою идентичность, лишая себя уникальности. Здесь же А. Вебер указывает, что аксиологические основы идентичности могут трансформироваться под влиянием внешних воздействий, проявляющихся, прежде всего, в трансформации системы ценностей. Очевидно, что трансформация ценностных ориентиров напрямую влияет на процессы формирования идентичности, изменяя систему ценностей и смыслов человека¹⁰³.

Культурная идентичность, приверженность ей, а также борьба за собственную культурную идентичность – это модные слова, которые сегодня часто используются и требуют объяснения. Сегодня во всем мире происходит процесс осознания собственной культурной самобытности, а также борьба за ее утверждение – отчасти насильственными средствами. В особенно яркой форме это описал Сэмюэл Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций», и многое из, к сожалению, то, что предсказывал Хантингтон, также стало драматической реальностью¹⁰⁴. Радикальные исламские идеологии, в частности, сегодня с помощью насилия и террора сотрясают не только Ближний Восток, но и Европу, а также Америку. Арнд Уле дал следующее и убедительное определение в своей важной мюнхенской диссертации «Конституционное государство свободы и культурная идентичность»: «Под культурной идентичностью понимается совокупность ценностей, сформированных в культуре, в том числе понимание мировоззрения и образа мышления, а также поведения и образа жизни, также обусловленных культурой, которые формируют собственный имидж культурного сообщества, в том числе нации»¹⁰⁵. Понимаемая таким образом культурная идентичность определяется как элементами принадлежности к (вышестоящему) культурному кругу, так и элементами принадлежности к

¹⁰³ Вебер, А. Избранное: кризис европейской культуры / Альфред Вебер; [пер.: М.И. Левина, Т.Е. Егорова; послесл. Ю.Н. Давыдова]. – Санкт-Петербург: Универс. кн., 1998. – 565 с.

¹⁰⁴ Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – 571 с..

¹⁰⁵ Уле А. Критика новейших систем морали / А. Уле. – СПб.: Питер, 2008. – С. 307.

индивидуальной культуре соответствующего сообщества. В этом смысле культурная идентичность, как точно выразился Уле, в первую очередь и принципиально представляет собой преимущество и это внеправовой факт, который, тем не менее, также имеет значение для формирования и существования свободного конституционного государства, которое обнаруживает и, как правило, присоединяется к этой культурной самобытности. Эта актуальность культурной идентичности свободного конституционного государства может быть зафиксирована и подтверждена как с точки зрения конституционной теории, так и с точки зрения конституционного права. «В качестве условия возникновения культурная идентичность важна для свободного конституционного государства в том смысле, что, хотя она носит прерогативный характер, свободное конституционное государство обнаруживает ее как исторически сложившийся и формирующий настоящее факт при своем создании и обуславливается ею как в своем существовании, так и в своей форме: только через них осуществляется догосударственное существование конституируемого государством культурного сообщества, народа, объединенного общим языком и историей и уже достаточно сплоченного на исторически определенной территории, чтобы стать доступным для свободного конституционного строя»¹⁰⁶.

Уле представил это для либерального конституционного государства западного образца и тем самым продемонстрировал основы современного либерального конституционного государства западного образца. Однако культурная идентичность в этом западном понимании не является исключительной. С несколько иной точки зрения социальный антрополог В. Мюльманн, один из идологов фашизма, которого Венкус неоднократно цитировал, придерживался концепции «динамичного народа»¹⁰⁷. Мюльманн принадлежал к школе функционалистов и после 1933 года сначала подвергся

¹⁰⁶ Уле А. Критика новейших систем морали / А. Уле. – СПб.: Питер, 2008. – С. 81.

¹⁰⁷ Wenskus, R *Sächsischer Stammesadel und fränkischer Reichsadel* / R. Wenskus. – 1976. – P. 99.

давлению, поскольку представители конкурирующего направления культурно-историко-диффузионистских исследований пытались обесценить функционализм как еврейский и антинемецкий; последовавший за этим спор Шульмана был в основном посвящен доказательству пригодности национал-социалистической идеологии.

Венкус довольно бесцеремонно использовал то, что, по его мнению, было полезно для размышлений фон Мюльмана, не заботясь об идеологическом контексте. Он отказался от обременительного словарного запаса «переселение народов», «чрезмерное отчуждение» и т.д., в значительной степени также от самого термина «народ». Решающим шагом в отходе от нацистской идеологии стало отказ от расовой основы этнических сообществ рассматривать народы как продукты устойчивой ассимиляции. Критика Венкусом концепции биологического племени вновь актуальна именно сегодня, поскольку результаты генетики создали у некоторых иллюзию, что с ее помощью можно доказать биологическую основу этнических сообществ после провала расовой доктрины. Со времени «образования и конституции племен» Венкус находился в процессе постепенной переориентации на биологическую основу этнических сообществ¹⁰⁸.

Этническая принадлежность сегодня является спорным вопросом именно потому, что она имеет неприятную актуальность. Когда Вольфрам писал готскую книгу, ему не нужно было объяснять, почему он был этническим

Категории, используемые, по-прежнему объясняют, что они означают. С тех пор все изменилось. Вопрос о том, можем ли мы вообще понимать готов как этническую группу, и понимают ли они себя, таким образом, часто ставится под сомнение. Отчасти это связано с беспокойством, которое испытывают просвещенные представители западной культуры по поводу

¹⁰⁸ Wenskus, R *Sächsischer Stammesadel und fränkischer Reichsadel* / R. Wenskus. – 1976. – P. 209.

этнических и национальных связей, которые все еще воспринимаются как естественные, даже атавистические, и связанных с ними

Чувствовать политику идентичности. Тем не менее, именно этот дискомфорт должен стать поводом для более глубокого изучения этнической принадлежности и ее злоупотреблений. Мы движемся в области исследований, основные понятия которых – народ, племя, нация, этническая принадлежность, идентичность – все стали проблематичными из-за рассеянного научного использования, а также из-за идеологических и политических присвоений. Но это как раз и показывает, что в этой области более важно

Существует потребность в разъяснении и руководстве, с которой должна столкнуться наука. Это должно быть сделано осторожно и без завышенных ожиданий. «Идентичность» – это не ответ, а вопрос. Она охватывает широкую основную сферу человеческого существования, которую мы все еще недостаточно понимаем: взаимосвязи между индивидуумом и сообществом, между самоопределением и категоризацией извне, между мышлением и действием, между процессами и состояниями, между социальными кодами и пространствами для маневра

Изменение между «естественными знаниями» и современными научными концепциями. Эти поля напряженности должны сделать его продуктивным. Вопрос о том, насколько этническая принадлежность (в нашем Значение), лежащее в основе названий народов в источниках раннего средневековья, позволяет историзировать традиционные категории и развивать их значение в каждом конкретном историческом контексте. Это также является движущей силой в разработке новых концепций этнической принадлежности, соответствующих нашему позднеантичному и раннесредневековому материалу.

Культурные идентичности в аксиологическом аспекте во всем мире проявляются в самых разных формах и, следовательно, приводят к разным

результатам. Однако в принципиальном смысле слова везде применяется одно и то же. Культурная идентичность формируется на основе общей

Общая история, общие духовные ценности, общие традиции, а также общая религия. Таким образом, западная культурная идентичность основывается, прежде всего, на христианских западных традициях и основных ценностях, на Просвещении, а также на духовно-исторических традициях, уходящих корнями в древность. Но в том же или аналогичном ключе существуют и другие разработки, традиции и представления о ценностях, которые не соответствуют или существенно отличаются от этой культурной самобытности, сформированной на Западе. Это справедливо как для исламского мира, так и для многих азиатских стран, особенно для тех, которые характеризуются конфуцианством или буддизмом и индуизмом.

Любая государственная организация или конституция, соответственно, любого государства основаны с точки зрения существования на культурной самобытности и идентификации государственного народа, который в каждом конкретном случае организуется или конституционируется. Хотя Конституция сама по себе никогда не может установить культурную идентичность, Конституция может и должна предполагать культурную идентичность в качестве своей собственной основы, а также поддерживать и развивать ее. В этом смысле можно также говорить о том, что культурная идентичность как принцип политической интеграции может, с одной стороны, устанавливать и легитимировать конституции и конституции, но, с другой стороны, она также необходима для сохранения и сохранения собственной идентичности конституирующего государственного народа. Государство или общество, которые отрицают или отказываются от собственной культурной самобытности, тем самым также теряют основу своей собственной конституционной политики и, в конечном счете, и конституционной легитимности. В этом смысле можно также говорить о том, что каждый государственный народ или общество на основе своей конституции обладают и должны сохранять определенную форму внутренней культурной

идентичности. Внутренняя культурная идентичность в этом смысле означает признание и сохранение собственных духовно-культурных основ; и это несмотря на все требования плюрализма, либеральности и терпимости, которые необходимо соблюдать.

Таким образом, культурная идентичность должна пониматься как необходимое условие, необходимое основание любой формы политической интеграции. Однако культурная идентичность не является единым или даже однородным средством интеграции. Скорее, признание культурной идентичности в качестве принципа политической интеграции означает также и в то же время признание различных культурных идентичностей и, следовательно, различных форм интеграции. Однако, с другой стороны, признание различных культурных идентичностей не должно быть столь же поверхностным, как и недифференцированное мышление заканчивается представлениями о плоском мультикультурализме или включается в такие процессы. Мультикультурализм естественен, мультикультурализм, напротив, ошибочен и опасен, поскольку он включает в себя, по крайней мере, косвенно, также релятивизацию, возможно, даже отрицание собственной культурной идентичности. Политическая интеграция предполагает признание и осознание собственной культурной самобытности и вытекающих из нее политических и духовных интегрирующих сил.

Исходя из такого множества теорий идентификации, касающихся аксиологического содержания бытия, очевидно, что аксиология может и должна стать эффективным инструментом для формирования идентичности.

Среди современных исследователей существует ряд интерпретаций и пониманий аксиологических основ формирования идентичности. Например, А.Л. Маршак указывает, что аксиологический подход к формированию идентичности – это подход, в основе которого лежит национальный воспитательный идеал как высшая ценность, здесь же А.Л. Маршак пишет, что современный национальный воспитательный идеал – это «высоконравственный, творческий, компетентный гражданин, принимающий

судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укоренённый в духовных и культурных традициях российского народа»¹⁰⁹.

В свою очередь М.И. Билалов утверждает, что исследование аксиологических основ идентичности соотносится со следующими элементами культуры: менталитет, вера, традиции, научные и философские методологии¹¹⁰.

Мы же в своём исследовании исходим из убеждения, что аксиологическими основаниями идентичности, как народа России в его многослойной полиэтничной культуре, так и народа Донбасса, как его неотъемлемой части, состоят из этнических ценностей и религиозных ценностей, которые образуют наиболее поздний слой культуры и оказывают прямое влияние на формирование региональной идентичности. При этом отметим, что осмысление национальной идентичности народов России и Донбасса осуществляется нами в контексте современных ценностных противоречий и столкновения ключевых ценностных ориентиров культур Запада и Востока, именно поэтому в данном исследовании мы акцентируем внимание на тех ценностях, которые являются базовыми не только для культуры региона, но и общечеловеческими – цивилизационными, – выражающими философию и мировоззрение гуманизма.

Очевидно, что наличие достаточно большого количества теорий формирования идентичности, лежащих в аксиологическом поле бытия, лишь указывает на необходимость междисциплинарного подхода к исследованию феномена идентичности и процессов идентификации и подчёркивает комплексность исследуемой проблемы и её теоретическую и практическую значимость.

¹⁰⁹ Маршак, А.Л. Социокультурная идентичность: ценности, смыслы и содержания / А.Л. Маршак // Гуманитарий Юга России. – 2014. – № 2. – С. 152–155.

¹¹⁰ Билалов, М.И. Примордиализм и конструктивизм в исследовании этнических процессов / М.И. Билалов // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки. – 2014. – № 5. – С. 157–161.

Выводы к разделу 1

Этнос – это социокультурная общность, возникшая намного раньше, чем нация. Этнос формировался и развивался гораздо дольше, чем нация. Этнос включает представителей одной этнической группы, которых объединяет чувство кровного родства, язык, обычаи и традиции, стереотипы поведения, осознание своего единства и отличий от других этнических групп. Нация состоит из представителей одной этнической группы и нескольких этнических сообществ, и все они объединены историческими, культурными, экономическими и политическими факторами, общей идеологией и осознанием принадлежности к единому государству. Нации являются результатом политического союза различных этнических групп, в результате которого создается новое государство. Государство формирует общую национальную идентичность и общее чувство принадлежности к политическому, экономическому и культурному сообществу страны.

Идентичность и культура существуют для каждого законного народа, даже внутри наций. Часто высказывается критика модели нации и народа, я просто должен фактически противостоять ей, что существует нечто, обладающее культурой и идентичностью.

Человек всегда формирует идентичность в социальном обществе. Это также основа для общества, чтобы сохранить себя, потому что общество без культуры и ценностей обречено на гибель, будь то глобальное общество, государственное общество или просто общество, происходящее в Интернете. Идентичность происходит в переходном пространстве между личностью и обществом. При этом идентичность означает, что человек чувствует себя уникальным существом, а также существом, имеющим прошлое и будущее, отличным от других, но также похожим на других во многом и разделяющим многое с другими. Это чувство согласованности и преемственности в

контексте социальной взаимосвязанности формирует жизнь. При этом проводится различие между изначальной идентичностью, личной идентичностью и текущей идентичностью этноса. Когда баланс, поддерживающий чувство идентичности, нарушается, возникают нарушения этнической идентичности, которые оказывают длительное негативное влияние на самоощущение, особенно в социальных контактах. Это приводит к распространению идентичности.

Этническая принадлежность, как стало ясно из недавних исследований, – это не столько качество определенных групп, сколько принцип деления социального мира на ассоциации, которые называются этнонимами. Таким образом, этническая преемственность между римским периодом и ранним средневековьем вытекает, прежде всего, из того, что римская модель деления, дифференцированная и обогащенная этнографическими знаниями, естественно, продолжала использоваться. Все чаще это служило для проведения различия между группами, действующими политически, даже в рамках распадающейся империи. Исходная основа для суждения о роли этнической принадлежности в постримский период: коллективные действия почти повсеместно приписываются этнически названным группам. Первоначально это соответствовало римским представлениям о пришельцах, которые, однако, веками доказывали свою эффективность в борьбе с варварами как в войне, так и в мире. Ничто не указывает на то, что у варваров был принципиально иной способ обозначения коллективных субъектов, даже если в более поздних народных сказаниях названия родственных групп, такие как «Нибелунги» или «Амелунги», играли важную роль в некоторых из них. Этническая принадлежность как когнитивная система различения, по общему признанию, еще мало что говорит об этнической идентичности самих этих групп, за исключением того, что авторы в целом предполагали, что она является ориентиром для действий. Формирование этнической идентичности лучше понимать как результат

общения и взаимодействия. Это результат последовательности актов идентификации.

Это включает в себя самоопределение отдельных лиц и небольших групп в более крупную этническую единицу, которая должна быть принята другими членами группы. Дальше предполагает ли формирование идентичности самовыражение этого единства его представителями, в коллективных ритуалах или в повторяющихся совместных действиях. Таким образом, группа может стать доступной для постороннего восприятия посторонними. Это тот уровень идентификации, который наиболее легко доступен нам в дошедших до нас текстах. Наши источники представляют собой не только иллюстрации, но часто и следы этой серии идентификаций, которые, в свою очередь, могли повлиять на них, конечно, в зависимости от расстояния автора и конкретного контекста общения.

Эти три формы идентификации – самоопределение, коллективное представление и внешнее восприятие – редко полностью охватываются; однако успешное формирование идентичности предшествует всем трем. При этом может произойти значительное укрепление идентичности. Акты идентификации становятся рутинными, принадлежность может восприниматься как должное. Это может привести к парадоксу, заключающемуся в том, что только что зафиксированные идентичности оставляют меньше следов в наших источниках, поскольку они принимаются как данность. Последовательное внешнее восприятие, следовательно, обычно предполагает успешное формирование идентичности внутри. При этом нецелесообразно обсуждать, «существует ли» этническая идентичность сейчас или все же существует политическая, военная или территориальная идентичность

Принадлежности были. Акты идентификации с большими группами редко определяются исключительно этнически (в том смысле, что неотъемлемой чертой единения считается общее происхождение и внутренняя связь). Политические, территориальные, социальная, религиозная и личная

идентификация смешивались друг с другом по-разному. При этом распространенность этнической идентичности колебалась (на английском языке «значимость»), не только по времени и месту, но и между отдельными авторами или действующими лицами. Свидетельством этого является соответствующее использование этнической терминологии при описании больших групп и политических сообществ. Таким образом, этническую принадлежность лучше всего изучать в тесной связи с другими идентичностями.

Таким образом, ценности – одна из важнейших концепций формирования и признания культурной и национальной самобытности, которая может сыграть важную роль в дифференциации культур. Это взгляды, которых придерживается большинство членов общества, которые определяют, что правильно, неправильно или желательно. Они проистекают из религиозного, исторического и традиционного опыта или аспектов.

Ценности являются фундаментальными и дают, и их можно изменить только в долгосрочной перспективе. Экономические институты, семья и религия формируются ценностями и обычно проявляются в ритуалах и традициях, типичных для общества. Ценности часто называют ядром культуры, потому что из них можно лучше сделать вывод о формах поведения в культуре.

Кроме того, следует отличать ценности от различных концепций, которые не всегда четко определены даже в академических кругах.

РАЗДЕЛ 2. СПЕЦИФИКА СТАНОВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДОНБАССА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

2.1 Особенности генезиса и развития исторических и идеологических аспектов функционирования идентичности народа Донбасса

Исследование глобализационных процессов в мире, показывает, что многие современные политологи и историки акцентируют своё внимание на росте «кризиса национальной идентичности». Ее особенностью является рост национального самосознания, возрождение старых традиций и укрепление собственных идей, которые могут быть приняты либо дискриминированы доминирующим этносом.

Осознание идентичности нации неразрывно связано с понятием самосознания человека. В данном процессе он ощущает себя как представителя определённого этноса и культуры, основным долгом которого является не только сохранение данных постулатов, но и дальнейшее их предоставление последующим поколениям. Иными словами, идентичность подразумевает в себе многогранный феномен, в котором заложены ответы на вопросы о сущности народа, его месте и роли в самобытности общества, основой которой выступают исторические, социологические и культурологические аспекты.

В силу исторических условий Донбасс является регионом межэтнического взаимодействия представителей многих этносов – носителей различных культур, традиций, религий. При условии преобладания

представителей восточнославянских этносов, отмечаются большие вкрапления греков, евреев, татар и других наций. Это поспособствовало формированию многонационального, многоконфессионального населения края. В истории региона отражены целые периоды их сложных взаимоотношений.

История становления идентичности народа Донецкого края является объектом исследований ученых, писателей, археологов, политологов. Среди них: Н.А. Бабичева, С.Ю. Бунтовский, В.А. Гайдук, С.В. Дрожжина, Э.Е. Кравченко, Л.А. Крутова, С.В. Лебедев, В.П. Степкин, Л.А. Скворцова, М.В. Ремизов, Г.Г. Чепига, А.А. Чернов.

Территория Донбасса с древности являлась частью евразийского степного коридора. Донецкий археолог Э.Е. Кравченко отмечает: «Указанная территория практически во все периоды своей истории представляла собой развитый густонаселённый регион. Особенно это касается земель, прилегающих к Северскому Донцу и Азовскому морю, где всегда имелось более или менее многочисленное оседлое население. Это население всегда было полиэтничным, но было преобладание того или иного этноса в различные периоды истории. Развитие региона проходило в рамках тех же исторических процессов, что и развитие смежных с ним территорий. Активно функционирующие торговые пути, пролегающие через него, соединяли Запад с Востоком и Север с Югом. Всё это способствовало развитию экономики и распространению всевозможных культурных влияний»¹¹¹.

По мнению писателя А.А. Чернова в истории Донбасса можно выделить несколько этапов: «Первичный – период освоения Подонцовья и Донецкой возвышенности – начался в XVII веке и длился до конца XVIII века, когда в Донбассе начинают закладываться первые шахты и строиться металлургические предприятия.

¹¹¹ Кравченко, Э.Е. Ещё раз о «Диком поле» / Э.Е. Кравченко // История Донбасса: анализ и перспективы: сб. материалов Первой науч. конф. историков ДНР. – Донецк, 2015. – С. 3–11.

Во второй период оформляется его промышленный облик, происходит концентрация промышленных предприятий, формируется крайне пёстрое в национальном и социальном планах население.

Третий период в истории Донбасса начался с 1920-х годов, когда происходит восстановление промышленных предприятий после продолжительной Гражданской войны. Он сопровождается значительным притоком населения из самых разных регионов СССР.

Четвертый значительный период связан с упадком промышленного производства после краха СССР в 1991 году и искусственным «переформатированием» его культуры по не свойственному ему, исторически отжившему «национальному» образцу¹¹².

В свою очередь историк Г.Г. Чепига выделяет периоды формирования современного населения Донбасса: XV – первая половина XVI века – переходный период между эпохами Степи и Руси; вторая половина XVI-XVII вв. – складываются предпосылки для формирования постоянного местного населения; XVIII век – закладывается преемственность поколений; XIX-XX вв. – происходит формирование региональной целостности¹¹³.

Донбасс – от сокращения Донецкий угольный бассейн – территория между Днепром и Доном, ограниченная с юга Азовским морем, а с севера – условной линией лесов. «В широком смысле Донбассом (Большой Донбасс) называют обширный регион, включающий в себя территории современных Донецкой и Луганской областей Украины, отдельные районы Днепропетровской области, и небольшую полосу вдоль украинской границы Ростовской области РФ с городами Шахты и Миллерово. Но обычно под Донбассом имеют в виду территорию двух украинских областей с населением

¹¹² Чернов, А.А. Донбасский код: статьи и очерки / А.А. Чернов. – Луганск: ПРЕСС-ЭКСПРЕСС, 2019. – С. 63.

¹¹³ Чепига, Г.Г. О казацкой составляющей истории Донбасса: исторический миф и реальность / Г.Г. Чепига // История Донбасса: анализ и перспективы: сб. материалов Первой науч. конф. историков ДНР. – Донецк, 2015. – С. 12–20.

в 8 миллионов человек (Малый Донбасс)»¹¹⁴. Донбасс занимает особое место в политической, экономической и в этнической жизни исторической России. Этот край был обитаем с глубокой древности, а в состав России вошел еще в XVII столетии, но по-настоящему всероссийское и мировое хозяйственное значение приобрел значительно позднее. Ключевым для данного региона становится период цивилизационного слома в истории Донбасса, период, который начался еще в XVI–XVII веках, связанный с приходом в Донецкие степи славянского православного мира под эгидой Российской государственности. Государственность в лице России – это основа Новой и Новейшей истории Донбасса.

Согласно исследованиям археологов, первые люди появились на территории региона еще в каменном веке – палеолите. Они уже умели строить примитивные жилища, пользоваться огнем и изготавливать каменные орудия труда. Основным их занятием была охота. «Недалеко от современного городка Амвросиевки обнаружены остатки огромной, занимающей почти 6 гектаров, стоянки людей каменного века и следы их охоты в виде скелетов почти тысячи диких зубров, убитых и разделанных каменными орудиями. Ученые до сих пор спорят, было ли это результатом одной гигантской охоты или результатом многолетней деятельности. На сегодня стоянка под Амвросиевкой является одним из крупнейших в Европе памятников эпохи позднего палеолита»¹¹⁵.

Начало современной фазы климатической истории, формирование степной формации и нынешней природно-климатической формации отмечается около 11 тыс. лет назад. Зоной формирования кочевого мира, в котором преобладали различные тюркские этносы, становится Евразийская степь. Донецкий край расположен между двумя ландшафтно-климатическими

¹¹⁴ Лебедев, С.В. Донбасс: этническая история / С.В. Лебедев. – [Электронный ресурс] // Народный собор: офиц. сайт движения. – [Москва], сор. 2018. – Режим доступа: <http://www.narodsobor.ru/events/society19896-sergej-lebedev-qdonbass-etnicheskaya-istorieaq>

¹¹⁵ Бунтовский, С.Ю. История Донбасса / С.Ю. Бунтовский. – Донецк: Донбасская Русь, 2016. – С. 212.

и культурно-историческими зонами (юг – степная зона, север – зона лесостепи). Такое приграничное положение обусловило вхождение этого края в зону влияния двух цивилизаций – степной, кочевой (преобладают иранцы и тюрки) и лесостепной оседлой (славянской). При этом нарастание славянского, а позднее русского и православного компонента являлось основной тенденцией истории данного сектора Европы.

Иссушенные ветрами, выжженные солнцем полынные степи и степи из седого ковыля, оголенные участки потрескавшейся земли, лишенной влаги, скальные выходы песчаника и известняка, которые изредка дополнялись кустарником или небольшими лесами, – вот описание пейзажа Донецкого края в недалеком прошлом. Для многих народов, обитавших в этом крае, степи были местом пастбищного животноводства и земледелия в наиболее благоприятных местах. Эти степи оказались на пути переселения народов, через них прошли скифы, гунны, сарматы, готы, аланы, хазары, печенеги и половцы, которые оставили немалые следы своей материальной культуры на этой территории, открытой всем ветрами.

Начиная с X-XI вв. на историческую арену выходит Древнерусское государство, становясь крупным геополитическим центром западной части Евразии. Над печенежско-торчешской Степью в Северном Приазовье, которое включало и Донецкий край, устанавливается частичный контроль. На месте хазарского Саркела, на Дону появляется русский город Белая Вежа. Необходимость связи с ним привела к установлению контроля над торговыми путями, пролегающими по территории края. Так на Северском Донце и Нижнем Дону появляются очаги оседлости со славянским населением, об этом свидетельствуют результаты археологических раскопок и найденные предметы древнерусской керамики.

Во второй половине XI века «Половецкий вектор» (половецкие племенные объединения степей Европы) внешней политики Владимира Мономаха привел к серии походов русских дружин на селища (вежи) донских и приазовских (лукоморских) половцев. В результате этих походов были

взяты городки Балин, Сугров и Щарукань, находящиеся в среднем течении Северского Донца. Здесь располагались владения ханов из династии Шарукани, поддерживающих тесные военные, экономические, дипломатические связи с киевскими и черниговскими князьями, роднящихся и воевавших с ними.

Поход новгород-северского князя Игоря воспет в эпической древнерусской поэме – «Слове о полку Игореве». В 1185 году, на реке Калке, на территории Донецкой области произошла битва, в результате которой князь Игорь потерпел поражение и попал в плен в ставку хана Кончака на Торе в районе современного г. Славянска. Князю удалось бежать из плена. Позже был заключен династический союз с ханом.

Первая битва русских князей с монголами произошла в 1223 году на реке Калке (Кальчик), притоке Кальмиуса. С этого периода и до эпохи XVII века хозяевами края становятся татары, об этом свидетельствуют дошедшие до наших времен остатки золотоордынских городищ. Золотая Орда претерпевает упадок, татарское население края, которое подчиняется Крымскому хану, превращается в профессионалов набегов на Русь, татарские города исчезают, и Донецкие степи вновь принимают пустынный вид. Так донецкий край оказывается «Диким Полем», «ничейной землей» в политическом отношении, которая располагалась между Крымским ханством, Московским государством, Речью посполитой и Запорожской Сечью. Граница Русского государства и Войска Донского с Крымским ханством проходит по реке Северский Донец. Вверх по течению реки, выше Святогорского монастыря, ее охраняют слободские казаки, а вниз по течению находятся укрепленные городки донцев.

С XVI века историческая судьба Донецкого региона и его жителей тесно связаны с Российским государством. С тех пор Россия традиционно

воспринималась жителями Донбасса как потенциальный защитник¹¹⁶. С начала XVI в., когда в орбиту влияния Русского государства вошло Среднее Подонцовье, на территории края функционировала сторожевая служба, в обязанности которой входило отслеживание перемещений кочевников по степи и предупреждение регулярных набегов на центр России и ее окраины. После очередного татарского набега в эти края направляется с инспекцией князь Тюфякин и дьяк Ржевский (по распоряжению Ивана Грозного), которые установили пограничный знак в виде креста в истоке реки Миус. В 1571 г. сторожевая служба была преобразована, стала регулярной состояла из сторожевых застав, которые посылались ежегодно с апреля и до зимы. Эти заставы были мобильными и скрытными, и патрулировали среднее течение Северского Донца вплоть до побережья Азовского моря. И уже с 1579 г. правительством были сформированы специальные конные подвижные отряды по 60-100 чел. – станицы – для патрулирования степных путей от реки Миус до реки Самары. Они состояли из казаков и служивых людей русских городов Путивля и Рыльска.

В этот же временной период формировались и очаги вольного казачества на Дону – Верхнем и Нижнем, и в районе Днепровских порогов. Они часто появлялись в степи на промыслах. Помимо вольного казачества в Поле выходили и городские казаки, которые имели семьи в городах. Они несли другие виды службы в гарнизонах городов. Хозяевами оставались крымские и ногайские татары. В Северном Приазовье некоторое время существовал татарский городок Балы-Сарай. А в 1599 г. на левом берегу Северского Донца, в устье реки Оскол, была основана крепость Царев-Борисов. Это событие стало поворотным пунктом в установлении государственного контроля над пограничьем со Степью.

XVII век отмечен и тем, что это период, когда в донецких степях активно действуют запорожские и донские казаки. Они создают по берегам

¹¹⁶ Бабичева, Н.А. Государственно-правовые аспекты возникновения губернских республик на юге России в 1918 году / Н.А. Бабичева // Вестник Луганской академии внутренних дел им. Э.А. Дидоренко. – 2017. – № 1 (2). – С. 27–38.

реки Кальмиус укрепленные зимовники, продвигаясь по реке к Азовскому морю. Еще в начале века здесь начинают оседать русские служилые люди Изюмской черты, а также черкасы – так называли малороссов, ушедших от польского господства с территории польских владений на Украине.

Первым форпостом оседлости на левом берегу Северского Донца стала Святогорская пустынь, первое упоминание о которой относится к 1620 г. Монастырь стал одним из наиболее важных форпостов Русского царства в среднем течении Северского Донца. Возникновение на этом участке религиозного и сторожевого поста было не случайным. В этом месте реку пересекали две дороги, которые были стратегически важными: дорога из Москвы в Крым (Посольская) и различные ответвления дороги из Перекопа в Ливны (Муравская сакма). «В 1600 возникли Алексеевка, Чернухино, слобода Старая Белая (ныне Луганской обл.), в 1637 – Осинный острог, в 1644 для защиты солеварен от набегов крымцев был построен острог Тор (названный так по одноименной реке). Не отставали и донские казаки: в 1607 после разгрома восстания Болотникова его соратник атаман Шульгейко ушел в Дикое Поле и на Айдаре заложил Шульгин-городок. В 1640 на реке Борове возник Боровской городок, в 1642 – Старый Айдар, затем Трехизбянка, Луганский, и другие казачьи городки»¹¹⁷.

Строительство первых русских городов в Донбассе было обусловлено необходимостью защиты промыслов. Первое население края находилось на государственной военной службе, было обязано защищать пограничье и соляные промыслы, и подчинялось Белгороду. К середине XVII в. Белгородская, а затем Изюмская оборонительные линии защищали большой участок границы, способствовали продвижению населения на юг, в донецкие степи. Из-за татарских нападений земледелие в крае появилось только к XVIII в.

Совокупность военных, политических и экономических причин вместе с накопленными к тому времени человеческими и материальными ресурсами

¹¹⁷ Крутова, Л.А. Исторические предпосылки возникновения Донецкой и Луганской Народных Республик / Л.А. Крутова // История Донбасса: анализ и перспективы: сб. материалов Первой научной конференции историков ДНР. – Донецк, 2015. – С. 33–36.

стали стимулом для дальнейшего укрепления Русского государства на южном пограничье.

Вторая половина XVII века ознаменована масштабной миграцией малороссов на восток, в Слободскую Украину. Север нынешнего Донбасса становится частью Слобожанщины. «На Торских озерах выросли Маяцкий (1663), Соляной (1676), Райгородок (1684), и еще ряд поселений, что свидетельствовало о быстром росте населения. Здесь вперемешку селились донские и запорожские казаки, беглые крестьяне из Левобережной Украины и Южной России. В 1668 в Маяках, например, жили 100 русских московских «людей» и 37 «черкасс» (украинцев)»¹¹⁸.

В 1625 году русские поселенцы начинают добычу соли в районе нынешнего города Славянска. Изюмские и донские казаки варят соль не только в Славянске, но и на притоке Северского Донца, реке Бахмутке. Возле этих новых соляных промыслов вырос городок Бахмут (упоминается с 1663 г.).

Таким образом, весь XVII в. для Донецкого края ознаменовался драматическим противостоянием двух религиозно-культурных и этнополитических миров, противостоянием между цивилизациями западной части Евразии – славянской христианской и тюркско-исламской. Славянский православный мир, который консолидировался в рамках Русского государства, постепенно продвигался от севера к югу и уже в конце века достиг географических границ на берегах Азовского моря (Константинопольский мир с Османской империей, 1700 г.).

Несмотря на появившиеся соляные промыслы, основным богатством края являлся каменный уголь. Именно уголь, который до середины XX века называли «хлебом промышленности», изменил радикально этот край, превратив его в один из наиболее важных промышленных районов России.

¹¹⁸ Лебедев, С.В. Донбасс: этническая история / С.В. Лебедев. – [Электронный ресурс] // Народный собор: офиц. сайт движения. – [Москва], сор. 2018. – Режим доступа: <http://www.narodsobor.ru/events/society19896-sergej-lebedev-qdonbass-etnicheskaya-istorieaq>

Казаки прекрасно знали о каменном угле, который применяли для разжигания костров. Помимо этого, в казачьих поселениях и городках вдоль Северского Донца и Дона начинало налаживаться металлургическое и кузнечное производство. Казаки научились добывать свинцовые руды, выплавляя металл в особых ковшах. Развитие края тормозила только близость к Крымскому ханству, которая превращала условную степную границу России и Крыма в постоянное поле боя. Тормозила, но не останавливала.

Уже в 1703 году был создан Бахмутовский уезд (в составе Азовской, а далее Воронежской губернии), которая объединила в своем составе практически все существующие на тот момент поселения Донбасса. В этот же период создается укрепленная Украинская линия, которая состояла из цепи укрепленных мест и соединяла среднее течение Днепра с Северским Донцом. Чуть позже, при правлении Екатерины II по южной границе Екатеринославской губернии была проведена линия укреплений. Результатом этих действий стало то, что обширные пустынные территории, прикрытые укрепленными линиями, стали доступны для заселения.

Начальные темпы заселения этих территорий были слабыми, и это вызывало озабоченность в Петербурге. Тогда, именно в этом крае, впервые в России была предпринята попытка создавать поселения из иностранцев. Большим по размерам было переселение южных славян во времена царствования Елизаветы Петровны. С 1752 года в край начали прибывать сербские переселенцы, которые стали основателями военно-земледельческих поселений. Эти поселения делились на полки, роты и шанцы и составили Славяносербский уезд в северо-восточной части Екатеринославской губернии. «Число сербов среди поселенцев было не велико, к 1762 году все население Славяносербии составляло 10 076 чел. (2 627 молдаван, 378 сербов, остальное население состояло из болгар, великороссов-старообрядцев, малороссов и

поляков)»¹¹⁹. В дальнейшем это разноязычное население ассимилировалось с коренным населением, и приняла их внешний облик и их язык.

На месте автономных военных территориальных образований на Юге России, в том числе и Славяносербии, в 1764 году возникла Новороссийская губерния с центром в г. Кременчуге. Термин «Новороссия» был закреплен в правовых актах Российской империи. Национально-государственная идея создания Новороссии, которая принадлежала Екатерине II и ее сподвижниками, заключалась в том, чтобы создать наряду с Малой Русью и Великой Русью новую территорию как их последовательное продолжение.

В условиях продолжавшейся войны с турками систематическое заселение края продолжалось. Здесь расселили 3595 молдаван и волохов, которые были взяты в плен. Они стали основателями селения Ясиноватая, в дальнейшем ставшее крупным железнодорожным центром.

По окончании русско-турецкой войны в состав России вошло побережье Азовского моря. Результатом заключения Белградского договора 1739 г. южные границы Российского государства в Донецком крае изменились: степная территория Донбасса вошла в состав Российской империи. Исключение составляла прибрежная полоса, где располагались барьерные земли – нейтральная полоса. С данного периода Россия закрепляет за собой основу будущей Новороссии юридически и начинает осваивать присоединенные территории, обеспечивая им военную защиту, заселяя новые земли.

Территория Крымского ханства стала частью Новороссии с 1783 г. На территории бывшего ханства была образована Таврическая область (1784 г.), а еще с 30 марта 1783 г. произошло объединение Новороссийской и Азовской губерний в Екатеринославское наместничество. Территория развивалась как целостный государственный проект. Край, наконец, получил возможность

¹¹⁹ Степкин, В.П. Иллюстрированная история Юзовки-Сталино-Донецка / В.П. Степкин. – Донецк: Апекс, 2007. – С 156.

мирного развития, началось строительство новых городов. И в 1795 году при заводе появился поселок, ставший впоследствии городом Луганском.

В этот же период на южном берегу поселились греки, выведенные из Крыма. Центром греческих поселений стал город Мариуполь. В дальнейшем к крымским грекам стали добавляться греки из Анатолии и Фракии, основавшие несколько своих поселений. Еще через некоторое время здесь стали селиться немцы-колонисты (каждому колонисту выделялось 60 десятин земли), первыми были представители пацифистской протестантской секты (меннониты), а затем лютеране и католики. К 1823 году Приазовье насчитывало 17 колоний с центром в Остгейме (ныне Тельманово).

Помимо этого, с 1804 года правительством было дано разрешение на въезд 340000 евреев из Белоруссии, часть которых образовала 3 колонии. А впоследствии, после образования Общества Израильских Христиан, для обращения евреев в христианство и привлечения их к земледельческим занятиям, в 1817 г. прошла новая волна еврейского заселения. Воспользовавшись данным призывом, несколько сотен евреев из Одессы осели между Кальчиком и Мариуполем, на землях не занятых греками.

Помимо переселения, санкционированного властями, происходило активное самовольное переселенческое движение из центральных губерний России и Малороссии. Вместе с этим здесь расселялись представители других народов. Край характеризовался многонациональным характером и выработкой нового, более универсального типа русского человека и подданного империи. Такой тип формировался из представителей разнообразных этнических групп на русско-славянской основе. Особенностью такого типа являлось общерусское имперское самосознание, которое преобладало над местными особенностями.

XIX в. продолжил и раскрыл основные линии развития юга России, которые были заложены в предыдущем веке в ходе формирования Новороссии.

В 1802 году издается указ «О разделении Новороссийской губернии на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую». В 1806 г. были закреплены границы губерний, которые просуществовали до начала XX века. Часть территории Донбасса входила в состав Екатеринославской губернии, которая состояла из 8 уездов: Ростовского, Екатеринославского, Новомосковского, Павлоградского, Славяносербского, Верхнеднепровского, Бахмутского и Александровского. В 1872 г. из Александровского уезда был выделен отдельный Мариупольский уезд. А в 1887 г. Ростовский уезд присоединен к Области Войска Донского, на землях которого еще с 1802 г. существовало 8 округов и Калмыцкое кочевье. Часть Донбасса входила в состав Войска Донского.

Первая половина XIX в., это период, когда в Донбассе формируется новое социокультурное пространство, охватывающее все слои населения. Длительное совместное проживание, смешанные браки, хозяйственные, культурные, торговые контакты вели к сглаживанию этнических различий и особенностей. Происходило сближение и взаимное обогащение различных этносов региона. Формировалось чувство сопричастности общей судьбе, то есть было положено начало формированию новой общности людей: людей, живущих в Донбассе.

Таким образом, к середине XIX в. Донбасс развивается наравне с остальными регионами. А начало промышленной добычи каменного угля, и развитие черной металлургии резко изменило судьбу края.

Впервые с донецким углем Петр I познакомился, возвращаясь из Азовского похода (1696 г.). Во время отдыха на берегу реки Кальмиус царю показали черный хорошо горящий минерал. «Сей минерал, если не нам, то потомкам нашим зело полезен будет» – сказал Петр¹²⁰. После этого добыча угля начинает приобретать большие масштабы. В 1721 г. управляющий Бахмутским солепромыслом Никита Вепрейский и командир охранного

¹²⁰ Лебедев, С.В. Донбасс: этническая история / С.В. Лебедев. – [Электронный ресурс] // Народный собор: офиц. сайт движения. – [Москва], сор. 2018. – Режим доступа: <http://www.narodsobor.ru/events/society19896-sergej-lebedev-qdonbass-etnicheskaya-istorieaq>

батальона Бахмутской крепости, капитан Семен Чирков впервые взяли пробы каменного угля в урочище Скелеватом в 25 верстах от Бахмута и на речке Беленькой, в 50 верстах от него. Образцы угля были отправлены в Берг-коллегию, в Санкт-Петербург. Их испытание засвидетельствовало высокое качество найденного угля. А уже в 1722 г., для разведки угля и руды были посланы специальные экспедиции. Руководил ими крепостной крестьянин Григорий Капустин, которым был открыт каменный уголь близ притоков Северского Донца и доказана его пригодность для использования в кузнечном и железоделательном производствах. Такое открытие должно было послужить толчком для развития угольной и металлургической промышленности, но после смерти Петра о донецком угле в столице забыли.

Возродился интерес к полезным ископаемым Донбасса ближе к середине XIX века. Под руководством крупного ученого в области промышленности

Е.П. Ковалевскго, который впоследствии стал министром финансов России, в 1827 году были организованы три геологические экспедиции. По результатам их работы ученый опубликовал статью, где впервые было упомянуто название «ДОНецкий БАСсейн», давший в сокращенной форме название краю. Первая технически оснащенная донецкая шахта была введена в эксплуатацию в 1841 г. А уже в 1858 году на территории современного Енакиево был заложен Петровский доменный завод (назван в честь Петра I).

Уже к середине XIX века в России бурно развивается строительство железных дорог, для которого требуется металл и уголь. То есть то, что было в Донецких степях, находящихся рядом с азовскими и черноморскими портами. Железные дороги соединили донецкий уголь с криворожской рудой, создав благоприятные условия для быстрого развития тяжелой промышленности в регионе. Открытие движения поездов по ветке Харьков – Славянск – Таганрог Курско–Харьковско–Азовской железной дороги вызвало грандиозные изменения в Донбассе. Вокруг железнодорожных станций Славянск, Краматорск, Константиновка, Горловка, Харцызк, Иловайск,

Амвросиевка стали строиться угольные шахты, заводы, стали вырастать заводские и фабричные поселки. Строительство дороги стало толчком в развитии угольной промышленности. Началась «угольная лихорадка».

Еще одна каменноугольная железная дорога, протяженностью 479 верст, и объединившая Никитовку, Дебальцево и Луганск, была построена Саввой Мамонтовым. На территории Луганского завода был построен вокзал, создано управление железной дороги и заложено железнодорожное училище.

В 1869 году Англичанин Джон Хьюз (в России его называли Юзом) получил разрешение на производство чугуна и изготовление рельсов на Юге России. Им был построено на берегу реки Кальмиус первое крупное металлургическое предприятие, вокруг которого и вырос поселок Юзовка (прародитель Донецка).

Так, за время между 1860 и 1900 гг., при участии российских и иностранных предпринимателей территория от Северского Донца до Приазовья превратилась в крупнейший промышленный центр Европы, который иногда называю «русским Руром». К 1900 г. в Донбассе существовало около 300 различных предприятий металлообрабатывающей, химической и пищевой промышленности. Известный русский поэт Александр Блок, после посещения этого края, назвал Донбасс Новой Америкой – за невиданный динамизм развития, предприимчивость менеджеров и смешение народностей в едином «плавильном котле»¹²¹.

Рост промышленности привел к быстрому росту народонаселения Донбасса, ко второй половине XIX века население региона увеличивалось в 5 раз быстрее, чем в других регионах Российской империи.

Показательется рост Юзовки, в которой в 1884 году проживало 6 тысяч человек: «32,6% составляли «местные» – жители Бахмутского и других уездов Екатеринославской губернии; 26% – жители центральных губерний (Орловской, Владимирской, Калужской, Смоленской, Рязанской, Тамбовской

¹²¹ Лебедев, С.В. Донбасс: этническая история / С.В. Лебедев. – [Электронный ресурс] // Народный собор: офиц. сайт движения. – [Москва], сор. 2018. – Режим доступа: <http://www.narodsobor.ru/events/society19896-sergej-lebedev-qdonbass-etnicheskaya-istorieaq>

и др.); 19% – выходцы из южных и юго-западных губерний (Донской области, Воронежской, Курской, Киевской, Черниговской, Таврической, Харьковской, Полтавской и др.); 17,4% – жители других губерний; 5% – иностранцы (англичане, итальянцы, немцы, румыны и др.)»¹²².

На начало XX века интернациональный состав Юзовки не изменился: «Этнический состав населения поселка, а затем города Юзовка к началу XX века был пестрым: русские – 31 952, евреи – 9 934, украинцы – 7 086, поляки – 2 120, белорусы – 1 465»¹²³.

«Именно в это время сложились основные пропорции этнической структуры Донбасса, дошедшие до наших дней со сравнительно незначительными изменениями. Результатом стало формирование полиэтнической общности из представителей около 130 этнических групп с абсолютным преобладанием в них русских»¹²⁴.

В результате индустриализации, формированию новой индустриальной культуры, объединению двух потоков рабочих из Малороссии и Великороссии в крае образуется плавильный котел большой русской нации, объединяющий великороссов и малороссов общим делом. Население края преобразовывается в устойчивую региональную общность с единым мировоззрением, ценностями, культурой, бытом и языком. Языковой фактор играет особо важную роль в формировании данной общности. Не смотря на большую численность малороссов, поселившихся на этой территории в первой половине XX в. говорящих на суржике, и на политику украинизации, доминирующим стал русский язык.

¹²² Степкин, В.П. Иллюстрированная история Юзовки-Сталино-Донецка / В.П. Степкин. – Донецк: Апекс, 2007. – С. 117.

¹²³ Гайдук, В.А. Юз и Юзовка / Гайдук В.А., Ляшенко В.Г., Мозговой В.И., Навка И.П. – Донецк: Кардинал, 2000. – С. 55.

¹²⁴ Дрожжина, С.В. Мультикультуралізм як концептуальна модель та праксеологія розуміння сучасного українського соціуму: монографія / С.В. Дрожжина; М-во освіти і науки України, Донец. нац. ун-т економіки і торгівлі ім. М. Туган-Барановського. – Донецьк: [ДонНУЕТ], 2009. – С. 34.

Донбасс постепенно становится полигоном для выхода позитивной энергии социального творчества и развития. Но этот котел постоянно нагревался, накапливая социальные противоречия.

Быстрое развитие края осуществлялось и за счет беспощадной эксплуатации местных шахтеров. Донецкие предприниматели не отличались сентиментальным и партеналистским отношением к рабочему классу. Донецкие рабочие, которые в большинстве своем были грамотными, практически оторвавшимися от деревни, имели достаточно высокую зарплату, отличались организованностью и своим боевым духом. Это поспособствовало тому, что центром забастовочного движения в России стал Донбасс. Так в июне 1899 г. произошла стачка рабочих обоих мариупольских заводов, которая была самой крупной на Юге России.

Революционные события начала XX в. стали важной частью в истории Донбасса. Немаловажно, что эти события проходили в рамках общерусской истории. Донбасс становится одним из оплотов большевизма в стране, так как идеологические основы идентичности народа этого края складывались под влияние партии большевиков особенно после Февральской революции.

Отречение от престола Николая II привело к тому, что на территории Российской империи сложилось «двоецентрие» и, как следствие, усилилось движение по образованию новых государственных образований, так называемые сепаратистские движения. Это было обусловлено тем, что Временное правительство «катастрофически быстро теряло контроль над местными органами власти и управления. Двоевластие в стране нанесло удар бюрократическому централизму, характерному для царской системы управления страной. Демократизация общественной жизни сказалась на расширении компетенции местных органов и их властных полномочиях»¹²⁵. В результате в Крыму образовалась республика Таврида, в Черноморье – Черноморская республика, в Ставрополье – Северо-Кавказская республика,

¹²⁵ Бабичева, Н.А. Государственно-правовые аспекты возникновения губернских республик на юге России в 1918 году / Н.А. Бабичева // Вестник Луганской академии внутренних дел им. Э.А. Дидоренко. – 2017. – № 1 (2). – С. 27–38.

образовались Кубанская, Терская республики. Всего территория распавшейся Российской империи насчитывала около 80 новых государственных образований.

Еще весной 1917 г., до прихода к власти большевиков, воспользовавшись попустительством Временного правительства, в Киеве была учреждена Центральная рада, ставшая революционным органом движения политических «украинцев» – представителей групп украинских националистов. Чиновники Центральной рады пытались распространить свою власть и на западную часть земель Донецкого бассейна.

После вторжения в Украину оккупационных войск Германии и при их поддержке были созданы Украинская Народная Республика, гетманская держава Скоропадского, Директория, выступавшие от имени этнических малороссов, исповедующие русофобскую идеологию. Чуть позже получили распространение украинские националистические вооруженные формирования в сельской местности, занимавшиеся грабежами, погромами и убийствами.

На территории Донецкого края к маю 1917 г. местные советы перешли на сторону большевиков, оставив эсеров и меньшевиков без поддержки. Буржуазные партии и украинские самостийники потерпели полнейший крах и не имели никакого успеха. В августе 1917 г., еще до октябрьского переворота в Петрограде, по итогам муниципальных выборов председателем Луганской городской Думы избрали большевика Климента Ворошилова, что говорит об огромном влиянии местных большевиков.

По примеру других территорий бывшей Российской империи 29 января (12 февраля) 1918 года на IV областном съезде Советов Донецкого и Криворожского бассейнов была создана Донецко-Криворожская республика (ДКР). Эта территория включала в себя часть современной территории Украины и часть Российской федерации, а именно «Луганской, Донецкой, Харьковской, Днепропетровской, Сумской, Запорожской областей, части

Херсонской и Ростовской области (угольные округа Области войска Донского)»¹²⁶.

Сформированное правительство ДКР возглавил товарищ Артем (Ф.А. Сергеев). Это молодое государство строилось на экономических, а не национальных основах и население края было в основном русским, поэтому как отмечал Артем, «сохранение Донкривбасса в рамках Украины было бы несправедливо...». Обвинения в сепаратизме он отвергал, утверждая, что «мы не разбиваем ни одной федеративной республики, не посягаем на национальные интересы Украины, мы не собираемся создавать независимую республику... Мы хотим связаться со всей страной»¹²⁷. Первой столицей нового государства стал город Харьков, но после его захвата немцами, столицу решили перенести в город Луганск.

Новое правительство активно взялось за налаживание и хозяйственной, и социальной базы молодого государства. Была проведена национализация и объединение в один комплекс крупных горнодобывающих и металлургических предприятий региона, это способствовало росту производительности труда. Начали свою деятельность негосударственные банки, были введены налоги для крупных предпринимателей, активно проводилась судебная реформа. Новое правительство заботилось и об образовании для неимущих слоев населения: открывались новые школы, детские лагеря и т. д.

Однако, формирование республики пришлось на очень непростое время. Армия Донецко-Криворожской республики вынуждена была противостоять немцам и австрийцам, оккупировавшим ее территорию к середине апреля 1918г. В сельской местности большой популярностью пользовались

¹²⁶ Скворцов, Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии / Н.Г. Скворцов – Санкт-Петербург: СПбГУ, 1996. – С. 35.

¹²⁷ Груздев, В.В. История самоопределения народа Донбасса. Опыт Донецко-Криворожской советской республики / Груздев В.В., Бабичев Д.М., Бабичева Н.А. // Вестник КГУ. – 2019. – № 3. – С. 158–161.

анархисты, лидером которых стал Нестор Махно. Он еще в конце марта 1917 г. возглавил Совет в Гуляй поле.

Ситуация для ДКР не улучшилась и после поражения Германии в Первой мировой войне. Республика начала борьбу с белогвардейцами, обосновавшимися на Дону, в области Всевеликого Войска Донского. Эта территория превратилась в оплот белого движения, так как там успехом пользовались монархисты.

Но судьба республики была решена не на полях сражений, а в Москве после установления Советской власти. В.И. Ленин выступил с предложением о создании советской Украины, в состав которой должны войти промышленные регионы Дон-Кривбасса. Такое решение аргументировалось тем, что «пролетарский край» является своего рода инструментом сохранения большевистской власти на территории УССР, а также политикой социализации в рамках «усиления крестьянского народа рабочим классом». Итогом стало то, что 17 февраля 1919 г. совет обороны РСФСР постановил: «Просить товарища Сталина через Бюро ЦК провести уничтожение Кривдонбасса»¹²⁸. Этим завершилась недолгая самостоятельная история героической Донецко-Криворожской республики. Согласно договору между Украиной и Россией основная часть ее территории, была передана новообразованной Украинской Советской Социалистической Республике. На всей территории начался процесс украинизации.

Объединением в одно целое угольных районов каменноугольного бассейна в 1919 году была образована Донецкая губерния с центром в городе Луганске. После территориальных изменений, в результате которых Донбасс оказался в составе Советской Украины, с октября 1920 года административным центром Донецкой губернии становится город Бахмут.

В 1924 году единый русский регион Донбасс, в угоду политическим интересам, был разделен на две части, после установления границ между

¹²⁸ Скворцова, Л.А. История Донбасса: учеб. пособие / Л.А. Скворцова. – Макеевка: ДонНАСА, 2016. – С. 80.

Донецкой губернией УССР и Юго-Западом РСФСР. Это стало началом политики украинизации, проводимой большевиками с целью создания украинской социалистической нации на базе малороссийской народности. В регионе, где преобладало русское население, а большинство людей, считающих себя украинцами, говорило на суржике, украинский язык становится языком делопроизводства и печати уже к 1925 году. Происходит рост количества украинских школ от 7 в 1923 году до 181– в 1928г. В Мариуполе к 1932 году не осталось ни одного русского класса.

Процесс украинизации в Донбассе вызвал всеобщее отторжение не только в городах, но и у жителей сельской местности, которые предпочитали учить своих детей русскому языку. Поэтому при малейшем послаблении репрессивных мер политики украинизации число русскоязычных школ, газет, учреждений резко росло, а цифры «украинизированных» падали. Результатом всеобщего неприятия стало то, что к концу 30-х г. украинизация в Донбассе была свернута.

История советского Донбасса – это не столько украинизация, сколько рост значения края, как одного из важнейших промышленных центров страны. В предвоенные годы в Донбассе продолжается строительство, открываются новые угольные шахты, строились металлургические заводы, появились машиностроение и химическая промышленность. Регион должен был обеспечить экономику страны топливом и металлом и тем самым превратить СССР в современную индустриальную державу. В 1928 и 1929 гг. Донбасс дал около 80% общесоюзной добычи угля.

Донбасское промышленное население представляло собой большой массив нового русского населения со своими особенностями непохожее ни на типичное русское население южан, ни на малороссов, ни на донских казаков с сельским менталитетом, ни на нацменьшинства. Эти особенности сближали его с промышленным пролетариатом и городским населением Центральной России. Донбасс стал частью новой России, быстро формировавшейся русской нации на Юге в начале XX века. Широко известен плакат 1921 г. «Донбасс –

сердце России». На карте Донбасс изображен в виде сердца, от которого идут кровеносные сосуды по всей России.

В 1930-х гг. Регион становится инициатором массового движения новаторов-передовиков, которые ставили трудовые рекорды, перевыполняя план в несколько раз. Так Алексей Стаханов, чьим именем было названо движение, перевыполнил норму по добыче угля в 14 раз. Имена донбасских стахановцев Никиты Изотова, Петра Кривоноса, Макара Мазая и Прасковьи Ангелиной знала вся страна.

К 1940 г. Донбасс давал 60 % общесоюзной добычи угля. На донецком угле работало около 60 % предприятий металлургии и железнодорожного транспорта страны, около 70 % всей химической промышленности, около 50 % электростанций СССР.

Такой скачек в развитии экономики приводит к росту населения, которое достигло к 1940 году 5 миллионов человек, 3,5 миллиона из которых проживали в городах. Донбасс стал самым урбанизированным регионом СССР. Миграции поспособствовал и голод 1932-33 гг., когда многие голодающие украинские крестьяне перебирались на стройки Донбасса, что привело к увеличению числа украинцев среди населения края.

Еще в 20–30-е гг. в Донецкой области была сформирована система образования и начинает развиваться система высшего образования. К 1939 г. в регионе насчитывается 7 вузов, к 1941 г. возникли новые учебные заведения – 35 техникумов, в которых насчитывалось более 7 тысяч учащихся.

В годы Великой Отечественной войны территория Донбасса попала под немецкую оккупацию, жители региона проявили мужество и героизм теперь на полях сражений, в работе большевистского подполья и в партизанских отрядах. Все предприятия Донбасса были полностью разрушены. «Разрушения в Донбассе были просто катастрофические. Промышленные

предприятия лежали в руинах, шахты были взорваны или затоплены, электростанции выведены из строя. Население края сократилось вдвое»¹²⁹.

После таких разрушений, в послевоенные годы восстановление структуры народного хозяйства проходило с большим трудом, тем более что этот процесс усложнялся сильной засухой, охватившей регион и последующим голодом 1946-1947 гг. Но благодаря упорному труду жителей края, хозяйство было восстановлено, и промышленный рост региона продолжился. К концу XX века Донбасс давал свыше четверти промышленного производства Украины. Сельское хозяйство Донбасса также было высокоэффективным, урожайность вдвое превышала средний уровень в республике, Донбасс полностью обеспечивал себя хлебом и другими сельхозпродуктами.

Быстро росли и города Донбасса: Донецк (так стал называться г. Сталино с 1961 г., прежде Юзовка) в 1959 г. насчитывал 700 тысяч жителей, а в 1989 г. 1109 жителей, Луганск достиг числа 524 тысячи жителей. В целом население Донбасса к 1989 году достигло 8 196 тысяч жителей (в Донецкой области – 5 334 тыс., Луганской – 2 862 тыс.)¹³⁰.

В советский период истории Донбасса был завершен процесс создания особой региональной общности в его пределах. В.Ю. Даренский, исследователь из Луганска отмечает: «Во второй половине XX века на Донбассе происходили интенсивные процессы этногенеза, обусловленные последней «волной» урбанизации и развития массовых коммуникаций... Никаких реальных социокультурных различий, например, между потомками украинцев и русских на Донбассе, уже как минимум во втором поколении говорящих на одном языке и усвоивших одни и те же ментальные и поведенческие модели жизни практически не существует... Традиционные

¹²⁹ Война языков: «Співуча» vs «Великий и могучий». Ч. 1: Конгресс [Электронный ресурс] // Дикое поле: интеллектуально-художественный журнал. – 2006. – № 9. – Режим доступа: http://www.dikoeполе.org/numbers_journal.php?id_txt=430.

¹³⁰ Лебедев, С.В. Донбасс: этническая история / С.В. Лебедев. – [Электронный ресурс] // Народный собор: офиц. сайт движения. – [Москва], сор. 2018. – Режим доступа: <http://www.narodsobor.ru/events/society19896-sergej-lebedev-qdonbass-etnicheskaya-istorieaq>.

этнические идентификации имеют на Донбассе реликтовый и маргинальный характер. Этнические украинцы и великороссы, сохранившие свои языковые, ментальные и поведенческие особенности в настоящее время здесь не превышают численно представителей других «национальных меньшинств» (кавказских народов, греков, евреев, цыган и др.)... Донбасс – полностью моноязычный регион, в котором количество реальных носителей украинского языка не превышает количество представителей кавказских диаспор»¹³¹.

Благодаря влиянию стабилизирующего русского этнического компонента в Донбассе никогда не было серьезных этнических конфликтов, хотя здесь проживают более ста национальностей. Донбасс никогда не жил изолированно от остальной страны, жители региона принимали активное участие во всех событиях, которые происходили в СССР: осваивали целину, строили БАМ, осваивали месторождения Сибири и прокладывали газопроводы. На ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской АЭС сразу же отправились и специалисты из Донбасса: медики, шахтеры, пожарные, военные.

Тяжелым для Донбасса стал период распада СССР. Здесь, как нигде на территории исторической России кризис 1990-х гг. вызвал такие тяжкие последствия. Политика деиндустриализации, которую проводили украинские власти, разрыв хозяйственных связей с предприятиями, оставшимися в РФ, криминальные захваты и переделы собственности – все это стало причиной глубочайшего экономического кризиса в Донбассе. При этом, несмотря на сохранявшееся экономическое значение Донбасса, местные региональные политики долгое время оставались на периферии украинской политики.

Годы «незалежности» привели к жестокому демографическому кризису. Проведенный анализ демографической ситуации в Донецком регионе показал, что численность населения за 1995 – 2009 годы снизилась на 15,6%.

¹³¹ Лебедев, С.В. Донбасс: этническая история / С.В. Лебедев. – [Электронный ресурс] // Народный собор: офиц. сайт движения. – [Москва], сор. 2018. – Режим доступа: <http://www.narodsobor.ru/events/society19896-sergej-lebedev-qdonbass-etnicheskaya-istorieaq>.

Переживавшая кризис Донецкая область стала главным плательщиком налогов на Украине, продолжая содержать за свой счет депрессивные области запада республики, населенные «национально-мыслящими» украинцами. Официальный же Киев все годы «незалежности» был занят только очередной украинизацией. Это при том, что для большинства жителей Донбасса русский язык является родным языком, то есть языком, который был усвоен без специального обучения с раннего детства в русской языковой среде. Языком, на котором осуществляется мышление без дополнительного самоконтроля; языком, с помощью которого легко и естественно выражаются мысли в устной и письменной форме.

Используя в качестве родного русский язык, большинство людей живущих в Донбассе идентифицируют себя как русские, независимо от того, к какой этнической группе они относятся по рождению. Ведь родной язык выступает в качестве средства национальной самоидентификации, которое сопровождает человека всю его жизнь, в отличие от других таких средств. Цель же правительства Украины не столько в том, чтобы избавиться от русского языка, как средства общения, а в том, чтобы искоренить русскую ментальность, искоренив русский язык. Поэтому именно с языка началась борьба против русского мировосприятия в 90-х гг. И именно поэтому борьба с русским языком ставится во главу угла украинской государственной политики.

Глубокий кризис экономики привел к падению уровня жизни большинства граждан Украины. Правители независимой Украины заменили прежнюю коммунистическую идеологию, сделав ставку на украинский национализм, как пример новой идеологии. Все это вызвало возмущение и раздражение в обществе и привело к акциям протеста, среди которых наиболее массовыми и организованными стали те, которые начали донецкие и луганские шахтеры.

В 1993 г. забастовку начали горняки шахты им. Засядько, к ним присоединились и представители других шахт. Помимо экономических

требований о повышении заработной платы, практически сразу были выдвинуты и политические требования – проведение референдума о доверии президенту, восстановление отношений с Россией, предоставление Донбассу автономии.

Премьер-министр, прибывший на переговоры во главе комиссии, передал Президенту Л. Кравчуку требования шахтеров, чтобы Президент выступил по телевидению и ответил на все их вопросы. Но этого не случилось, что привело к массовой забастовке – на следующий день в Донбассе бастовало 202 шахты. Так началась всеобщая забастовка.

В этот период до десятков выросло число различных общественно-политических организаций. Первые организации казаков появились в регионе уже в 1991 году (в дальнейшем они разделились на украинских и донских). Появились национально-культурные общества различных этносов Донбасса: евреев, греков, немцев. Было создано несколько организаций независимых профсоюзов, воинов-афганцев. В этот же период начинают активно действовать члены Движения за возрождение Донбасса (ДВД), Движения за восстановление СССР, Интернационального движения Донбасса (ИДД).

Юридическое закрепление образования Интернационального Движения Донбасса (ИДД) состоялось в ноябре 1990 г. Возглавил ее один из наиболее известных идеологов Донбасса того времени Дмитрий Корнилов. Одним из направлений деятельности организации стала борьба за сохранение СССР, это была практически единственная сила в УССР, которая активно выступала против развала Союза. И после обретения Украиной независимости основным направлением Интердвижения стала защита интересов края в новых условиях: против насильственной украинизации в целях сохранения самобытности края, за федеративное преобразование Украины, где Донбасс получит относительную независимость от Киева. Согласно исследованиям историка Сергея Бунтовского: «...современный флаг Донецкой Народной Республики восходит корнями к символике Интердвижения. Именно соратники ИДД создали красно-сине-чёрный триколор, добавив к флагу советской Украины

черную полосу, символизирующую уголь Донбасса. Это был своеобразный донецкий ответ на распространение сине-желтого флага сторонников отделения УССР. Широкая публика впервые увидела донбасский триколор 8 октября 1991 года на митинге в областном центре»¹³².

Подобные движения возникали не только в Донецкой области. В Луганске противников украинских националистов было не меньше. Лидеры общественного движения «Демократический Донбасс» выступили с призывом к местным Советам депутатов провести Донецкую ассамблею и принять на ней решение о создании «республики Малороссия», которая объединила бы минимум Донецкую и Луганскую области, создала бы силовые структуры для защиты границ. По предложениям активистов гипотетическая Малороссия должна выйти из состава Украины «условно», то есть если Украина выходит из состава СССР, то Малороссия становится самостоятельным государством, если СССР не распадется, то будущая республика остается автономией в составе УССР и будет защищать в украинском парламенте свои интересы.

Вся эта деятельность привела к тому, что в 1994 году в Донбассе был проведен референдум, подтвердивший востребованность в обществе идей, которые были сформулированы Интердвижением: автономии Донбасса, сохранения максимального единства с Россией и защиты родного русского языка от посягательств украинских националистов.

Требование автономии Донбасса, выдвигаемое на шахтерских митингах, родилось не случайно. Только умные люди понимали, что для стабильности всей Украины, чье население было собрано большевиками из различных регионов, необходимо проводить такую внутреннюю политику, которая не стремилась бы навязывать всей стране ценности одной ее части. Поэтому превращение страны в федерацию или предоставление широких прав

¹³² Бунтовский, С.Ю. История Донбасса / С.Ю. Бунтовский. – Донецк: Донбасская Русь, 2016. – С. 10.

регионам рассматривалось как укрепление и залог устойчивости всей государственной конструкции.

Таким образом, можно сказать, что в начале 90-х гг. общественная и политическая жизнь Донбасса была достаточно активной. Но к середине десятилетия многие общественные организации прекратили свою деятельность и активность значительно снизилась. То есть, Донбасс в эти годы не смог предложить стране внятную концепцию развития, основанную на идеях единства Русского мира, полиэтничности и опоры на свои силы. Результатом этого националистические организации Западной Украины, потерявшие противовес в лице Донбасса, смогли буквально навязать свои идеи, ценности и стереотипы другим регионам страны, начав перестройку сознания украинцев в антирусском ключе.

Из всего вышеизложенного, довольно краткого экскурса в историческое прошлое Донецкого края, можно сделать вывод, что формирование идентичности народа Донбасса основывается на историческом и идеологическом прошлом этого региона, на его неразрывной связи с Русским миром. Русская национальная традиция, мировоззрение, господствующая трудовая мораль и набор таких ценностей, как труд, социальная солидарность, народовластие, миролюбие и жертвенность, верность итогам Великой Победы и отрицание любых форм проявления нацизма, обеспечили рождение феномена Русской весны, а в последствие и формирование государственности Донецкой и Луганской народных республик.

Трагические события, происходящие в Донбассе с 2014 г., привели к необходимости активизировать проблему преодоления геополитических ошибок прошлого и переосмысления программ будущего развития этого региона. Народом Донбасса, переживающим трудный период своей истории, сделан окончательный объективный, исторически оправданный, рациональный, безальтернативный выбор: его будущее только с Россией!

Русский народ представляет собой большую русскую нацию, которая составляет основу Российского государства и российского согражданства всех

граждан России, и включающую различные субэтнические группы. Русский народ – это не только нация, образующая численно преобладающее ядро, но и суперэтнос – более широкая общность носителей русского языка, культуры, ценностей, исторического наследия, которая называется Русским миром. Донбасс – неотъемлемая часть Русского мира. Большинство представителей народа Донбасса, вместе с русскими народом Российской Федерации и населением Новороссии, входит в состав ядра русской нации, так как оно сформировалось как единое целое на основе русской индустриальной культуры и стало одним из двигателей его экономики.

Целью борьбы ДНР и ЛНР, начавшейся в 2014 г., является сохранение русской государственности, экономики, русского культурного и исторического наследия вне зависимости от нынешних границ. Национальное единство и этнокультурное разнообразие ДНР и ЛНР, приоритет русского языка и культуры – основа государственности Республик Донбасса. Они стремятся к сохранению объединенного гуманитарного пространства с русскими, проживающими на территориях современной Украины. Исходя из того, что Донбасс и соседние регионы Украины и Российской Федерации представляют собой сложившееся веками экономическое и гуманитарное целое, Республики выступают за приоритет и сохранение русского языка и культуры на всей территории, подконтрольной Украине.

ДНР и ЛНР являются историческими преемницами своей предшественницы и прообраза – Донецко-Криворожской советской республики и наследницами миссии по борьбе с оккупантами и украинскими националистами. Опыт Донецко-Криворожской республики показал, что еще в начале XX века на территории современных Луганской и Донецкой Народных Республик сложилась концепция самоопределения народа, и данная идея не является своеобразной фикцией, а имеет право на существование и воплощение в жизнь. Тем более что население Донбасса своей непродолжительной, но героической историей заслужило право самостоятельно устанавливать как свой политико-правовой статус, так и свое

социальное, экономическое, культурное, духовное и иное развитие наравне со всеми признанными государствами мира.

Культурный потенциал общества, как главный ресурс противодействия основным вызовам и угрозам, исходящим от Украины и ее западных покровителей, необходимо интерпретировать как основу государственной безопасности ДНР и ЛНР. В Стратегии государственной политики РФ на период до 2030 года говорится о культуре как национальном приоритете, который является главным гарантом сохранения единого цивилизационного пространства и территориальной целостности страны. Это так же справедливо для ЛДНР.

Донбасс является и частью России Духовной. Ведь Донецкий край опора православной цивилизации, один из центров Русской православной церкви. Донецкие и луганские епархии, входящие в состав УПЦ, являются неотъемлемой частью Русской православной церкви. Православие как вечное духовное начало личности каждого человека – непреходящая сверхценность, основа цивилизации и культуры. Духовность, дающая волю, разум и совесть, – основа творчества и созидания, свершений Донбасса в прошлом, настоящем и будущем.

На формирование самобытности региона повлияли исторические, экономические и социальные аспекты, непосредственно связанные с современной Российской Федерацией. К тому же, сама политика насильственной украинизации, целью которой было искоренение русской идентичности и нежелание учитывать голос народа Донбасса, стали причиной противостояний и провозглашения ДНР и ЛНР. В рамках событий, произошедших в 2014 г., в обществе сформировался новый курс самоидентификации, направленный на улучшение жизни простого народа и свободы самовыражения как части Русского мира.

Таким образом, говоря о прошлом, настоящем и будущем донбасской идентичности очень актуальным кажется следующее высказывание Михаила Ремизова: «необходимо, чтобы обновлённая концепция «русского» учитывала

реальное внутреннее многообразие русского народа, наличие разного уровня идентичностей (локальных, региональных, исторических), из которых складывается идентичность общерусская»¹³³.

2.2 Экономико-правовые основы становления региональной идентичности народа Донбасса

Творцом и носителем самобытной этнической культуры как материальной, так и духовной становится большая группа людей, живущая на определенной территории и имеющая обособленный язык, экономику в ее конкретных исторических формах.

Этническим признаком любого народа, безусловно, является экономический признак. Благодаря экономике этническая общность втягивается в исторический процесс. В работах основоположников марксизма-ленинизма четко раскрывается связь национальной идентичности с капиталистической и социалистической экономикой, показана роль индустриальной экономики в концентрации населения, которое говорит на одном языке на определенной территории при образовании нового типа этнической общности. В.И. Ленин писал: «Только крупная машинная индустрия вполне разрушает земляческий характер общественных связей и ставит на их место национальные (и интернациональные) связи»¹³⁴. Именно благодаря крупной индустрии, как основе нации, образовалась

¹³³ Ремизов, М.В. Русские и государство: [национальная идея до и после «крымской весны»] / М.В. Ремизов. – М.: Эксмо, 2016. – С. 202.

¹³⁴ Ленин, В.И. Избранные статьи и речи / Н. Ленин (В.Ульянов); Моск. ком. РКП. – [Москва]: Моск. рабочий, 1924. – С. 392.

соответствующая социально-классовая структура с качественно новой расстановкой социальных сил, духовным миром, идеологией, семейными отношениями и бытом.

Огромное воздействие, которое оказывает крупнопромышленная экономика на все стороны развития национальной идентичности, можно поставить на одну ступень с влиянием таких факторов, как язык, этническая территория, культура.

Таким образом, можно отметить, что экономика в качестве этнического признака характеризует нацию с точки зрения как типа, содержания, так и структуры. И, как указывал В.И. Ленин, «исторический характер нации» заключатся в формировании ее в процессе создания крупной промышленности в сочетании с концентрацией средств производства, демографического роста и концентрации населения, перегруппировки данного населения в общенациональном масштабе. А на основе всего этого зарождением объективных процессов перехода членов этнического сообщества от территориальной замкнутости к национальному единству. И по словам В.И. Ленина: «Скачкообразный характер экономического развития, быстрое преобразование способов производства и громадная концентрация его, отпадение всяческих форм личной зависимости и патриархальности в отношениях, подвижность населения, влияние крупных индустриальных центров и т. д. все это не может не вести к глубокому изменению самого характера производителей» к «изменению духовного облика населения»¹³⁵.

Идентичность же концентрируется в истории народа как результат его самосохранения.

Как уже отмечалось ранее под идентичностью принято понимать свойство человеческой психики в определенной форме выражать индивидом свою принадлежность (соотнесенность) к другим социальным, национальным, политическим, языковым, расовым, конфессиональным и иным сообществам,

¹³⁵ Там же. С. 600–601.

и отождествлять себя с каким-либо индивидом, являющимся воплощением общих черт, присущих той или иной группе.

Региональную же идентичность можно определить, как восприятие индивидом себя как части «воображенного сообщества» (согласно определению Б. Андерсона)¹³⁶, которое основано на единстве территории проживания, истории и традиций, ценностных установок и ориентаций, социального и культурного уровня, определенного образа жизни. То есть, региональная идентичность является формой коллективной идентичности, при которой каждый индивид идентифицирует себя в пространстве и времени, соотносясь с внешним миром согласно ценностному, эмоциональному, регулятивному аспектам. И хотя содержание и пути формирования региональной идентичности могут иметь различия, этот феномен базируется на существенных отличиях культурного, языкового, хозяйственного, исторического или религиозного характера между регионами в рамках единого государственно-политического строя.

Анализ зарубежной и отечественной научной литературы по данной проблематике дает возможность отметить особое внимание к ней таких ученых, как Б. Андерсон, С.В. Дрожжина, Л.А. Крутова, В. Мамутов, А. Марчуков, О.Б. Пенькова, В.Н. Супиков, В.А. Тишков, Э. Эрикссон и др.

Региональная идентичность имеет универсальную структуру, формируется лишь в социуме, в ходе непрерывного процесса социализации личности и внутренне присуща каждой личности. Сам процесс социализации сказывается на формировании у индивида личностных установок и убеждений, которые будучи освоенными человеком в определенный период, воспроизводятся в обществе в целом. Один из исследователей феномена региональной идентичности В.Н. Супиков, выделяет несколько основных

¹³⁶ Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсен; [пер. с англ. В. Николаева]; [вступ. ст. С. Баньковской]. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 288 с.

факторов формирования региональной идентичности: генезис и основания регионообразования (исторические, политико-управленческие, социально-экономические, национально-этнические, культурные; физико-географические и др.); качество жизни; ментальность регионального социума; человеческий потенциал региона; вектор развития (включая направление и динамику развития): инновационное, модернизационное, стагнирующее, деградационное¹³⁷. Следовательно, региональная идентичность является как индивидуально-личностным, так и социально-групповым явлением.

Исторически идентичность народов Донбасса сформировалась как вариант русской идентичности, и данный феномен находится в настоящее время в явной динамике.

Основной философией Донбасса является труд, легенды о героях войны и труда, прочное осознание общности территории. Как отмечалось ранее, описание истории становления данного региона происходит через раскрытие темы народа-труженика, который в условиях нищеты, постоянной опасности для жизни, обусловленной особенностями труда шахтера и металлурга, эксплуатации и отсутствия социокультурной среды, сумел построить в дикой засушливой степи один из самых крупных промышленных центров Европы, создал крупнейшую в Европе агломерацию. Японский ученый Гироаки Куромия сравнивает освоение этого края с американским Диким Западом с нищетой, сложными условиями жизни, постоянной опасностью для жизни, которая обусловлена особенностями труда шахтера и металлурга, эксплуатацией и отсутствием социокультурной среды¹³⁸.

Истоки формирования Донбасса как особого региона можно найти еще в XVIII веке. Именно в это время для создания новой топливной и металлургической базы Российской империи данная территория подверглась

¹³⁷ Супиков, В.Н. Моделирование социально-экономического развития регионов / В.Н. Супиков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 143–149.

¹³⁸ Куромія Гіроакі. Свобода і терор у Донбасі: Українсько-російське прикордоння, 1870–1990-і роки / Пер. з англ.: Г. Кьорян, В. Агеєв; Передм. Г. Немирі. – К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2002. – 510 с.

значительным экономическим и демографическим преобразованиям «...и был найден в степях тех бескрайних камень черный, да горючий. А подругой его, нашлась руда железная, и сосватала их речка быстрая да полноводная. Отсель и началась слава великая края Донецкого!»¹³⁹.

Такое удачное расположение края, хорошая транспортная развязка, развитие новых технологий, идей, инвестиций, и наконец, трудолюбивые люди – все это в комплексе дало возможность Донбассу стать перспективным и быстроразвивающимся регионом.

Ещё В.И. Ленин говорил: «Донбасс – это не случайный район, а это район, без которого социалистическое строительство останется простым добрым пожеланием». «Всесоюзная кочегарка», «центр угольной промышленности», «индустриальная жемчужина», «становой хребет», «кузница кадров», «земля героев»¹⁴⁰ – так называли Донбасс в недалёком прошлом. И это не просто эпитеты. Край всегда славился угольной и металлургической отраслями, машиностроительными и химическими предприятиями. Во времена Советского Союза Донецкий совнархоз был третьим в стране по экономическим показателям, после Московского областного и Московского городского. Ускоренное экономическое развитие Донецкого региона в XVIII–XIX вв. в составе Российской империей, а затем и СССР, сделало его одним из достаточно развитых индустриальных регионов.

Экономическое становление региона осуществлялось под влиянием трудовых миграций. Во второй половине XVIII века началась масштабная миграция донских и запорожских казаков, беглых крестьян с Левобережной Украины и Юга России. Результатом ее стало то, что уже к середине следующего века население территории современного Донбасса увеличивалось во много раз быстрее, чем в других регионах России. Данный процесс сыграл важную роль в формировании народонаселения региона и

¹³⁹ Лебезова, Э.М. Промышленность Донецка / Э.М. Лебезова. – [Электронный ресурс] // Донецк: донецкий туристический портал. – Режим доступа: <https://www.visitdonetsk.info/chto-posetit/pamyatniki-donetska/palma-mertsalova/23-chto-posetit/76-promyshlennost-donetsk.html>.

¹⁴⁰ Там же

оказал огромное влияние на его этническую и культурную основу. Приток русских мигрантов в различные исторические периоды, их преобладание в промышленных центрах Донбасса обусловили превосходство в этнокультурном пространстве края русского языка, русских традиций, русской культуры.

По утверждению донецких историков Л.А. Крутовой и О.Б. Пеньковой, после того как Донецкий край вошел в состав Российской империи (XVIII начало XIX вв.) как крупный историко-культурный регион: «Его отличительной чертой было то, что заселение, инфраструктура, образ жизни здесь сформировались на протяжении сравнительно короткого времени. Довольно быстрыми темпами шло его хозяйственное освоение». Это один из регионов Российской империи, где негативное влияние крепостничества наименее сказывалось на его экономическом развитии¹⁴¹.

Развитие промышленности «...нуждалось в большом количестве рабочих. Это обусловило появление в нашем крае новых переселенцев. Со всей Российской империи в Донбасс на заработки приезжали люди. Менялась социальная структура края. Еще более разнообразным стал этнический состав населения. Основную часть жителей Донбасса составил пролетариат. Эта особенность в дальнейшем определила историческую судьбу региона. Промышленная буржуазия и промышленный пролетариат сыграли важнейшую роль не только в экономической, но и политической жизни Российской империи. В 1930-е годы пролетарский Донбасс стал лидером новой ускоренной модернизации отечественной промышленности»¹⁴². Процесс индустриализации, стремительное развитие капитализма, социальных групп обусловили полиэтническую структуру населения региона. Не случайно этот индустриальный регион стали называть «Новой Европой» и

¹⁴¹ Крутова, Л.А. Современные подходы к изучению истории Донбасса / Л.А. Крутова, О.Б. Пенькова // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2015. – № 1(55) – С. 50–59.

¹⁴² Крутова, Л.А. Современные подходы к изучению истории Донбасса / Л.А. Крутова, О.Б. Пенькова // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2015. – № 1 (55) – С. 50–59.

даже «Европейской Калифорнией»¹⁴³. В период существования СССР время становления народного хозяйства миграционные потоки направлялись в Донбасс со всех союзных республик. Особенно сильными они были в 20-30 гг. XX в. и в период послевоенного восстановления народного хозяйства. Только за период 1946-1950 гг. в Сталинскую (Донецкую) область прибыло около 250 тысяч работников из различных республик Союза (Россия, Белоруссия, Молдавия)¹⁴⁴.

Таким образом, в формировании постоянного населения Донбасского региона принимали участие представители десятков этносов. Эта многонациональная масса людей постепенно русифицировалась, потому что языком общения и деловым языком стал русский язык. Но, нельзя не отметить, что не этническая и даже не языковая идентификация является краеугольным камнем в формировании региональной идентичности Донбасса, а скорее социально-экономическая реальность этого региона, которая и создала особую своеобразную независимость. И хотя времена индустриального освоения края ознаменованы еще и тем, что руководство завода Юза (в собственности которого был весь Донецк) захватило монопольные позиции, став во главе «Новороссийского сообщества». То есть владело активами, регулировало все аспекты жизни города, и население было лишено возможности избирать власть, участвовать в муниципальной деятельности, нести ответственность за поддержание порядка в городе. Это говорит о том, что в Донбассе не произошло становление органов местного самоуправления, что блокировало развитие и становление гражданского общества. Но в результате особых условий фабричного и заводского капитализма, Донбасс именно во времена индустриализации создал свою собственную региональную идентичность и своеобразный менталитет.

¹⁴³ Мамутов, В. Дикое поле – не терраинкогнита. Взгляд на историю нашего края с юга / В. Мамутов // Проблемы региональной идентичности Донбасса: сб. аналитических статей / сост.: А. Иванов, А. Мартынов. – Донецк, 2011. – С. 68–85.

¹⁴⁴ Губарев, В.К. Миф о «коренном» народе: в контексте истории Донбасса / В.К. Губарев // Донецкий кряж. – 2001. – № 418. – С. 5–9.

Стабильное развитие Донбасса и его защиту гарантировали неразрывные экономические и духовные связи с Россией. Так, еще в 1918 г. на заявление самопровозглашенной украинской Центральной рады о своих претензиях на земли от Одессы до Харькова, население Донбасса, отстаивая свое право остаться с Россией, поддержало провозглашение Донецко-Криворожской советской республики как составной части Российской Федерации 30 января (12 февраля) на IV областном съезде Советов рабочих депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов в г. Харькове¹⁴⁵. В своем докладе на этом съезде большевик С. Васильченко, который придерживался взгляда о создании Советского государства по принципу территориально-производственной общности областей, сказал: «По мере укрепления Советской власти на местах федерации Российских Социалистических Республик будут строиться не по национальным признакам, а по особенностям экономически-хозяйственного быта. Такой самодовлеющей в хозяйственном отношении единицей является Донецкий и Криворожский бассейн. Донецкая республика может стать образцом социалистического хозяйства для других республик»¹⁴⁶. Предложение С. Васильченко о создании Донецко-Криворожской республики, выделении ее из состава УНРС и включении в состав Советской России было поддержано большинством делегатов съезда. В результате было принято постановление «По вопросу о выделении Донецкого бассейна». Так была предпринята попытка определить правовые механизмы становления региональной идентичности народов края, посредством которых государство сможет реализовать политику идентичности и сформировать мировоззренческие представления сообщества о социально-политической реальности.

¹⁴⁵ Марчуков, А. «Новороссийская идентичность» — необходимость или опасные игры разума? / А. Марчуков. – [Электронный ресурс] // Информационное агентство REGNUM. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/1869067.html>.

¹⁴⁶ Там же.

И сегодня историческая память о событиях тех лет и подвижнической деятельности братьев Корниловых играет важную роль в формировании самосознания жителей региона. Февраль 2015 г. был ознаменован провозглашением Народным советом ДНР преемственности Донецко-Криворожской Республики. Власти современной ДНР уверены: Республика – прямая наследница Кривдонбасса, хотя некоторые эксперты и высказывают свои сомнения в правомерности данной преемственности. По словам В. Корнилова наши республики не взялись из ниоткуда, под этим лежит 100-летняя история, фундаментом этого являются и события 1917–1918 гг., и те идеологические и теоретические дискуссии, которые в свое время не были закончены¹⁴⁷.

Глава ДНР Денис Пушилин отметил: «Это наша история, так же и как первый заложенный камень в фундамент Донецкого металлургического завода, как первый добытый в Донбассе уголь. Это была первая и по-своему успешная попытка Донбасса создать собственное государство. Идея объединения индустриальных районов не утратила своей актуальности и сегодня». По его словам, ДКР и ДНР объединяют как общие враги – украинские националисты, так и то, что население обеих Республик (ДНР и ЛНР) считает Донбасс неотъемлемой частью Русского мира¹⁴⁸.

Хотелось бы отметить, что основным звеном донбасской идентичности являются ценности патриотизма, которые выступают средством общенационального объединения, формирования и оздоровления национального самосознания, а значит национальной идентичности. Значимую роль в консолидации нации народа Донбасса, как и российской нации, играют воспроизводимые в правовом дискурсе государства

¹⁴⁷ Какую роль Донецко-Криворожская советская республика сыграла в новейшей истории Донбасса [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://news.rambler.ru/ukraine/39121230/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

¹⁴⁸ Там же.

традиционные и коллективные ценности, отражающие элементы правовой и политической идеологии.

Таким образом, по результатам исследований экономических и правовых основ идентичности народа Донбасса, мы пришли к следующим заключениям:

– основой региональной идентичности для Донбасса является не только этническая и языковая идентификация, а исторически определенная социально-экономическая реальность донбасского региона, которая создала своеобразную независимость;

– собственная региональная идентичность Донбасса создавалась в результате особых условий фабрично-заводского капитализма во время индустриализации;

– коллективные и традиционные ценности, отражающие элементы правовой и политической идеологии, играют важную роль в консолидации нации Донбасского региона.

2.3 Духовно-нравственные, религиозные аспекты формирования региональной идентичности

Проблема региональной идентичности имеет тесную социальную связь с теорией глобальных и локальных культур. Глобальные связи и растущий экономический обмен также изменили культуру и социальные ценности. То, как глобализация влияет на местные культуры и ценности во всем мире, рассматривается неоднозначно. Приводят ли глобализация и Интернет к

распространению единого западного образа жизни по всему миру или они создают новый расцвет региональной идентичности и культуры?

«Мир становится, с одной стороны, все более похожим, с другой – все более и более разным»¹⁴⁹. Универсальное развитие товарных и финансовых рынков и сильное переплетение финансов и экономики способствуют интернационализации труда, моды, туризма и коммуникаций. Точно так же мобильность, в значительной степени мотивированная политическими, социальными и экономическими причинами, приводит к смешению культур. Огромное распространение электронных СМИ создало еще одну предпосылку для объединения культур. Межличностные отношения могут поддерживаться, несмотря на географические расстояния, благодаря техническим возможностям.

Под глобализацией культуры критики глобализации понимают распространение западных ценностей и образа жизни, прежде всего. Массовое распространение западных ценностей происходит в основном через телевидение и кино, но музыка (MTV) и мода (например, галстук), а также западная корпоративная культура также распространяются по всему миру – так что это вызывает беспокойство у многих. Помимо глобализации средств массовой информации, массовый туризм во многих регионах, что вызывает еще один страх, способствует упадку местных культурных традиций, потому что в условиях растущей зависимости люди живут и работают почти исключительно для туристов. Сторонники видят в глобализации эволюцию, направленную на то, чтобы элементы всех культур стали доступны во всем мире. По их словам, вытеснение коренных культур часто происходит только на поверхностном уровне. Влияния будут изменены и включены в их собственные представления о культурных ценностях. Кроме того, по его словам, улучшается положение многих людей и людей, соответственно.

¹⁴⁹ Брайденбах Дж. Танец культур. Культурные идентичности в глобализованном мире / Дж. Брайденбах. – М., 1998. – С. 320.

Группы людей через контакт с западной культурой (например, равенство прав женщин). На сегодняшний день можно наблюдать две противоположные тенденции: феномен культурной унификации, с одной стороны, и новый расцвет региональных идентичностей и культур, с другой.

Кроме того, новые и растущие возможности обмена по мере развития глобализации оказывают влияние на то, как развивается наше сознание и что мы воспринимаем как нашу идентичность. Если раньше формирование идентичности в нашем культурном кругу происходило сравнительно спокойно, с долгосрочными стабильными жизненными перспективами и в контексте общепринятой системы ценностей и норм, то процесс глобализации изменил это. Сегодня идентичность все чаще нуждается в балансировании на фоне стремительных изменений.

Книга «Столкновение цивилизаций», опубликованная в 1996 году, вызвала много дискуссий. Автор, Сэмюэл П. Хантингтон, ставит в нем вопрос о событиях в мировой политике в XXI в. Вместо гармоничного сосуществования во все более взаимосвязанном мире он видит, как возникают новые конфликты глобального масштаба, в первую очередь между культурами. Он делит современный мир на восемь основных цивилизаций: китайскую, японскую, индуистскую, исламскую, западную, латиноамериканскую, африканскую и христианско-восточную. Мировая политика XXI в – это не что иное, как глобализация. Таким образом, двадцатый век будет определяться не столкновениями идеологического или экономического характера, а конфликтом между народами и этническими группами, принадлежащими к разным культурным группам.

Исходя из вышеизложенного, локальная идентичность культуры формирует специфическую модель культурных измерений. В межкультурных исследованиях широко используются различные подходы, связанные с классификацией культурных различий. Подходы различаются в первую очередь тем, являются ли они более культурно-релятивистскими, т.е. связанными с одной культурой, а не сравнительными, или имеют более

универсалистскую ориентацию (унифицированные показатели и термины, а также сопоставимость культур).

Герт Хофстеде был одним из самых выдающихся представителей межкультурного обучения. В эмпирическом исследовании с участием более 110 000 сотрудников IBM он разработал модель культурных измерений на основе факторного анализа в конце 1960-х гг. Сначала он определил четыре основных измерения (дистанция власти, коллективизм / индивидуализм, маскулинность / фемининность и избегание неопределенности), прежде чем добавить пятое измерение (долгосрочная / краткосрочная ориентация) на более позднем этапе¹⁵⁰.

И подход исследования, и результаты культурных измерений были предметом споров в последние десятилетия. Фундаментальный универсалистский подход, а также результаты отдельных стран, сведенные к баллам, вызывают недоумение у многих представителей гуманитарных и культурных наук, а также у многих межкультурных тренеров. С другой стороны, модель культурных измерений предоставляет много базового материала, множество различных показателей, а также различные возможности оценки для области обучения и, следовательно, для ситуаций межкультурного взаимодействия в частном и профессиональном контекстах. Международное ГЛОБУС исследование также подтверждает ключевые части и результаты исследования.

Дистанция власти описывает степень властных отношений в культуре и их распределение, а также вопрос «Насколько неравенство может и может существовать между людьми?». Структура дистанции власти проясняется с помощью иерархических отношений, таких как родители-дети, учитель-учащийся, лидер-сотрудник или формальные структуры внутри организаций.

¹⁵⁰ 2010 veröffentlichte Hofstede das Buch “Cultures and Organizations – Software of the Mind: Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival”, in dem er mit Genus vs. Ограничение ввел шестое измерение. Вначале исследование охватывало 67 стран, позже было расширено до 76 стран и в конечном итоге (2010 г.) было дополнено 93 странами по двум измерениям (долгосрочная ориентация / краткосрочная ориентация и снисходительность / сдержанность).

В культурах, находящихся на большом расстоянии от власти, обычно процессы принятия решений проходят „сверху вниз“, и этим решениям не противоречат. Чем меньше дистанция власти, тем больше участия в процессах принятия решений.

В странах Центральной и Южной Америки (например, Венесуэла и Мексика) и Азии (например, Малайзия, Филиппины и Индия) принят высокий дисбаланс распределения власти (высокая дистанция власти), тогда как в странах Северной и Центральной Европы, а также в англоязычных странах (например, Дания, Германия, Швейцария, Великобритания, США и др.) существует высокий дисбаланс в распределении власти, который является общепринятым в странах Центральной и Южной Америки (например, Венесуэла и Мексика) и в странах Азии (например, Малайзия, Филиппины и Индия). = «высокая дистанция власти»), в то время как в странах Северной и Центральной Европы и англоязычных странах (например, Дания, Германия, Швейцария, Великобритания, США и др. Австралия) менее терпимо относится к неравному распределению власти (низкая дистанция власти).

Второе измерение описывает взаимосвязь индивидуализма и коллективизма в соответствующей культуре. Это означает степень, в которой интересы индивида подчинены интересам группы (коллективизм, мы-групповая идентичность / традиционные общества) и, соответственно, степень, в которой интересы индивида подчинены интересам группы (коллективизм, мы-групповая идентичность / традиционные общества). интересы человека превыше интересов группы (индивидуализм, самореализация). В коллективистских культурах группы и семьи, как правило, очень велики, и, соответственно, групповые связи сильно выражены: взаимная верность ожидается и желательна. С другой стороны, в индивидуалистических культурах на первый план выходят индивидуальная самореализация и маленькая семья. Дети учатся мыслить в форме эго (коллективизм в форме мы).

Культурные измерения индивидуализма / коллективизма по-прежнему также связаны с важными стилями общения: в индивидуалистических культурах это низкоконтекстное общение, а в коллективистских культурах – высококонтекстное общение.

Предотвращение неопределенности – это измерение в основном касается того, как справляться с незнакомыми ситуациями. Члены обществ, избегающих неопределенности (например, Германия, Россия, Мексика), пытаются сделать неизвестное / неопределенное предсказуемым и контролируемым с помощью анализа и планов. Порядок и закон имеют первостепенное значение, точно так же существует высокая ориентация на правила, а также большая забота о здоровье и деньгах. Важным критерием профессионального контекста является значительно меньшее или меньшее значение, соответственно культура ошибок практически отсутствует, как и различные стратегии не совершать ошибок. Неизвестные (нерегулируемые) ситуации вызывают дискомфорт, вплоть до беспокойства. В отличие от этого, в культурах с низким уровнем избегания неопределенности, как правило, более терпимо относятся к неопределенности, должно оставаться как можно меньше правил, а беспокойство о здоровье и деньгах значительно меньше выражены.

Долгосрочная ориентация – краткосрочная ориентация – это измерение относится к тому, насколько общества ориентированы на то, чтобы больше полагаться на краткосрочный успех или на долгосрочные решения. В культурах, ориентированных на долгосрочную перспективу, таких как Китай, основное внимание уделяется построению личных отношений и, соответственно, развитию отношений между людьми. Сети взаимоотношений, построенные на долгосрочной основе. Кроме того, проявляется высокое уважение к высокопоставленным лицам и пожилым людям, а также к традициям. В краткосрочных культурах ценится получение прибыли за меньшее время (1 год и меньше), и существует более обоснованное руководство о том, что такое добро и зло.

Новое культурное измерение снисходительность – сдержанность (с 2010г.) – шестое культурное измерение все еще довольно новое и описывает, как в обществе осуществляется свободное осуществление своих потребностей. К ним относятся, среди прочего, вопросы о том, насколько ориентировано на удовольствие проведение досуга общества, насколько открыто проявляется сексуальность, являются ли более красочные и яркие образы, и есть ли более оптимистичный или пессимистичный взгляд на будущее. В культурах с более жесткими ограничениями участники чувствуют больший контроль над своей жизнью: поддержание правопорядка является первоочередной задачей.

Культура, этика и ценности всегда были неотъемлемой частью идентичности человечества. Они дают людям опору и ориентацию, касаются сосуществования в обществе и регулируют юрисдикцию и чувство ответственности в соответствии с нормами и моралью. Глубокие изменения, такие как глобализация, экологические и энергетические проблемы, демографические изменения или миграция, сегодня уже нельзя рассматривать исключительно с помощью стратегий решения в чисто техническом и функциональном смысле. Здесь ценностные представления и их содержание могут указывать направление и быть компасом для принятия правильного решения.

Совокупность предписывающих, рефлексивных и практических аспектов морали мы рассматриваем как моральную – дискурсивно, юридически и социально закрепленную сферу противостояния частных, гетерономных систем норм с провозглашенными универсальными рефлексивными моральными принципами, основанными, в частности, на постулате индивидуальной автономии и ее гарантиях посредством фундаментальных прав.

Если Кант все еще исходил из универсальных моральных закономерностей, которые человек несет в себе и должен только осознать, то мораль в рефлексивном смысле утвердилась как система ориентации

индивидуальных и коллективных действий, не основанная на трансцендентных принципах, только в течение XIX и XX вв. В процессе этого все чаще прошлые, настоящие и будущие действия отдельных лиц и коллективов оценивались для них самих и для воображаемой совокупности людей в свете стандартов, основания легитимации которых не вытекали или вытекали не только из принципов веры, права или политической власти и которые теперь сами стали предметом публичных переговоров. По сути, это касалось установления, согласования и присвоения таких фундаментальных принципов, как «достоинство», «признание» или «автономия», посредством определенной формы общения, которая несет в себе признаки уважения или неуважения.

Таким образом, с XIX в. обращение к рефлексивной морали приобрело особую ценность, отличную от других точек зрения на социальные нормы. Тем не менее, историю морали нельзя писать, как историю успеха. Скорее, в ней, помимо опасности ее возможности, речь всегда идет об «амбивалентности добра», неоднозначности моральных ценностей, а также их – часто стратегических или инструментальных – формах использования, даже если из них не вытекало ни вообще ничего, ни обязательно универсального «добра». Только один пример: призыв шведского педагога и писательницы Эллен Ки к порке и реформе образования в 1900 г., хотя и был основан на признании универсальных прав детей на защиту, до пропаганды «эвтаназии» характеризовался социально-дарвинистским подходом к социальной оптимизации.

Возникновение и расширение морали были и, в частности, характеризовались противоречивыми требованиями социальных движений и отдельных действующих лиц установить новые, основанные на универсальности и транснациональные нормы, с помощью которых утверждались индивидуальные и коллективные права в отношении существующих институтов, таких как национальные сообщества, государства, церкви и экономически могущественные – первоначально, например, в форме

Борьба с рабством- и женского движения, на волне колониальных скандалов или основ международного гуманитарного права, прав человека и социальной защиты.

В то же время в западном мире произошла фундаментальная релятивизация тех абсолютных моральных представлений, которые опирались на религию, законы или условности, обычаи и традиции¹⁵¹. Таким образом, Фридрих Ницше в своей статье «О генеалогии морали» 1887 года представил в перспективе и историзировал притязания христианской морали на абсолютность, в частности. Несколько лет спустя Эмиль Дюркгейм положил в основу своей социологии открытие фундаментального морального кризиса современного общества. По его словам, упадок традиционных, коллективных систем правил и их обязательных ценностей сопровождался распространением индивидуализма и аномии¹⁵². Это также открыло путь к научному осмыслению морали, выходящей за рамки философии.

Как и Ницше, Дюркгейм придерживался морального социологического релятивизма, поскольку он понимал мораль как нечто, что может происходить только исторически конкретно в определенных обществах, через них и для них. Ранние американские прагматики, такие как Чарльз Сандерс Пирс, Уильям Джеймс или Джон Дьюи, также выступали против любых эпистемологических выводов из моральных требований, считая их легитимными только благодаря практическому взаимодействию людей друг с другом¹⁵³. Растущий скептицизм в отношении трансцендентно обоснованных систем морали с последней трети XIX в. также усилился. Однако, несмотря на это, многие современные прагматики, такие как Чарльз Сандерс Пирс, Уильям Джеймс или Джон Дьюи, также выступали против любых эпистемологических выводов из притязаний на моральную значимость, считая их легитимными только благодаря практическому общению людей друг с

¹⁵¹ Ницше, Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше // Соч. в 2-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – 525 с.

¹⁵² Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Сочинения. – М.: Изд-во «Эксмо», Харьков: Изд-во «Фолио», 2002. – 749 с.

¹⁵³ Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения / Ч.С. Пирс. – М.: Логос, 2000. – 412 с.

другом. Растущий скептицизм в отношении трансцендентно обоснованных систем морали с конца XIX в. Однако XX в. отнюдь не положил конец общественным дебатам о intersубъективной действительности моральных норм. Скорее, признание исторической и культурной относительности морали сопровождалось повышением актуальности и конкуренции моральных концепций и семантики.

В то же время далеко не все научные подходы того периода следовали принципу релятивизма: неокантианство стремилось заново обосновать метафизику Канта с помощью современного естествознания. Этнолог Виктор Катрейн в своих полевых исследованиях перед Первой мировой войной стремился доказать, что определенные этические нормы вполне могут быть универсальными и антропологически обоснованными¹⁵⁴. Колониальный расизм и имперские «воспитательные» миссии были основаны на предположении абсолютного «белого» превосходства¹⁵⁵. Этой антирелятивистской позиции также приписывают широкий культурно-критический дискурс под знаком страха декаданса, страха вырождения и призывов к гибели примерно в 1900 г., чей глубоко антилиберальный потенциал был и продолжает оставаться постоянным противником возможности рефлексивной морали и ее основ в XX в.

После Первой мировой войны призывы к «моральному руководству» для якобы «аморального общества» становились все громче. Хотя триумфальное шествие демократических систем и видение транснационального мирного порядка в Европе межвоенного периода были подкреплены универсальным моральным оптимизмом, поначалу они не могли противостоять ни абсолютным ценностным представлениям общества, ни его идеям¹⁵⁶. Однако, несмотря на то что они были отчасти недолговечными, победоносное шествие демократических систем и видение транснационального мирного порядка в Европе в межвоенный период были

¹⁵⁴ Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения / Ч.С. Пирс. – М.: Логос, 2000. – 412 с.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения / Ч.С. Пирс. – М.: Логос, 2000. – 412 с.

подкреплены универсальным моральным оптимизмом, они изначально не могли противопоставить себя абсолютным ценностным представлениям общества. Фашизм и национал-социализм по-прежнему утверждают, что они принадлежат социализму. Таким образом, абсолютизация частных, эссенциалистских и мобилизующих сообщество концепций морали нашла свое крайнее выражение в псевдорелигиозной подпитке и мессианских ожиданиях антидемократического лидерства, которые сопровождались насильственно внедренными идеями исключительного и этнифицированного общества.

Особенно после 1945 года рефлексивный возврат к универсально понимаемой морали стал центральным политическим и социальным аргументом и ресурсом легитимации из-за предшествующего фундаментального сомнения в ее применимости – например, в требованиях соблюдения прав человека, в требованиях эмансипации или в стремлении к экологической устойчивости. Таким образом, средний период XX в. особенно выделялся среди других. XX в. проходит под знаком конфликта между претензиями на расширение сущности и применимости универсальных, либеральных моральных принципов и правовых требований, а также связанного с этим неустойчивого расширения демократических и либеральных политических порядков, с одной стороны, и их замедляющегося отрицания со стороны отдельных моральных, особенно политически тоталитарных порядков, с другой¹⁵⁷.

За последнюю треть XX в. можно наблюдать дальнейший рост публичных дебатов о морали. Новые формы выражения морального несогласия гражданским обществом, политизация образа жизни и связанное с этим размывание границ между политическими вопросами и конфликтами моральных принципов, и не в последнюю очередь такие предметные области, как экологические сценарии будущего, последующие проблемы технических

¹⁵⁷ Там же.

изменений и процессы глобальной экономической взаимосвязи, вызвали споры в обществе об общих моральных принципах с новой интенсивностью.

С этим подъемом морального духа было связано, среди прочего, появление глобально ориентированного морального дискурса, сознания и действий. Таким образом, Люк Болтански с его концепцией «отдаленного страдания» или Хеннинг Риттер с его «Испытанием на сострадание» затронули возможности и двойственность восприятия другого человека, особенно с помощью аудиовизуальных средств массовой информации¹⁵⁸. Наряду с пространственным, с 1970-х годов также произошло временное расширение моральной ответственности, например, в дискурсе об охране окружающей среды или в «этике будущего», отсылающей к «будущим поколениям»¹⁵⁹. Развивая это, совсем недавно Валентин Бек попытался извлечь выгоду из факта политической, культурной и экономической взаимосвязи всего общества. В то время как «моральная этика», как и «этика будущего», основывалась на «будущих поколениях». Развивая это, Валентин Бек, совсем недавно, попытался извлечь выгоду из факта политической, культурной и экономической взаимосвязи всего общества. Мир вывести философскую теорию глобальной ответственности.

Однако о чем свидетельствует, несмотря ни на что, все еще явно несбалансированное восприятие и фактическое взвешивание «собственных» страданий и страданий «других», всегда следует также спрашивать об исторических границах моральной значимости и внимания: какие субъекты и сферы жизни в первую очередь и через кого стали объектом общественного морализирования, какие формы реализации и утверждения моральных требований считались в наше время законными, и как изменились границы

¹⁵⁸ Петрова, Е.И. Соотношение понятий «этнос» и «нация»: философский аспект / Е.И. Петрова // Культура и цивилизация. – 2019. – № 1 (9). – С. 61–71.

¹⁵⁹ Тишков, В.А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить [Электронный ресурс] / В.А. Тишков // Культурная сложность современных наций / отв. ред.: В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Москва: Политическая энциклопедия, 2016. – Ч. 1. – С. 7–18. – Режим доступа: https://static.iea.ras.ru/books/tishkov_kult_slozhnost.pdf.

представлений о морали и нормах, на которых развивались представления о морали и нормах, чем руководствовались люди в своих действиях? Не в последнюю очередь это связано с глобальной историей

Мораль – это отношения между фигурами моральной легитимации и индивидуальными или коллективными действиями. Потому что и культура познания морали, и конъюнктура публичных моральных дебатов были и остаются тесно связанными с концепциями, обоснованиями и практиками «хорошей» или «правильной» жизни. От вдохновленной марксизмом парадигмы «отчуждения» субъекта от мира труда и общества потребления до коммунитарной реконструкции специфически современной «культуры подлинности» себя в Чарльзе Тейлоре, XX в. проходит через неразрешенную напряженность между структурными ограничениями, субъективной привязанностью и моральной рефлексивностью.

При этом трудно провести четкую грань между публичными переговорами и индивидуальными причинами действий или их эмоциональной взаимосвязью, тем более что последние в значительной степени формируются социальными ожиданиями и рутинной. Американский социолог Чарльз Райт Миллс еще в 1940 г. утверждал, что ссылка на моральные мотивы приобретает смысл только тогда, когда действия человека ставятся под сомнение другими людьми. Мотивы предстают здесь не как провоцирующие факторы человеческих действий, а как их ретроспективная легитимация и рационализация¹⁶⁰.

Вторым аспектом формирования религиозной идентичности России является православие и Русская Православная Церковь. Не только в политическом дискурсе цивилизационная концепция «Русского мира» играет в последние годы все более важную роль; представители Русской Православной Церкви (РПЦ), которая официально присоединилась к Фонду «Русский мир» в

¹⁶⁰ Батанина, Л.С. Самоидентификация личности в условиях культуры массового общества: дис. канд. философских наук: 09.00.11 / Л.С. Батанина. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет. – 2004. – 162 с.

2009 г., также проявили себя в своих более поздних выступлениях. Высказывания, часто относящиеся к концепции «русского мира», отличной от западной цивилизации и превосходящей ее. При этом содержательное наполнение понятия «Русский мир» у представителей РК размыто. Однако есть некоторые содержательные константы, которые перечисляются снова и снова. Наиболее важными из них являются: а) историческое измерение, б) религия и происхождение, соответственно, в) ценности, г) язык и д) наднациональный характер.

При этом историческое измерение имеет двойную направленность, оно направлено как назад, так и вперед. Русский мир воспринимается как нечто, что было унаследовано от предков. Понятие «Русь», то есть название досовременной эпохи господства и господства, соответственно. Форма правления восточных славян, при этом используется как обозначение общины русских, украинцев и белорусов, «на протяжении всего периода, когда у нас было единое отечество, независимо от правящей политической системы» (так Патриарх Кирилл 3 ноября 2009 г.). Таким образом, подчеркивается историческая общность восточных славян, которая все еще имеет вес, как для настоящего, так и для будущего. По его словам, Русский мир обеспечит сплоченность этих народов и в будущем, независимо от нынешних политических границ. Таким образом, это нечто вроде неразрывного сообщества судеб, из которого нации, входящие в него, не могут выйти даже путем формирования политической воли: цивилизация простирается глубже, чем политические проекты.

Что касается роли религии в русском мире, позиция РК амбивалентна. Конечно, православие рассматривается как религиозная основа русской цивилизации. Часто – в том числе в выступлениях президента России – апострофируется «общая Киевская купель», то есть христианизация Руси в конце X в., в результате которой возникли православные церкви России и соседних с ней государств. Однако религиозный аспект концепции не является исключительным. Особое значение уделяется исламу, в частности, как религии,

традиционной для России (согласно преамбуле Закона о религии 1997 г.), и религии, в которой отстаиваются общие ценности. Это особенно верно в отношении построения антагонизма с западноевропейскими религиозными общинами (в основном, за исключением католической церкви), которым якобы больше не удастся формировать свои общества и сохранять христианские традиции. Реальные или предполагаемые запреты религиозных символов в Западной Европе (приговоры к распятию, переименование христианских праздников и др.) Заставляют представителей РК подчеркивать важность религии и религиозных символов в публичном пространстве. Таким образом, речь идет о том, что религия должна быть важным и доминирующим фактором в обществе; это включает в себя ее публичное присутствие, но также и формирование общества в соответствии с религиозными принципами.

Эти принципы описываются в дискурсе РК о русском мире, прежде всего как (моральные) ценности. Они в корне свехрелигиозны; так, 6 сентября 2014 г. Патриарх заявил, что эти ценности «в цивилизации, к которой мы принадлежим, являются ценностями Евангелия или для тех, кто не признает Евангелие и принадлежит к другим религиям, ценностями их собственной религии, которые во многих отношениях отражаются на моральном уровне «. Соотнесение с Евангельским посланием». Существует несколько конкретных перечислений этих ценностей, таких как «преданность Богу, любовь к родине, человеколюбие, справедливость, межнациональный и межконфессиональный мир, стремление к знаниям, любовь к труду, уважение к старшим». По его словам, преимущество этих ценностей в том, что с их помощью страны Русского Мира могли бы занять достойное место в семье человечества. Это часто привносит антизападное измерение: постулируемые ценности были забыты на Западе или заменены другими. Важную роль здесь играет различие между индивидуальными и коллективными ценностями: подчеркивая индивидуальность и ее свободы, Запад пренебрегает правами таких групп, как нации или религиозные общины (или, например, семьи); соответственно,

свобода вероисповедания затем требуется как групповое право, а не в первую очередь как индивидуальное право.

Но, согласно представлениям РПЦ, это ни в коем случае не означает единообразия или унификации в русском мире. Скорее, это пространство предназначено для сохранения различных языков, культур и религиозных традиций, так что, по словам Патриарха, «не будет народов первого и второго ранга». Таким образом, русский мир представлен как пространство разнообразия, основанное на одних и тех же цивилизационных предпосылках, но не предполагающее однородности. Часто используемый термин «страны Русского мира» подразумевает, что в этой области могут и должны существовать различные формы государства.

Это также очевидно со следующим элементом – языком. Нет сомнений в том, что русский язык играет важную роль. Его сохранение и забота подчеркиваются представителями церкви; однако это не обязательно означает возвращение других языков. Церковным общинам РК за рубежом предлагается разрешить преподавание языков, чтобы, прежде всего, молодые люди не разучивали язык своего происхождения. Однако Патриарх подчеркивает, что в равной степени возможно предлагать там курсы на украинском, белорусском или молдавском языках по мере необходимости.

Однако язык понимается не только как культурная связь с (бывшей) родиной, но и как приверженность православию. В своем выступлении Патриарх Кирилл упрекает молодых людей, которые любят говорить с иностранным акцентом, в том, что они тем самым отвергают русский язык, русскую культуру, православную веру. Это интересно тем, что церковь в своей внутренней сфере, а именно в богослужении, отвергает русский язык и разрешает совершать богослужения только на церковнославянском языке. Однако в Украине общинам, исповедующим общину с РК, разрешено использовать украинский язык. Поскольку неканонические Православные церкви Украины позволяют своим священникам делать это, возможно,

давление на РК было слишком сильным. Однако в самой России использование современного письменного языка невозможно.

Но как представители РК представляют значение нации или политического пространства, соответственно, сформированного Русским миром? Прежде всего, следует сказать, что Русский мир явно понимается как наднациональный проект. Кроме того, Республика Корея прямо определяет себя в своем уставе как многонациональную церковь. Русский мир связан с Русью, а не с Россией, что делает его открытым для всех людей, которые чувствуют себя принадлежащими к этой культурной модели, независимо от их национальной принадлежности.

Однако возникает вопрос, в какой степени представители других народов вообще хотят принадлежать к русскому миру. Для представителей церкви это, похоже, не проблема; Митрополит Иларион, неофициальный заместитель Патриарха, говорит о народах, которые до недавнего времени считали себя единым народом и которые до настоящего времени составляют единое религиозно-культурное пространство. С точки зрения заинтересованных сторон, это можно понимать как захват, но это не воспринимается как таковой РК. За этим утверждением стоит идея о том, что современные государственные границы не стирают культурные общности. Кстати, обычно под странами русского мира подразумеваются Украина, Беларусь и Молдова; но иногда упоминаются и другие, например, Казахстан.

Тот факт, что Русский мир распределен по разным государствам, подразумевает процесс интеграции. Действительно, иногда представители церкви сравнивают этот процесс с тем, через который прошел Европейский Союз. Однако подчеркивается, что из-за общей религиозной основы интеграционные процессы в Русском мире могут быть более успешными, чем в ЕС. Здесь следует отметить, что РК прилагает огромные усилия для оказания влияния на процедуры и процессы внутри ЕС. У нее есть представительство в Брюсселе, и ключевые представители Церкви стремятся регулярно встречаться и консультироваться с высшими представителями Союза.

Таким образом, выясняется, что концепция РК о Русском мире не является конкретно осязаемой, но остается в значительной степени расплывчатой. Кроме того, он часто сам по себе противоречив. Таким образом, за этим стоит не генеральный план, который Церковь пыталась бы навязать, а скорее стремление определить и занять место в церковно-религиозном измерении в соответствии с политическими процессами. РК не действовала в этой области, а реагировала.

То, что эту концепцию нельзя связать с каким-либо конкретным политическим проектом, видно из того факта, что она представлена как наднациональная. В этом причина некоторой размытости содержания церковной мысли в этой области. Однако можно говорить о фактическом соответствии целей политического проекта «Русский мир» церковным представлениям.

В повседневной церковной жизни русский Мир не играет центральной роли; однако важные представители РК появляются на таких мероприятиях, как «Всемирный русский народный собор» (русск.: «Всемирный русский народный собор»), и, таким образом, получают относительно широкую огласку. Однако от воплощения таких концепций в конкретную политику практически ничего не остается: как существующие по всему миру центры «Русского мира» в основном ограничиваются языковыми курсами для нерусских и библиотеками для русских за рубежом, так и в церковных общинах за рубежом особой активности не наблюдается.

Однако остается очевидным, что различные варианты политики внутри РК создают напряженность, которая также может повлиять на позиции, подобные позициям в отношении Русского мира. Такое разнообразие позиций можно было наблюдать несколько лет назад в свете дела «Pussy Riot». На данный момент это в первую очередь касается Украины. Находящаяся там Церковь (Украинская Православная Церковь Московского Патриархата) сталкивается с расколом: большая часть общин отождествляет себя с Украиной и стремится к церковной самостоятельности в среднесрочной перспективе.

Выводы по разделу 2

1. Донбасс является неотъемлемой частью Русского мира, входя в состав этого ядра, поскольку оно сформировано как единое целое на основе индустриальной культуры и стало одним из двигателей его экономики.

2. Не только этническая и языковая идентификация является основой региональной идентичности для Донбасса, но и исторически определенная социально-экономическая реальность донбасского региона, которая создала своеобразную независимость. Собственная региональная идентичность Донбасса создавалась во время индустриализации в результате особых условий фабрично-заводского капитализма. Важную роль в консолидации нации Донбасского региона играют коллективные и традиционные ценности, отражающие элементы правовой и политической идеологии.

3. XX в. ознаменовался появлением моральных авторитетов, которые не возникли в правовых и экономических порядках, религиях или политических действиях, но приобрели собственное устойчивое качество в качестве эталонной системы и мобилизующего средства, но в то же время не были и не являются бесспорными или универсальными.

РАЗДЕЛ 3. ФЕНОМЕН РЕГИОНАЛЬНОЙ ДОНБАССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТИ РУССКОГО МИРА

3.1 Формирование Донбасской идентичности в поле общерусской идентичности

Бурные события, происходящие в Украине, вызвали живой интерес к проблемам региональной специфики отдельных территорий и их жителей.

Само понятие «идентичность», как отмечалось нами ранее, является наиболее общим и универсальным, описывающим совокупность качественных и количественных характеристик специфичных для определенного культурного или географического индивида (группы, территории). По мнению исследователя З.А. Жаде региональную идентичность стоит рассматривать как социальную функцию социально-экономического развития и как элемент политического управления, как правило зависящий от воздействия культуры, межрегиональных диспропорций, степени периферийности региона¹⁶¹.

Региональную идентичность можно считать объективным состоянием, которое основывается на рефлексивном чувстве самотождественности и целостности. Это состояние гармоничного сочетания индивидуальности и

¹⁶¹ Жаде, З.А. Проблема идентичности в современных социальных теориях / З.А. Жаде // Философия и общество. – 2007. – № 2. – С. 173–185.

включенности в социум региона. Поиск идентичности современные ученые называют одной из главных проблем начиная с конца XX века¹⁶².

По мнению социолога А. Виммер из Колумбийского университета выделяет три фактора, определяющих долгосрочный успех национального строительства: «раннее развитие организаций гражданского общества, появление государства, способного равномерно распределять общественные блага на территории, и появление общих средств коммуникации.

В наше время национальное строительство относится к усилиям новых независимых стран по созданию надежных институтов национального правительства, образования, военной обороны, выборов, земельной книги, импортных пошлин, внешней торговли, внешней дипломатии, банковского дела, финансов, налогообложения, регистрации предприятий, полиция, закон, суды, здравоохранение, гражданство, гражданские права и свободы,

Роль образования в формировании нации. Расширение возможностей начального образования часто рассматривается как важный фактор национального строительства. Европейские правители XIX в. полагались на контролируруемую государством начальную школу, чтобы научить своих подданных общему языку, общей идентичности, а также чувству долга и верности режиму. В Пруссии была введена массовая начальная школа для воспитания «верности, послушания и преданности королю». Эти убеждения о силе образования в формировании лояльности к суверену также были приняты государствами в других частях мира, как в недемократическом, так и в демократическом контексте. Отчеты о школах в Советском Союзе показывают, что спонсируемые государством образовательные программы подчеркивали не только академическое содержание и навыки, но и любовь к земле и беспощадность к врагу, упрямство в преодолении трудностей,

¹⁶² Тренин, Д.В. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад» / Д.В. Тренин; Моск. Центр Карнеги. – М.: Европа, 2006. – 403 с.

железную дисциплину и любовь к угнетенные народы, дух приключений и постоянных стремлений.

Большой вклад в понимание проблем региональной идентичности внесли А.А. Алаудинов, М.Н. Глубого, Е.В. Головнева, З.А. Жаде, М.П. Крылов, Г.В. Коржов, И.А. Лукинова, А.Г. Манатов, В.К. Малькова, И.С. Семененко, В.М. Суханов, В.А. Тишков, Д. Тренин, О.Н. Шкаратан и ряд других исследователей.

В современной экономической литературе встречается представление о региональной идентичности, как о процессе региональной самоидентификации населения.

Феномен идентичности исследователи толкуют как соотнесенность бытия отдельного человека, его воли, разума, эмоций, чувств с более широким культурным контекстом – национальным, региональным, религиозным, профессиональным и другими; эта соотнесенность дает человеку основу ее жизни, включающий в групповой и общемировой контексты, выделяя его как оригинальное, уникальное, но и в то же время совместное бытие с другими людьми. Понятие идентичности можно сформулировать как непрерывное воспроизведение и новое толкование характерных стоимостей, символов, памяти, мифов и традиций, образующих личное наследие нации. Национальная идентичность является прежде всего внутренним опытом людей, феноменом мировоззренческим – направленностью человека на определенные ценности, символы, понятия, безусловно значимые для целого сообщества.

Идентичность региональную мы можем рассматривать по аналогии с национальной (региональное содержание входит в более широкий национальный контекст) и толковать как соотнесенность отдельного лица с меньшим, чем национальный, контекстом – с «малой родиной», ее языковыми и мировоззренческими особенностями, религиозными убеждениями, традиционными способами труда, пейзажами и тому подобное. Региональная идентичность основывается на общеупотребительных в культуре символах. В

этом контексте для региональной самоидентификации значение имеет жизненная среда всегда исторически и географически конкретное, привязанное к определенному месту, образ которого культивируемый, прожитыми именно здесь жизнями многих поколений предков. Региональные образы культуры могут казаться неочевидными извне, однако обнаруживаются наглядно убедительными при взгляде изнутри – при анализе местных фольклорных и художественных текстов (как высокой, академической, так и самодеятельной традиций), рассмотрении феноменологии проявлений в конкретной локальной среде общекультурной символики, метафорики, знаковости.

В Концепции патриотического воспитания детей и учащейся молодежи Донецкой Народной Республики (от 17.07.2015 г.) отражена необходимость формирования и развития патриотизма, которая нацелена на содержание, формы, методы деятельности и определены условия обеспечения эффективности работы в данном направлении. «Патриотическое воспитание – многоплановая, масштабная и постоянно осуществляемая деятельность, включающая целевые, функциональные, социальные, организационные и другие аспекты, обладающая высоким уровнем системности, охватывающая своим воздействием практически все поколения, пронизывает в той или иной степени все стороны жизни: духовно-нравственную, социально-экономическую, информационную, правовую, психолого-педагогическую, военно-политическую и др., опирается на образование, культуру, религию, этносы, философию, историю, военное дело и т.д. Недооценка патриотизма как важнейшей составляющей общественного сознания приводит к ослаблению социально-экономических, духовных и культурных основ развития общества и государства»¹⁶³.

¹⁶³ Концепция патриотического воспитания детей и учащейся молодежи Донецкой Народной Республики: от 22.06.2015 г., № 94: от 17.07.2015 г., № 322 / М-во молодежи, спорта и туризма Донецкой Народной Республики, М-во образования и науки Донецкой Народной Республики. // Министерство молодежи, спорта и туризма Донецкой Народной Республики: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--hlaheeehel.xn--placf/konceptsiya-patrioticheskogo-vozpitanija-detey-i-uchashcheysya-molodezhi>.

Общность исторической судьбы, территориальная и культурная общность с Россией, приверженность подавляющего большинства жителей региона каноническому православию Московского патриархата можно считать основой для региональной идентичности Донбасса и самоидентификации его народа. Любовь к своему краю, осознание ответственности за будущее Донбасса и патриотического долга привели к тому, что в 2014 году все население региона встало на защиту своего края и своей идентичности.

3.2 Украиноцентричный взгляд на донбасскую идентичность

Начиная с 1991 года, периода распада Советского Союза, Украина последовательно продолжает реализацию националистического проекта построения унитарного моноэтничного государства.

Воплощение в жизнь украинского националистического проекта, который лежит в основе государственности Украины, привело к государственному перевороту в 2014 году. Национальный проект стал идеологией независимой Украины, т.к. позволил стоящим у власти легитимизировать свои полномочия перед внешним миром и гражданами своей страны. Позволил обосновать законность и необходимость существования Украины как отдельного государства, а стоящих у власти, считать себя «элитой». Поэтому, используя мощь государственного аппарата, космополитический по своим интересам и взглядам правящий класс Украины воспроизводит национал-украинскую идеологию, важнейшей составляющей которой является утверждение среди населения страны украинской национальной и политической идентичности.

Украинский национализм сегодня является ежедневной темой в репортажах СМИ. Многие видимо впервые услышали или задумались о его существовании, имея представление о том, что Украина как бы отдельно, а украинский национализм – отдельно.

Хотелось бы отметить основные характерные примеры отношения представителей научного сообщества к идентичности народа Донбасса. Проблеме идентичности населения и этнических процессов в Донбасском регионе была посвящена работа одной из секций – «Возможна ли универсальная модель национального образования, или чему учит опыт Донбасса?» – международного конгресса украинистов, проходивший в Донецке в 2005 году. Известный львовский ученый Я. Грицак, выступая основным докладчиком, отказался признать наличие какой бы то ни было особой местной идентичности, подчеркнув, что он не видит уникальности Донбасса, и что выбора нет: Донбасс будет украинским и будет на Донбассе украинская нация.

Донецкий профессор И. Чарских высказал иную точку зрения, выступая на украинском языке и с украиноцентричных позиций. Он выделил определенные специфические черты, которые характеризуют население Донецкого края:

- это группа людей, внутри которой процесс коммуникации более эффективен, чем за ее пределами;
- общение на донбасском диалекте русскоязычных жителей Донецкой и Луганской областей (порядка 90%);
- большие тиражи местных русскоязычных газет, мощное радио и телевидение;
- восприятие большинством населения, работающего в горнодобывающей и металлургической промышленности, сообщений СМИ как жизненно важной информации;
- определенные специфические предпочтения спортивных болельщиков.

Ссылаясь на теорию нации Карла Дойча (по которой происходит эволюция человечества по схеме «народ» – «национальность» – «нация»), такой тип сообщества, отмечает И. Чарских, с предсказуемым поведением, основанным на рефлексии, определенным набором моделей для имитации, можно считать народом (прототипом нации). «В случае появления собственных символов, четкого определения врагов и героев (желательно – мучеников), качественных художественных произведений, которые с высоким эмоциональным напряжением создавали их образы и несли в себе идею отдельности Донбасса...Тогда чем это не нация?..» – подчеркивает И. Чарских. И в последствии, согласно Э. Гелнеру, когда в дело включаются активисты- пропагандисты, просветители, призванные просеивать городской фольклор, доводить лучшие достижения народной культуры региона до уровня высокой культуры и кодифицировать их, должны создаваться привлекательные и идеологизированные мифы¹⁶⁴.

И. Чарских выделяет и ряд противоположно действующих факторов:

- непривлекательность, в-первую очередь, олигархата, стремившегося на тот момент выйти на лидерские позиции на Донбассе;
- процесс становления политической нации на Украине, наложивший отпечаток на сознание людей, особенно молодежи;
- затраты и потери в период становления донецкой нации¹⁶⁵.

Помимо этого, И. Чарских, говоря о двойной и ситуативной идентичности населения данного региона, выдвигает предположение о Пограничьи пяти регионов: Крыма, Белоруссии, Приднестровья, Закарпатья и Донбасса: «Во всех пяти указанных регионах типичным является позиционирование места проживания индивида в качестве главного критерия его идентичности и оценки своего соотношения с другими. Все это – на фоне

¹⁶⁴ Война языков: «Співуча» vs «Великий и могучий». Ч. 1: Конгресс [Электронный ресурс] // Дикое поле: интеллектуально-художественный журнал. – 2006. – № 9. – Режим доступа: http://www.dikoeполе.org/numbers_journal.php?id_txt=430.

¹⁶⁵ Там же.

большого процента российских белорусов, украинорусов, русо-молдован – то есть двойной, смешанной, ситуативной идентичности»¹⁶⁶.

Таким образом, оба украиноцентричных взгляда на донбасскую идентичность заслуживают нашего внимания, причем каждый по-своему. Если Я. Грицак, как яркий представитель украинского националистического проекта, просто отказал населению донбасского региона в праве на региональную идентичность, не признавая даже факта наличия специфики данного региона. То И. Чарских, признавая существование и подчеркивая определенные черты региональной идентичности народа Донбасса, в дальнейшем, в своих теоретических изысканиях придал им субэтнических масштаб вместо того, чтобы просто признать наличие у жителей региона одного из вариантов общерусской идентичности.

С момента озвучивания данных точек зрения прошло пятнадцать лет, и сегодня мы можем смело сказать, что ученые мужи оказались не правы и ошибались в своих прогнозах. Население Донбасса не является частью украинской нации, но и новой этнической общности здесь не возникло.

Возвращаясь к докладу И. Чарских, хочется остановиться и на его рекомендациях для центральной власти в Киеве, которые вытекают из его понимания феномена Донбасса. Одна из них звучит так: «Не делать резких движений подобных решению об ускоренной украинизации, что неизбежно вызовет сопротивление, затем – обострение конфликта, а затем – консолидацию на региональном уровне»¹⁶⁷.

И вот сегодня мы видим, что сторонники украинского националистического проекта, захватившие власть в 2014 году в результате государственного переворота, пролоббировав принятие решения об отмене регионального статуса русского языка, поступили точно наоборот.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Война языков: «Співуча» vs «Великий и могучий». Ч. 1: Конгресс [Электронный ресурс] // Дикое поле: интеллектуально-художественный журнал. – 2006. – № 9. – Режим доступа: http://www.dikoeполе.org/numbers_journal.php?id_txt=430.

Хотелось бы остановиться еще на одном варианте украиноцентричного взгляда на донбасскую идентичность обозначенном в статье «Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации» Г. Коржова¹⁶⁸. Автор, ловко манипулируя бездоказательными эмоциональными штампами, совсем не отрицает наличия региональной идентичности у населения Донбасса, но придает ей негативный окрас. С самого начала статьи автор показывает, как его взволновали наблюдения за избирательными кампаниями 2004 и 2006 г, в процессе которых он выявил беспрецедентную мобилизацию избирателей Донбасса на почве актуализации региональной идентичности¹⁶⁹. Но при этом, Г. Коржов подчеркивает специфичность и важность региона для Украины как базового старопромышленного района «со своей историей, лингвистическими, этническими и ментальными особенностями, образом жизни и сознанием людей, идентичностью, которые, не смотря на значительные изменения в течение полутора веков не утратили своей специфики»¹⁷⁰. Что не совсем логично, признавая необходимость «учитывать инерционность общественного сознания, консервативность жителей этой местности», автор называет «пророссийскость Донбасса» одним из «мифом самоидентификации, господствующих в политическом дискурсе»¹⁷¹.

По мнению Г. Коржова основная «вина» Донбасса, заключается в том, что здесь «постепенно выстраивается специфическая модель региональной идентичности, имеющая ярко выраженную мировоззренческую составляющую, полемическую относительно украинской государственности». А если так, то и подъем региональной идентичности Донбасса проходил «по мере укрепления олигархической формы правления, усиления авторитарных и

¹⁶⁸ Коржов, Г.А. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации / Г.В. Коржов. // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 4. – С. 38–51.

¹⁶⁹ ¹⁶⁹ Коржов, Г.А. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации / Г.В. Коржов. // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 4. – С. 38–51.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же.

патрональных тенденций» и распространения «патрон-клиентельных форм социального взаимодействия»¹⁷².

Опять же не совсем понятно, почему у русского крестьянина, который пришел на сезонные работы из деревни в город нивелируется этническая самоидентификация. Нельзя согласиться с Геннадием Коржовым и в том, что идентичность проявляется только среди сельских жителей, только в деревне.

В продолжение своей статьи Г. Коржов продолжает чернить все, что связывает с Донбассом

– в 30-е годы XX века сформировался типаж жителя края, его внутренняя составляющая – маргинал, которого заботит лишь заработок, и который не имеет ни собственной истории, ни традиций, ни устойчивых ценностей, который настроен на приоритет материальных ценностей над духовными и идейными;

– сформирован отличный от западного тип личности, доминантой для которого является примитивное потребление;

– в период 1970-90 годов этот регион представляет типичную советскую провинцию, с примитивным бытом, который напоминает формы феодальных отношений;

– после распада СССР регион представляет криминальную территорию, которая функционирует вне морали и законности;

– вместо модульного человека и гражданина население Донбасса все поголовно – покорные исполнители¹⁷³. При этом украинский «ученый», как уже упоминалось, не утруждает себя ссылками на источники и литературу, видимо уверовав, что и так все понятно и верно.

Судя по всем желчным высказываниям данного автора по отношению к жителям Донбасса, удивляет, что он хотел увидеть лояльность жителей данного региона к украинскому националистическому проекту. Тем более, что

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Коржов, Г.А. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации / Г.В. Коржов. // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 4. – С. 43–46.

в ходе опросов выяснилось – отличием Донецка, например, от Львова на первом плане для Донецка оказалось ощущение локальной принадлежности, а во Львове – национальная идентичность¹⁷⁴.

Но все же, с одним из выводов Г. Коржова мы считаем можно согласиться: «В целом усиление регионализма и центробежных тенденций в Донбассе служит рельефным свидетельством фиаско – по крайней мере, временного – проекта украинского правящего класса по созданию политической или гражданской нации в Украине, без которой само существование государства становится проблематичным»¹⁷⁵.

Подход, который еще недостаточно изучен по своей сложности, но который очень интересен для этого, – это подход транскультурализма. Первоначально придуманный кубинцем Фернандой Ортисом, немецкий философ Вольфганг Велш принял концепцию транскультурализма в немецкоязычных странах¹⁷⁶.

Транскультурализм: определение и разграничение понятий. Выступая против традиционной концепции культуры, Уэлш разрабатывает концепцию транскультурализма, которая демонстрирует картину взаимосвязанности, смешения и общности культур в современных, высокодифференцированных обществах. Его фундаментальное предположение состоит в том, что культурные различия существуют не только между обществами, но и в равной степени и все чаще внутри обществ. Таким образом, транскультурализм проявляется как социальный феномен, который проявляется, прежде всего, в восприятии, образцах мышления и действиях людей, поскольку единых форм жизни больше не существует.

Концепция культуры Иоганна Готфрида Гердера¹⁷⁷ – культур как «замкнутых сфер» и «замкнутых сфер» соответственно. Описывая

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Коржов, Г.А. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации / Г.В. Коржов. // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 4. – С. 43–46.

¹⁷⁶ Гердер, И. Идеи по философии истории человечества / И. Гердер. – М.: Наука, 1998. – 713 с.

¹⁷⁷ Там же.

«автономные острова», каждый со своей территориальной областью или лингвистической протяженностью соответственно, валлийский язык описывается как «в высшей степени воображаемый и вымышленный». Он критикует эссенциалистские концепции культуры, основанные на Гердере, которые продвигают социальную гомогенизацию, этническую основу и демаркацию вовне. Это быстро оказывается проблематичным: «Предпосылка сферы плюс требование чистоты не только делают невозможным взаимопонимание культур, но и требование такой культурной самобытности также ведет к сепаратизму и создает почву для политических конфликтов и войн»¹⁷⁸.

Продолжая свою критику классических представлений о культуре, Вэлш критикует широко распространенные концепции межкультурности и мультикультурализма как в корне ошибочные: «Беда межкультурности кроется в том факте, что она все еще исходит из островного или сферического строения культур, соответственно концепция не в состоянии найти корень решения проблемы. Это недостаточно радикально, это просто косметика»¹⁷⁹. Мультикультурализм, хотя и решает проблемы сосуществования разных культур в обществе, предполагает существование четко различающихся, однородных по сути культур – в отличие, однако, от межкультурности в рамках одного и того же государственного сообщества: «Принцип мультикультурализма, хотя и прогрессивен по отношению к консервативным требованиям социальной однородности, но его понимание культуры остается традиционным и угрожает привести к регрессивным тенденциям»¹⁸⁰. Вэлш считает, что эти два подхода не защищены от перехода к политическому фундаментализму из-за их настойчивости в отношении культурной самобытности¹⁸¹.

¹⁷⁸ Там же. С. 63.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Вэлш, В. Понимание культуры. Дизайн сети культур / В. Вэлш. – М.: Наука, 2002. – С. 84.

¹⁸¹ Там же. С. 55–56.

Вольфганг Велш считает традиционную культурную концепцию неспособной учесть внутренние культурные различия, поскольку она игнорирует региональные, социальные и функциональные различия, а также различия между образами жизни – научной, художественной, религиозной культурой. Используя эти соображения в качестве отправной точки, Вольфганг Велш развивает концепцию транскультурализма как попытку дополнить традиционные представления о культуре. По его словам, современные культуры де-факто больше не имеют подчиненной формы однородности и разделенности, но в значительной степени характеризуются смешением и взаимопроникновением¹⁸².

По его словам, благодаря современным улучшенным транспортным возможностям и, следовательно, усилению миграционных движений, люди глобально связаны друг с другом. Вэлш подчеркивает сильное переплетение современных культур и размягчение национальных границ: формы жизни больше не заканчиваются границами национальных культур, а выходят за их пределы, в равной степени встречаются и в других культурах¹⁸³. Благодаря контактам в обществе проживания, в обществе происхождения и с родственниками в других странах, а также с помощью сетей передачи данных, средств связи и глобальной торговли создаются транснациональные социальные пространства, имеющие экономическое и психосоциальное значение. Маятниковая миграция вынуждает мигрирующих выбирать путь между адаптацией к новому и сохранением того, что им знакомо. Согласно этому подходу, человек сформированы различными культурными пропорциями и должны выполнять задачу объединения различных компонентов¹⁸⁴.

В то же время это приводит к тому, что проблемы и ситуации в сознании в культурах, которые когда-то считались принципиально разными, возникают или, соответственно, меняются одинаково. Формы социальной

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же.

жизни характеризуются внутренней плюрализацией возможных идентичностей, которые имеют трансграничные контуры. Таким образом, сегодня следует говорить скорее о внутренней культурной дифференциации региональных, социально или функционально расходящихся культур.

Согласно Вэлшу, общества сами по себе мультикультурны, поскольку они включают в себя различные жизненные пути и образ жизни, и в обществах существуют вертикальные различия: «Культура рабочей среды, района вилл и альтернативной сцены больше не имеют общего культурного знаменателя». В то же время, по его словам, существуют горизонтальные различия: «Различия между женщинами и мужчинами, гетеросексуалами, лесбиянками или гомосексуальная ориентация могут привести к серьезным различиям в культурных моделях и формах жизни»¹⁸⁵.

Как представитель постмодернизма, Вольфганг Велш в первую очередь обращается к постмодернистским обществам. Тем не менее, он заявляет, что транскультурализм отнюдь не нов исторически, а скорее является правилом: «Для того, кто знает европейскую историю, эта историческая транскультурализм в любом случае очевиден. Стили охватывали разные страны и нации, и многие художники создавали свои лучшие работы вдали от дома. Или возьмем японскую культуру: очевидно, было бы невозможно реконструировать ее без учета ее переплетения с китайской, корейской, индийской, эллинистической и современной европейской культурами»¹⁸⁶.

По его словам, в последние десятилетия масштабы транскультурализма возросли, в частности, благодаря процессам власти – капиталистической экономике с ее глобальным освоением материальных и человеческих ресурсов, что делает его глобально значимым: «Включение транскультурных элементов сегодня наблюдается у всех групп населения. Даже в случае малообеспеченных слоев (прекариат) или в случае населения, считающегося в равной степени бедным и однородным, можно отметить, что люди, по

¹⁸⁵ Там же. С. 19.

¹⁸⁶ Там же. С. 16.

крайней мере, знают о некоторых элементах другого культурного происхождения и включили некоторые из них, то есть стали в некоторой степени транскультурными»¹⁸⁷.

Поскольку категории самобытности и чуждости, которые до сих пор казались стабильными, распадаются, и сегодня во внутренних отношениях культуры существует столько же странностей, сколько и во внешних отношениях с другими культурами, Вэлш говорит, что «на месте локальных культур прошлого возникла взаимозависимая глобальная культура, которая объединяет все национальные культуры и вникает во все детали»¹⁸⁸.

Резкость разделения между собственной культурой и чужой культурой размывается в концепции транскультурализма. Однако, по его мнению, это не означает униформизма: «И вы не обманываете себя. Проникновение проявляется не только в том, что слишком дешево постоянно повторяется в отношении Coca Cola, McDonald's или CNN, но и затрагивает все аспекты культуры, пронизывая как популярную, так и высокую культуру. Сегодня существует столько же странностей во внутренних отношениях культуры, между ее разнообразными формами жизни, как и в ее внешних отношениях с другими культурами. Иными словами, острота разделения между собственной культурой и чужой культурой исчезла»¹⁸⁹.

Различия в процессах культурного обмена. Согласно этой концепции, дифференциация сегодня следует не географическим, языковым или национальным требованиям, а процессам культурного обмена. Это приводит к созданию сети, в которой, хотя различия не исчезают, возможности для понимания расширяются: «Итак, транскультурные сети, короче говоря, состоят из разных нитей и сотканы по-разному. Следовательно, там, где проникает транскультурализм, в результате снова возникнет высокая степень культурного многообразия. Транскультурные сети всегда имеют некоторые общие элементы, в то время как другие отличаются друг от друга, так что

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же. С. 19.

¹⁸⁹ Там же.

между ними существуют не только различия, но и в то же время общие черты»¹⁹⁰. В этом смысле Вэлш приписывает приставке «транс» двойное значение: «транскультурализм», в соответствии с двойным значением латинского транс-, стремится указать на то, что современное состояние культур выходит за рамки древнего (предположительно сферического) состояния, и что это так именно в той мере, в какой сегодня культурные детерминанты пересекают культуры, так что они больше не характеризуются четкими разграничениями, а скорее переплетениями и сходствами.

В США в 1960-х гг. XX в. ученый-медсестра Мадлен Лейнингер разработала ныне довольно противоречивую концепцию «транскультурного ухода», которая, однако, основывается на устаревшем понимании культуры. Она понимает «транскультурный» как «транснациональный» или «международный»¹⁹¹.

На основе взаимодействия с Лейнингером и Велшем швейцарский ученый-медсестрин Дагмар Домениг разработала концепцию транскультурного ухода, адаптированную к немецкоязычному региону, выступая против культурализации любых трудностей взаимодействия в контексте миграции и, следовательно, перекладывания ответственности на самих женщин-мигрантов.

Она выступает за преодоление культурных границ и поиск точек соприкосновения¹⁹². При этом, по его словам, не принадлежность к определенной культуре является ориентиром для действий, а контекст, взаимодействие, индивидуальная биография, а также личные интересы и стратегии для человека.

Оценка и взгляд на понятие «транскультурализм». Вольфганг Вэлш был прав, критикуя культурную концепцию Гердера и считая ее устаревшей. Однако то, что идея «культурных кругов» в настоящее время устарела, не является новостью в этнологии и уже обсуждается различными этнологами с

¹⁹⁰ Там же. С. 21.

¹⁹¹ Лейнингер, М. Культурные аспекты ухода за человеком / М. Лейнер. – М.: АСТ, 2020. – С. 199.

¹⁹² Там же.

1960-х гг. Например, представителем более современной концепции культуры является Клиффорд Гирц, который интерпретирует культуру как самодельную ткань значений, и этот сетевой термин также используется снова и снова¹⁹³.

Однако в этом смысле критика Вэлшем понятия межкультурности проблематична: концепция межкультурности, которой он приписывает невозможность успеха¹⁹⁴, также с тех пор эволюционировала до такой степени, что культуры больше не приписываются только нациям, языковым группам или этническим группам, но также в полном смысле социально-философских исследований субкультур содержат различные группы внутри общества.

Интерпретируя культуру в смысле Клиффорда Гирца как самостоятельную ткань смысла, концепция межкультурного обмена начинается именно с того момента, когда действительно существуют различия, с которыми нужно иметь дело. Таким образом, в широком смысле здесь можно обсуждать разные корпоративные культуры так же, как можно обсуждать разные модели мышления и восприятия, скажем, панков и юристов.

Тем не менее, современные дискурсы продолжают демонстрировать, насколько жесткие культурные концепции продолжают укореняться в умах людей. Примером этого является тот факт, как тезис Сэмюэля Хантингтона о конфликте цивилизаций находит отклик в повседневных политических дебатах. Даже Вэлш который, с одной стороны, критикует концепцию «островных культур», придерживается концепции культуры со своей концепцией транскультурализма, не понимая, как можно определить культуры, которые проникнуты транскультурой.

Именно придерживаясь концепции культуры, Дагмар Домениг оценивает транскультурализм как переходную концепцию: «Таким образом, транскультурализм призван, с одной стороны, символизировать»

¹⁹³ Елфимов, А.Л. Клиффорд Гирц: Интерпретация культур / А.Л. Елфимов // Этнографическое обозрение. 1992. – № 3. – С. 144–150.

¹⁹⁴ Там же.

продолжающееся существование отдельных культур (старого понимания культур), а с другой – переход к новой, транскультурной форме культур»¹⁹⁵. По его словам, это значимый этап, потому что «хотя наука может деконструировать эссенциалистскую концепцию культуры, пока женщины, не являющиеся учеными, продолжают концептуально упорядочивать свой жизненный мир с помощью конструкции» культуры «и связывать с ней соответствующие смысловые контексты, наука не может обойти эту концептуальность стороной»¹⁹⁶.

Транскультурализм стремится объединить глобальные и локальные аспекты. Концепция транскультурализма в этом смысле представляет собой интересный подход, который пытается объединить глобальные и локальные, а также универалистские, а также частные аспекты, соответственно, и переосмыслить понятие культуры. Таким образом, возможности концепции транскультурализма заключаются, прежде всего, в радикальной защите эссенциалистских концепций культуры и признании различных идентичностей, а также разнообразия внутри и между обществами.

Таким образом, Вэлш закладывает основу для новых конструктивистских концепций и обращает внимание на людей и их жизненную ситуацию. Однако остается под вопросом, представляет ли это революционную переориентацию. Вэлш предполагает, что по мере того, как концепция транскультурализма становится все более известной и общепринятой, транскультурные личности учатся справляться с социальным транскультурализмом: «Индивид, в идентичность которого вошел целый ряд культурных моделей, обладает большими возможностями для общения в отношении множества культурных практик и проявлений, которые встречаются в его или ее социальной среде. Чем больше элементов состоит культурная идентичность человека, тем больше вероятность того, что она будет пересекаться с идентичностью других людей. У вас будет больше

¹⁹⁵ Домениг, Д. Профессиональная транскультурная помощь / Д. Домениг. – М.: Мысль, 2019. – С. 441.

¹⁹⁶ Там же. С. 112.

шансов развить практику общения во время встречи с незнакомцем, а не пребывать в защитной позиции»¹⁹⁷.

Транскультурализм направлен на многогранное понимание культуры. Таким образом, концепция транскультурализма направлена на многоплановое и инклюзивное, а не на сепаратистское и исключительное понимание перед культурой и предполагает культуру, прагматическое достижение которой заключается не в исключении, а в интеграции. Таким образом, транскультурализм работает на формирование «более мирного мирового общества»¹⁹⁸.

В этом заявлении очевидна дальновидность концепции культуры Вольфганга Вэлша, а также то, что концепция транскультурализма частично основана на утопии, что признает сам Вэлш: «Если нам скажут – как это делала старая концепция культуры – что культура – это однородное событие, мы будем вести себя соответствующим образом, преодолевая ограничения и исключения, которые должны быть предусмотрены практиковать. С другой стороны, если нам – или подросткам – скажут, что культура должна включать в себя именно то, что является иностранным, и отдавать должное транскультурным компонентам, тогда мы или они примемся за эту задачу. В этом смысле «реальность» культуры всегда также является следствием наших концепций культуры»¹⁹⁹.

Транскультурализм Уэлша остается теоретическим, но ориентированным на будущее. Прежде всего, поскольку транскультурализм Вэлша в значительной степени ориентирован на будущее, его поначалу трудно опровергнуть, и он остается чисто теоретическим, что создает проблемы в обзоре и активной эмпирической работе. Пока подход не получит дальнейшего обоснования, также остается открытым вопрос о том, как транскультурализм, описанный Вольфгангом Вэлшем, проявляется и выражается конкретно в первую очередь.

¹⁹⁷ Вэлш, В. Понимание культуры. Дизайн сети культур / В. Вэлш. – М.: Наука, 2002. – С. 84.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же. С. 49–51.

Однако для усилий по интеграции в уже диверсифицированном обществе подход уже сегодня предоставляет широкие возможности для восприятия идентичности, потребностей, моделей восприятия и образа жизни иммигрантов и местных жителей под измененным углом зрения. С точки зрения подхода разнообразия, таким образом, общие черты могут быть легче обнаружены и использованы. Таким образом, сепаратистские подходы должны отойти на второй план в пользу процессов обмена и межкультурной открытости.

На основе концепции, описанной выше, можно провести общий социально-философский анализ военной спецоперации. Для России это означает возвращение части русского народа в общее пространство. В рамках этнонациональной трихотомии подход В. Путина хорошо объяснен. Это подход, в котором русские и украинцы характеризуются как «один народ», хорошо поддается объяснению.

В. Путин не случайно подтверждает этот тезис, ссылаясь на «историческое единство». Именно этот фактор – единая история и единая историческая миссия – является наиболее существенным для понятия «народ». Во время этого возвращения Россия сама напоминает себе, что она империя – она выполняет миссию Катехона, противостоя эсхатологическому злу Запада. Этнические группы и русские в России участвуют в общем деле освобождения Новороссии и Украины, объединяясь, но не ценой утраты идентичности или этнической идентичности (и не ассимиляции в «нацию»).

В этом контексте русский народ имеет как этнический компонент (который довольно разнообразен, особенно из-за концептуализации малороссов как «украинцев», которые также являются русскими), так и исторический компонент. Неслучайно кавказцы, буряты, тувинцы и представители других этнических групп в России все чаще называют себя русскими. «Украинцы»-малороссы, примкнувшие к России и осознавшие себя частью русского народа, не потеряют своей этнической составляющей, а лишь приобретут дополнительное – универсальное – измерение идентичности.

«Украинизм» – как идентичность, противоположная России – равносителен абсолютной реализации конструктивистских концепций об искусственной природе нации (сначала национализм, а затем нация). Сам политоним «украинцы» – это произведение кругов интеллигенции, которые в XIX веке приняли устаревший книжный термин, наполнили его сначала чисто географическим, а затем чисто «националистическим» содержанием и утвердили его как имя собственное только после советской украинизации. Именно здесь мы имеем дело с «нацией», созданной из ничего, и вытекающим из нее национализмом. Военная спецоперация на Украине – это борьба между великой русской нацией и искусственной «украинской нацией», между традицией и современностью, переходящей в постмодернизм, между империей и национальным государством как трамплином на пути к растворению в мировом обществе.

3.3 Региональная идентичность Донбасса: тенденции развития в условиях общественной трансформации.

История развития человечества – это фактически история возникновения, исчезновения и трансформации этносов. Следовательно, проблемы развития этносов, тесно связанные с сохранением этнической и национальной идентичности народа, являются определяющим фактором развития государства.

Современный этап развития общества характеризуется объективными глобальными процессами, в связи с которыми возникает острая проблема

национальной идентичности. Широкое внедрение информационных технологий, изменения в культурной, социально-экономической и политической сферах общества обуславливают изменения в социальной структуре. Данный процесс претерпевает изменения не только внешнего каркаса социальных отношений, но и внутреннего мира индивида. Следовательно, в таких условиях наиболее актуальной является проблема национальной идентификации личности. Динамика идентификационных процессов представляет собой «индикатор» социального сознания общества. В условиях современного полиэтничного общества, когда индивид является представителем одной этнической группы, он на протяжении всей жизни, сталкивается с системой культурных и этнических ценностей представителей других этносов.

Проблемам исследования сущности и природы понятий «этнос», «нация», «идентичность» и «идентификация» посвящены работы видных этносоциологов и философов: Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей, А.В. Буганов, М.Н. Глубогло, Л.Н. Гумилев, Р. Декарт, М.А. Жигунова, С.Я. Левит, С. Сапронова, С.М. Широкогоров и др. Стоит отметить, что реальные условия современности в данной сфере на Донбассе имеют специфические особенности, что обуславливает необходимость дальнейших исследований в указанном направлении.

В условиях современного полиэтничного общества, когда каждый индивид является представителем одной этнической группы, он на протяжении всей своей жизни сталкивается с системой культурных и этнических ценностей представителей других этносов. Поскольку социализация является двусторонним процессом, следовательно, идентичность формируют, с одной стороны, социальные институты, а с другой – сам индивид, который выбирает те или иные ценности, наиболее соответствующие объективной реальности. Основопологающим фактором развития государства является сохранение этнической и национальной идентичности народа.

Идентичность нации представляет собой социокультурную нишу государства. По мнению О. Сергеевой, базисом существования любой цивилизационной системы является ее самоидентификация, поскольку сам идентификационный принцип имеет свойство диасинхронного (от поколения к поколению) социокультурного воспроизводства, т.е. воспроизведение исторически сложившихся базовых ценностей людей²⁰⁰.

Национальная идентичность является одной из составляющих идентичности личности, которая связана с ощущаемой им принадлежностью к определенному этносу или нации.

Этническая идентичность – понятие, которое имеет различные виды и способы национальной самоидентификации человека. По мнению А.В. Буганова в XXI веке «оценка людьми своей принадлежности к определенной нации станет чрезвычайно существенной, поскольку признаки этнической принадлежности людей заключаются не в отмирающей показной символике, такой, как национальные костюмы или блюда, а, в полных глубокого значения, традициях их народов»²⁰¹.

Стоит отметить, что видный этносоциолог В.А. Тишков считает, что «только сознание национальной идентичности, которое формируется на основе общей истории, общего языка и культуры, только сознание принадлежности к одной нации заставляет далеких друг от друга людей, рассеянных по бескрайним пространствам, чувствовать взаимную политическую ответственность»²⁰².

Формирование этнической идентичности определяется существованием этнических границ: этнос – социальная группа, следовательно, этнос – это

²⁰⁰ Сергеева, О.А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем / О.А. Сергеева // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 5. – С. 104.

²⁰¹ Буганов, А.В. О русскости в народном сознании и исторической памяти / А.В. Буганов // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы доклада, Оренбург, 1-5 июля 2009 г. – Оренбург, 2009. – С. 48.

²⁰² Тишков, В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В.А. Тишков; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Москва: Наука, 2013. – С. 103.

совокупность членов данной социальной группы, которые осознают свою принадлежность к ней, то есть этническая идентификация – это узнавание своих членами группы, которое возможно только при наличии отличительных признаков данного этноса. Идентификация является непрерывным процессом конструирования «Я» в социальной среде через отношения к инаковости и освоения чуждости. Динамика идентификационных процессов представляет собой «индикатор» социального сознания общества.

Согласно результатам исследований предметных аспектов феноменов «идентичности» и «идентификации» можно подчеркнуть, что лингвистическое самоопределение в терминах физических, интеллектуальных, моральных («идентичность») и социальная принадлежность к полу, национальности («идентификация») разделяется между собой в аспекте социальной коммуникации.

Процесс идентификации является восприятием атрибутов определенной группы, что позволяет повышать или понижать статус самой группы. Ценностным компонентом идентификации является сравнение в свою пользу. Эмоциональная значимость принадлежности и вхождения в сообщество является постоянной составной процесса идентификации. Переживания, которые возникают в процессе группового взаимодействия связи с группой (любовь/ненависть) выявляют эмоциональную основу идентичности. Социальный простор является плоскостью для формирования межгрупповых отношений, которые могут быть закрытой/открытой системой. Она действует как переживание индивидом значимости, которая создана через осознание собственной неповторимости, личных интересов и собственных устремлений.

Этническая идентификация (отождествление человека с определенным этносом) на сегодня является одним из основных факторов характеристики индивида. На основе разработанной теоретической базы по этому вопросу можно определить три основные этапа процесса идентификации:

– этап этнодифференциации, которая заключается в осознании особенностей своей общности, отличий «мы» от «они»;

– этап выработки стереотипов, в процессе которого складываются представления о характере, психическом складе, темпераменте индивидов данного сообщества;

– этап формирования идеала, включающий оценку своего этноса, а также представление о его предназначении, социально-исторических целях и задачах, о господствующих ценностных ориентациях.

Политика государств современного мирового пространства проявляется в умении не только устанавливать границы между народами, а и использовать коммуникативные ресурсы, которыми обладают национальные меньшинства в пределах социокультурной среды национального государства.

В период интенсивного развития межкультурных контактов проблема этнической идентичности становится еще более значимой. Это вызвано определенными причинами, среди которых выделим следующие:

– этнос является для человека самой надежной группой, которая может обеспечить ему необходимую безопасность и поддержку в жизни, что предполагает принадлежность человека не только к какой-либо социокультурной группе, но и к этнической общности;

– окружающий мир достаточно нестабилен и, когда он престаёт быть понятным, большинство людей начинают искать поддержку в проверенных временем ценностях, в ценностях своего этноса, которые в данных обстоятельствах становятся наиболее надежными и понятными. Результатом становится усиление чувства группового единства и солидарности. То есть, через осознание своей принадлежности к этносам, люди стремятся найти выход из состояния социальной беспомощности, почувствовать себя частью общности, которая обеспечит им ценностную ориентацию и защитит от невзгод;

– преимущество в передаче и сохранении ценностей культуры всегда являлась закономерностью ее развития. Необходимые человеку процессы самовоспроизведения и саморегуляции всегда происходят внутри этносов

путем связи между поколениями. Без данного процесса человечество не развивалось бы.

В условиях развертывания интеграционных процессов каждый этнос обязан сохранять свободы действий в качестве реального этно-субъекта мирового пространства.

Следовательно, сохранение этнической и национальной идентичности народа – определяющий фактор развития любого государства. Формирование этноса и нации объясняется через социальные законы развития общества. Феномен этнической и национальной идентичности основывается на понимании общности происхождения, традиций, верований, духовных ценностей, осознании своей исторической преемственности. Наибольшее влияние на формирование этнической общности имеет единство компонентов духовной культуры, то есть нормы поведения, ценностные качества и связанные с ними социально-психологические характеристики сознания людей. Сформировавшийся этнос функционирует как целостный социальный организм, стремящийся к созданию своей социально-территориальной организации племенного или государственного типа.

Отметим, что история знает немало примеров, когда отдельные части этноса могут быть разделены политико-государственными границами, хотя и в данных условиях они сохраняют свою идентичность. Примером могут служить Россия, Украина, Белоруссия, существующие после распада СССР как отдельные государства, но исторически принадлежащие к одному единому русскому этносу.

Русский этнос формировался на базе специфического славянского этноса, складывающегося на основе языческих верований, в которых было развито поклонение многим богам. Эти верования воплощались в традиционных праздниках, которые проходили красочно в различные времена года и суток.

Начиная с середины IX в., начинает свое формирование русская нация – высшая форма русского этноса. Оригинальную теорию данного

формирования представил П.А. Сорокин, согласно которой русская нация возникла как отдельная социально-культурная система с установлением Киевского государства. Автор выделяет основные черты русской нации: «ее сравнительно долгая жизнь, удивительная стойкость, исключительная готовность со стороны ее членов идти на жертвы ради ее выживания, рост территории, населения; политический, социальный и культурный рост. К основным чертам можно добавить и дополнительные особенности: расовое и этническое разнообразие, предоставление нерусским высоких постов в политической и социальной сферах, сравнительно мирная экспансия, ведение преимущественно оборонительных войн, высокая преданность данной нации со стороны ее членов»²⁰³. П.А. Сорокин отмечает, что «сами по себе государственные, языковые, культурные и территориальные общности еще не являются нацией. Только принадлежность к единому государству, связанная единым языком и территорией, дает возможность группе индивидов образовать нацию»²⁰⁴.

Огромное влияние на формирование русской нации оказало создание православной державы (после принятия православия в 988 г.), раскинувшейся от Карпат до Китая, до просторов морей на противоположном конце Азии.

Известный русский писатель Д. Балашов, после размышления над таким мироустройством пишет: «Нет ли тут той строгой закономерности, что даже за многонациональным объединением племен, каким оказалась Великая Россия, должна стоять в истоке и замысле одна национальная культура и одно (национальное!) духовное устремление? Россию создали русские, хотя Великая Россия никогда не была страной-колонией, и народы, ее населяющие, были равны между собой... И все же великие государства, как и малые, растут из одного корня. А связанные с этим корневым народом иные племена и

²⁰³ Сорокин, П.А. О русской нации; Россия и Америка; Теория национального вопроса / П.А. Сорокин // Рос. филос. о-во. Моск., Отд-ние, Междунар. фонд «Русская соборность»; Рос. филос. о-во, Моск. отд-ние, Междунар. фонд «Рус. Соборность». – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: [б. и.], 1994. – С. 19.

²⁰⁴ Там же. С. 19.

народности возрастают и гибнут уже вместе с ним, ибо единство исторических судеб, раз сложившись, не может быть разорвано по чьему-то велению и желанию. Разрыв тотчас же начинает сочиться кровью, и рушащийся колосс погребает под остатками своими и тех, кто жаждал и добивался его гибели»²⁰⁵. А далее его совет, обращенный тем, кто живет в XXI в., хочется донести каждому: «... Дабы свеча не погасла, не угасла готовность к суровому подвигу в защиту Родины, Правды и Добра, нужна муравьиная, ежечасная работа тех, кто творит и сохраняет память народа, кто не дает угаснуть традициям веков»²⁰⁶.

На данном этапе современности проблема становления национальной идентичности народов Донбасса является одной из центральных, поскольку представляет собой синтез объективных и субъективных признаков нации. Суть данной проблемы лежит в наличии и сохранении национально-культурного единства.

Культурная идентичность состоит из процессуального и динамичного согласования значений и позиций исторического, культурного и политического характера посредством репрезентации и артикуляции (например, кино). Это не единичный, а дифференцированный опыт, который постоянно создается и всегда позиционируется. Эта концепция призвана помочь деконструировать эссенциализирующие представления о культурной идентичности и переформулировать «быть чужим» в рамках репрезентативных режимов, дестабилизируя бинарное мышление²⁰⁷.

В своей статье «Культурная идентичность и диаспора» Стюарт Холл подходит к понятию культурной идентичности с постколониальной точки зрения в контексте коллективного опыта (воспоминаний диаспоры о колониальном прошлом). Холл проводит различие между двумя способами постижения культурной самобытности. Первый, традиционный путь, рассматривает идентичность как подлинный, стабильный, коллективный

²⁰⁵ Балашов, Д.М. Отречение: роман / Д.М. Балашов. – М.: Lexica, 1994. – С. 464.

²⁰⁶ Там же. С. 465.

²⁰⁷ Холл, С. Тайные учения всех эпох / С. Холл. – М.: Наука, 2022. – 701 с.

эталон, возникший исторически и конституируемый, прежде всего, общим происхождением²⁰⁸. Второй путь, открытый Холлом, рассматривает идентичность не как материальную сущность, а как производство посредством стратегического представительства, признающего различия и разнообразие. Это понимание репрезентации включает в себя изменение и трансформацию (особенно в отношении колониализма и проволок) и позиционирует идентичность как процесс согласования построения с помощью памяти, повествования и воображения. Хотя Холл признает, что первая концепция идентичности важна для оппозиционной борьбы с преобладающим европейским присутствием, его главная задача – прояснить построение идентичности²⁰⁹.

В этом смысле культурная идентичность – это не что-то данное, абсолютное или осязаемое, а скорее производство, которое находится в непрерывном и бесконечном процессе. Культурная идентичность – это не что-то конкретное, абсолютное или материальное, а скорее производство, которое находится в непрерывном и бесконечном процессе. Этот процесс происходит в рамках репрезентации. Таким образом, идентичность создается повторно посредством репрезентации. Или, другими словами, репрезентация действует как средство повторного производства идентичности. Таким образом, согласно Холлу, не существует подлинной идентичности, которую можно было бы представлять, поскольку идентичность создается только в момент представления²¹⁰. Это представление, в свою очередь, существует в артикуляции (значений) и посредством нее, которая всегда позиционируется (там же).

Опираясь на концепцию различия Дерриды, Холл подчеркивает, что идентичность определяется различием, поскольку значения и представления не являются ни фиксированными, ни завершенными, но постоянно подвержены процессам изменений и сдвигов в зависимости от контекста и

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же.

перспективы. Примером этого являются Карибские острова, которые с западной точки зрения часто рассматриваются как культурно равные, в то время как, с другой стороны, они воспринимаются как дайверы или французы. В то время как острова Карибского бассейна часто считаются «культурно равными», в то время как оттуда / откуда-либо еще они воспринимаются как разные²¹¹.

Следовательно, идентичность можно понимать не только как представление и производство, но и как вариацию чего-либо.

Следует сделать вывод о том, что индивидуалистически ориентированные общества характеризуются большей вероятностью иметь более свободные и ни к чему не обязывающие социальные связи. В культурной ориентации индивидуализм на первом плане стоит забота в первую очередь о себе и своей небольшой нуклеарной семье. Достижение и выполнение поставленных задач имеют первостепенное значение – особенно в профессиональном контексте – они имеют приоритет над отношениями, когда есть сомнения. Соответственно, общие задачи могут быть выполнены без необходимости глубокого личного знакомства людей друг с другом.

Аккультурация относится к процессам адаптации, которые возникают в ответ на ситуации длительного контакта между представителями разных культур и влекут за собой определенные изменения для тех, кто в них участвует. При этом можно наблюдать сознательное и бессознательное (стратегическое) позиционирование, ориентированное либо на культуру происхождения, либо на культуру приема. Эти процессы переговоров между чужой и собственной культурой могут происходить индивидуально или затрагивать группу коллективно. Здесь также следует учитывать конкретные рамки контактов с иностранцами, то есть будь то временная высылка за границу, длительное пребывание или миграция.

Хорошо известную модель измерений аккультурации дает Джон В. Берри (1990). Для Берри основополагающими являются вопросы ориентации:

²¹¹ Там же.

хочет ли индивид или коллектив сохранить свою идентичность происхождения или они хотят ориентироваться на доминирующую культуру большинства? Для него это приводит к четырем стратегиям аккультурации: интеграция, ассимиляция, сегрегация, маргинализация.

Стратегии аккультурации различаются в зависимости от конкретного отношения к культуре большинства и степени сохранения самобытных культурных ценностей. В позитивных отношениях с культурой большинства индивид или индивид, соответственно, становятся более восприимчивыми к культуре. Коллективно интегрированный или ассимилированный.

В то время как при интеграции самобытная культурная идентичность в значительной степени сохраняется, при ассимиляции от нее отказываются. При интеграции отдельные лица или группы стремятся к мультикультурализму, при котором их культурное наследие передается обществу большинства. Конечно, это также требует готовности доминирующей культуры к интеграции, которая обеспечивает взаимный обмен межкультурным мышлением и поведением. Берри²¹² выделяет три формы интеграции: активное принятие культурного разнообразия в обществе, социально-структурная интеграция в структуру социальных отношений общества и социально-культурная интеграция с учетом культурных различий. При ассимиляции мигранты испытывают более сильное давление, связанное с адаптацией к принимающей культуре. Это влечет за собой отказ или отказ от самобытной культуры. Благодаря сознательному принятию языка, а также моделей мышления и поведения новой культурной системы, самокультурная идентичность постепенно накладывается друг на друга. Таким меньшинства к обществу большинства.

²¹² Лукинова, И.А. Патриотизм как ценностная идентичность: теоретико-философский анализ / И.А. Лукинова // Актуальные проблемы общественных наук: социология, политология, философия и история: материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф., 16 мая 2012 г. – Новосибирск, 2012. – С. 57–68.

С другой стороны, если преобладает пренебрежительное отношение к доминирующей культуре, это означает либо сегрегацию, либо маргинализацию. Сегрегация – это процесс сознательного сохранения самобытных культурных ценностей и моделей мышления. без установления контакта с культурой большинства.

Маргинализация – это процесс разрушения существующих культурных идентичностей при одновременном отрицательном отношении к принимающей культуре. Часто это сопровождается состоянием культурной дезориентации, которое приводит к социальной и местной изоляции и изоляции. Однако при определенных условиях позиция маргиналов также может быть использована конструктивно. Именно в результате разрыва с культурными эталонными системами могут возникнуть ситуационно-зависимые реалии, и, таким образом, старые нормы могут быть подвергнуты сомнению и заложены новые этические основы. Таким образом, высокий уровень разочарования, который маргинализация обычно приносит всем вовлеченным сторонам, можно снизить или преобразовать в новые возможности дизайна, связанные с межкультурностью.

Мультикультурализм относится к социальным структурам организации или общества. В смысле мультикультурализма предполагается, что происходит не слияние различных культур, а их сосуществование. Под межкультурностью понимается столкновение двух или более культур, при котором происходит взаимовлияние, несмотря на культурные различия. При столкновении разных культур их собственная культурная идентичность и отпечаток становятся взаимно ощутимыми. Под межкультурностью понимается восприятие и мышление с соответствующей точки зрения без поспешных выводов. Чужое не должно быть включено в собственное представление о себе, а должно быть сначала только осознанно принято к сведению. Чтобы понять другого, нужно осознавать свою точку зрения. Таким образом, чужая и собственная культуры вступают в продуктивные отношения взаимного обмена. Таким образом, постепенно возрастность становится

знакомством, которое может быть взаимно и частично интегрировано в культурный опыт человека.

В связи с современными глобализационными процессами возникает проблема национальной идентичности. Для Донбасса данная проблема детерминируется полиэтничностью населения. Наше общество является поликультурным со сложной структурой идентичностей, которые не всегда имеют общие этнические и национальные основы.

Феномен этнической и национальной идентичности основан на нациообразующем процессе, хотя темпы и сроки его формирования, как в целом и консолидации нации, неодинаковые и зависят от зрелости этнонационального сознания и самосознания.

Специфичной является этнонациональная идентичность, а также нациообразующий процесс на Донбассе.

Если же рассматривать Донбасс как территориальное сообщество, то стоит отметить, что в заселении нашего края с самого начала участвовали в большей степени россияне. Специфика формирования Донбасса заключается в том, что данный регион представлял собой часть Российской империи с населением, представленным в основе своей русскими и украинцами. В результате, к началу XX века в Донбассе сформировалось особое многонациональное сообщество, основу которого составило русско-украинское население, а средством коммуникации стал русский язык. Это положило начало новому этапу развития Донбасса как части Русского мира.

В свете вышеизложенного следует проанализировать этнокультурную специфику Донбасса нашла свое отражение на уровне массового сознания граждан. Исходя из этого, отметим, что в нашем регионе сложилась специфическая этнотерриториальная общность. Наличие на Донбассе данной общности предусматривает идентификационные процессы, которые должны быть свойственны жителям нашего региона.

Этническая структура Донбасса сложилась как доминирующая этническая коалиция украинцев и россиян, которая в дальнейшем определила

социокультурное развитие региона и является важнейшей этнической характеристикой.

Становление национально-культурного самосознания жителей Донбасса является сложнейшим социальным процессом, в основе которого лежит историческая память нашего народа.

Идентичность жителей Донбасса определяется теми социокультурными связями, которые органично вошли в жизнедеятельность региона на основе особенностей его становления и развития. В результате переплетение национальных традиций в общем полиэтническом пространстве Донбасса породило единые ментальные модели жизнедеятельности.

Подлинная ментальная гармония любого социального организма возможна лишь при условии полноценного функционирования всех его составляющих.

Такая идентификация по ценностям, основанная на полиэтничности Донбасса, обеспечивает целостность той ментальности, которая вбирает в себя множество национальных голосов.

Сегодня Донбасс представляет собой регион ядром культуры, которого является русская культура, что отражается в единстве традиций и обычаев, в единстве языка, в единстве веры, которой выступает православие, в единстве этнического поведения, в единстве менталитета.

Выводы по разделу 3

1. Донбасс является полиэтничным по своей внутренней структуре, а сохранение этнической и национальной идентичности народов нашего региона является определяющим фактором развития государства.

2. Формирование этнической и национальной идентичности основывается на понимании общности происхождения, традиций, верований, духовных ценностей, осознании своей исторической преемственности.

3. Результаты обобщения исследования понятий «идентичность» и «идентификация», дают возможность нам утверждать, что лингвистическое самоопределение в терминах физических, интеллектуальных, моральных («идентичность») и социальная принадлежность к полу, национальности («идентификация») разделяется между собой в аспекте социальной коммуникации. Ценностным компонентом идентификации является сравнение в свою пользу. Эмоциональная значимость принадлежности и вхождения в сообщество является постоянной составляющей процесса идентификации.

4. Этническая идентичность – это не только принятие определенных групповых представлений, готовность к схожести мыслей и общие этнические чувства, но и построение системы отношений и действий в рамках межэтнических контактов. С помощью данной системы человек может определить свое место в полиэтническом пространстве и определяет правила поведения внутри и вне своей группы, может солидаризироваться с идеалами своего этноса и разделять иные народы на похожих и непохожих на свое сообщество.

5. Национальная идентичность очень важна для межкультурной коммуникации, так как нет личности внеисторической, вненациональной, каждый индивид принадлежит к той или иной нации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Заключении подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы:

1. Методологически оправданным в осмыслении феномена «нация» является комплексный подход, на основании того, что благодаря ему этнокультурные и гражданские составляющие вместе с исторической памятью тесно взаимодействуют. Для будущего национального государства, а также для трансформации национальных интересов концепт нации имеет гносеологическое и прогностическое значение. Этническая идентичность тесно взаимосвязана с национальной, практически продолжается в ней.

2. Ключевая эволюционная задача этноса – жизнедеятельность человека в наиболее приемлемых психофизических экзистенциальных условиях. Тезис примордиалистов о тождестве этнического и национального бытия не отображает процессов нациообразования.

Инструменталистская интерпретация этничности как способа реализации интересов социальной группы в результате мобилизации ее членов носит односторонний характер, поскольку рассматривает процесс этнической идентификации в контексте политической борьбы. Конструктивизм редуцирует объективную данность этнической и национальной идентичности к изучению механизмов ее формирования. Анализ подходов к изучению этнической идентичности позволяет сделать вывод о необходимости сочетания примордиалистского, инструменталистского и конструктивистского подходов при исследовании этноса.

3. Понятие «нация» как более широкое в отношении понятия «этнос» нужно понимать, как общественно-политическое образование людей, связанных между собой на основании языка, территории, принадлежности к государству. Объективный анализ этнокультурных и национальных процессов требует дифференциации понятий «этнос» и «нация». Этнос является формой моносообщества, нация же – это полиэтничное и поликультурное образование.

4. Этническая идентичность формируется при помощи своей направленности в прошлое, возвращения к истокам. Члены этнического общества объединены общей культурной перспективой, то есть традицией, которая включает в себя комплекс норм, независимых от политического строя. Нация является политико-правовым сообществом, которая объединяется культурной личностью. Национальная идентичность в социальном пространстве утверждает ценность личностного в универсальном. Ее константами являются непостоянство, подвижность, множественность. Формирование национальной идентичности происходит под влиянием социокультурной реальности.

Феномен взаимодействия этнической и национальной идентичности проявляется в политической консолидации общества, основные признаки которой проявляются в символическом объединении вокруг совместных представлений о прошлом, будущем и целях нации (историческая память).

5. Особенности понимания национально-культурного контекста в западной и отечественной науке свидетельствует о том, что его основой является формирование общей исторической памяти. Национальная история всегда основана на общности опыта. Особенность этнической памяти – это способность пробуждать и возвращать к коллективному воображению то, что, казалось бы, давно забыто. Анализ исторических основ идентичности народа Донбасса дает основание сделать вывод о том, что исторические, экономические и социальные аспекты, непосредственно связанные с

современной Российской Федерацией, оказали непосредственное влияние на формирование самобытности региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаев, А.Г. Теория наций в тисках схоластического догматизма / А.Г. Агаев // Социально-политические исследования. – 1990. – № 12 – С. 27.

2. Алаудинов, А.А. Региональная идентичность как основа формирования общенациональной политической идентичности: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.02 / Алаудинов Апты Аронович. – Москва, 2012. – 188 с.

3. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсен; [пер. с англ. В. Николаева]; [вступ. ст. С. Баньковской]. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 288 с.

4. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества = Imagined communities: размышления об истоках и распространении национализма / Бенедик Андерсон; [пер. с англ. В.Г. Николаева; Центр фундам. социологии НИУ ВШЭ]. – Москва: Кучково поле, 2016. – 413 с.

5. Арутюнова, Е.М. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Е.М. Арутюнова, А.Д. Бравин, Р.М. Валихметов [и др.]; [отв. ред.: Л.М. Дробижева]; Российская акад. наук, Институт социологии. – Москва: РОССПЭН, 2013. – 484 с.

6. Арутюнян, Ю.В. Этносоциология: учеб. пособие для вузов / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 270 с.

7. Асмолов, А.Г. Как рождается гражданская идентичность в мире образования: от феноменологии к технологии: монография: в 2 ч. / Асмолов А.Г., Карабанова О.А., Марцинковская Т.Д.; [под

ред. А.Г. Асмолова]; М-во образования и науки Рос. Федерации [и др.]. – М.: Федеральный институт развития образования, 2011. – Ч. 1. – 111 с.

8. Ахмедханова, С.М. Формирование национальной идентичности [Электронный ресурс] / С.М. Ахмедханова // Молодой ученый. – 2015. – № 14(94). – С. 438–441. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/94/20893/>.

9. Бабичева, Н.А. Государственно-правовые аспекты возникновения губернских республик на юге России в 1918 году / Н.А. Бабичева // Вестник Луганской академии внутренних дел им. Э.А. Дидоренко. – 2017. – № 1 (2). – С. 27–38.

10. Балашов, Д.М. Отречение: роман / Д.М. Балашов. – М.: Lexica, 1994. – С. 464; С. 465.

11. Батанина, Л.С. Самоидентификация личности в условиях культуры массового общества: дис. канд. философских наук: 09.00.11 / Л.С. Батанина. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет. – 2004. – 162 с.

12. Бенуа, А. Против либерализма: к четвертой политической теории / А. Бенуа. – М.: Амфора, 2009. – С. 216.

13. Бергер, П.Л. Социальное конструирование реальности: трактат по социол. знания: / Бергер П.Л., Лукман Т. – М.: Моск. филос. фонд, 1995. – 322 с.

14. Бергсон, А. Два источника морали и религии / А. Бергсон; [пер. с фр примеч. А.Б. Гофмана]. – М.: Канон, 1994. – 382 с.

15. Бердяев, Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 115.

16. Билалов, М.И. Примордиализм и конструктивизм в исследовании этнических процессов / М.И. Билалов // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки. – 2014. – № 5. – С. 157–161.

17. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов: 17 000 слов. – М.: Рус. слов. [и др.], 2002. – 957 с.

18. Бородай, Ю. М. Воображение и теория познания: (крит. очерк кант. учения о продуктив. способности воображения) / Ю.М. Бородай. – М.: Высшая школа, 1966. – 150 с.
19. Бородай, Ю.М. Эротика – смерть – табу: трагедия человек. сознания / Ю.М. Бородай. – М.: Рус. феноменол. о-во: Гнозис, 1996. – С. 317.
20. Брайденбах Дж. Танец культур. Культурные идентичности в глобализованном мире / Дж. Брайденбах. – М., 1998. – С. 320.
21. Братер, С. Этнические интерпретации / С. Братер. – М.: АСТ, 2021. – 514 с.
22. Бромлей, Ю.В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1988. – 207 с.
23. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей; послесл.: Н.Я. Бромлей. – Изд. 2-е, доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 436 с.
24. Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер; [пер. с англ. И. Борисовой]. – М.: Высшая школа экономики, 2012. – С. 17.
25. Брюшинкин, В.Н. Особенности исследования идентичности / В.Н. Брюшинкин // Субъективность и идентичность: коллект. монография / отв. ред. А.В. Михайловский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» – М.: Высшая школа экономики, 2002. – С. 261–271.
26. Буганов, А.В. О русскости в народном сознании и исторической памяти / А.В. Буганов // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы доклада, Оренбург, 1-5 июля 2009 г. – Оренбург, 2009. – С. 48.
27. Буганов, А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание / А.В. Буганов. – Российская акад. Наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: РАН, 1992. – 207 с.
28. Бузгалин, А.В. Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи / А.В. Бузгалин // Век глобализации. – Вып. № 1. – 2008. – С. 120–27.

29. Бунтовский, С.Ю. История Донбасса / С.Ю. Бунтовский. – Донецк: Донбасская Русь, 2016. – С. 10.
30. Вебер, А. Избранное: кризис европейской культуры / Альфред Вебер; [пер.: М.И. Левина, Т.Е. Егорова; послесл. Ю.Н. Давыдова]. – СПб: Универс. кн., 1998. – 565 с.
31. Вебер, М. Экономика и общество / М. Вебер, М.: АСТ, 2018. – С. 13.
32. Виндельбанд, В. Дух и история: избранное / В. Виндельбанд; [пер. с нем.; сост. С.Я. Левит, Л.В. Скворцов; отв. ред.: П.С. Гуревич, С.Я. Левит; примеч. М.А. Ходанович]. – М.: Юристъ, 1995. – 720 с.
33. Война языков: «Співуча» vs «Великий и могучий». Ч. 1: Конгресс [Электронный ресурс] // Дикое поле: интеллектуально-художественный журнал. – 2006. – № 9. – Режим доступа: http://www.dikoeполе.org/numbers_journal.php?id_txt=430.
34. Воловикова, М.И. Нравственный идеал и антиидеал в контексте особенностей российского менталитета / М.И. Воловикова // Национальная идентичность России и демографический кризис: материалы Всерос. науч. конф., 20-21 окт. 2006 г. – Москва, 2007. – С. 730.
35. Воронина, Н.И. Идентичность и толерантность в многоукладности российской культуры / Н.И. Воронина // Толерантность в культуре и процесс глобализации / РАН, Ин-т философии, Академия гуманитар. исслед. – М.: Наука, 2010. – С. 389–435.
36. Вуд, Д. Современное происхождение / Д. Вуд. – М.: Мысль, 2022. – 322 с.
37. Вэлш, В. Понимание культуры. Дизайн сети культур / В. Вэлш. – М.: Наука, 2002. – С. 49–51; С. 84.
38. Гайдук, В.А. Юз и Юзовка / В.А. Гайдук, В.Г. Ляшенко, В.И. Мозговой, И.П. Навка. – Донецк: Кардинал, 2000. – С. 55.

39. Галкина, Е.М. Методологический аспект изучения проблемы этнической идентичности (опыт зарубежных исследований) / Е.М. Галкина // Духовная культура и этническое самосознание. – 1990. – Вып. 1. – С. 72.

40. Гартман, Н. Этика = Ethik / Николай Гартман; пер. с нем. А.Б. Глаголева под ред. Ю.С. Медведева, Д.В. Складнева. – Санкт-Петербург: Фонд Ун-т: Владимир Даль, 2002. – 707 с.

41. Геллнер, Э. Экономическая интерпретация истории // Экономическая теория / Под редакцией Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена, В. С. Автономова. – М.: Инфра-М, 2004. – 944 с.

42. Гердер, И. Идеи по философии истории человечества / И. Гердер. – М.: Наука, 1998. – 713 с.

43. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс; [пер. с англ. А. Гутермана]. – СПб: Азбука, 2020. – 700 с.

44. Головнёва, Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и её структура / Е.В. Головнёва // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 5. – С. 42–50.

45. Горский, В. Парадоксы исторического сознания современной культуры / В. Горский // Мировоззрение и духовное творчество. – 1993. – С. 34–51.

46. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. А.М. Дробижева. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 485 с.

47. Груздев, В.В. История самоопределения народа Донбасса. Опыт Донецко-Криворожской советской республики / Груздев В.В., Бабичев Д.М., Бабичева Н.А. // Вестник КГУ. – 2019. – № 3. – С. 158–161.

48. Губарев, В.К. Миф о «коренном» народе: в контексте истории Донбасса / В.К. Губарев // Донецкий кряж. – 2001. – № 418. – С. 5–9.

49. Губогло, М.Н. Идентификация идентичности: этносоциол. очерки /

М.Н. Губогло; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2003. – 763 с.

50. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2012. – 558 с.

51. Гуревич, П.С. Проблема идентичности человека в философской антропологии / П.С. Гуревич // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С. 63–87.

52. Даренский, В.Ю. Донбасс в контексте Русского мира / В.Ю. Даренский // Русский мир Украины: сб. ст. – Киев, 2006. – С. 43–59.

53. Джунусов, М.С. Введение в марксистско-ленинскую теорию нации / М.С. Джунусов; [отв. ред.: А.А. Росляков, М.М. Абаева]; АН ТССР, Отд. филос. и права. – Ашхабад: «БІЛЫМ», 1988. – 404 с.

54. Домениг, Д. Профессиональная транскультурная помощь / Д. Домениг. – М.: Мысль, 2019. – С. 112; С. 441.

55. Дробижева, Л.М. Этносоциальное изучение современности / Л.М. Дробижева // Расы и народы. – 1976. – № 6 – С. 64–73.

56. Дрожжина, С.В. Мультикультуралізм як концептуальна модель та праксеологія розуміння сучасного українського соціуму: монографія / С.В. Дрожжина; М-во освіти і науки України, Донец. нац. ун-т економіки і торгівлі ім. М. Туган-Барановського. – Донецьк : [ДонНУЕТ], 2009. – С. 34.

57. Дрожжина, С.В. Донбасс: возврат к истокам Русского мира: монография / С.В. Дрожжина; Донец. нац. ун-т экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского. – Донецк: ДонНУЭТ, 2018. – 136 с.

58. Елфимов, А.Л. Клиффорд Гирц: Интерпретация культур / А.Л. Елфимов // Этнографическое обозрение. 1992. – № 3. – С. 144–150.

59. Есть ли монополия на «бурятскую душу»? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.infpol.ru/171004-est-li-monopoliya-na-buryatskuyu-dushu/>.

60. Жаде, З.А. Проблема идентичности в современных социальных

теориях / З.А. Жаде // Философия и общество. – 2007. – № 2. – С. 173–185.

61. Желтяков, М.В. Круглый стол «Проблемы идентичности Донбасса и современность» в рамках обсуждения стратегии «сила Донбасса» [Электронный ресурс] / М.В. Желтяков // Режим доступа: <https://pravdnr.ru/v-dnr-obsudili-voprosy-samosoznaniya-i-samoindentifikacii-zhitelej-donbassa/>.

62. Инглхарт, Рональд // Излучение плазмы. Исламский фронт спасения. / Р. Инглхарт. – М.: Большая российская энциклопедия, 2008. – 386 с.

63. Иордан, М.В. Интернационализм против национализма / М.В. Иордан. – М.: Наука, 1980. – 264 с.

64. Искусство и цивилизационная идентичность: сборник // Рос. акад. наук [и др.] ; отв. ред. Н.А. Хренов. – М.: Наука, 2007. – 603 с.

65. Какую роль Донецко-Криворожская советская республика сыграла в новейшей истории Донбасса [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://news.rambler.ru/ukraine/39121230/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

66. Касьянов, Г.В. Теорії нації та націоналізму: монографія / Г.В. Касьянов. – Київ: Либідь, 1999. – С.14.

67. Клакхон, К. Ценности и ценностные ориентации в теории действия: исследование в определении и классификации / К. Клакхон. – СПб.: Питер, 1999. – С. 57; С. 74; С. 399; С. 423.

68. Кондаков, И.В. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты / И.В. Кондаков, К.Б. Соколов, Н.А. Хренов; Гос. ин-т искусствознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 1023 с.

69. Концепция патриотического воспитания детей и учащейся молодёжи Донецкой Народной Республики: от 22.06.2015 г., № 94: от 17.07.2015 г., № 322 / М-во молодежи, спорта и туризма Донецкой Народной Республики, М-во образования и науки Донецкой Народной Республики. // Министерство молодежи, спорта и туризма Донецкой Народной Республики: [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--h1aheeehel.xn--placfk/konceptsiya-patrioticheskogo-vozpitanija-detey-i-uchashcheysya-molodezhi>.

70. Коржов, Г.А. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации / Г.В. Коржов. // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 4. – С. 38–51.

71. Кравченко, Э.Е. Ещё раз о «Диком поле» / Э.Е. Кравченко // История Донбасса: анализ и перспективы: сб. материалов Первой науч. конф. историков ДНР. – Донецк, 2015. – С. 3–11.

72. Крутова, Л.А. Исторические предпосылки возникновения Донецкой и Луганской Народных Республик / Л.А. Крутова // История Донбасса: анализ и перспективы: сб. материалов Первой научной конференции историков ДНР. – Донецк, 2015. – С. 33–36.

73. Крутова, Л.А. Современные подходы к изучению истории Донбасса / Л.А. Крутова, О.Б. Пенькова // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2015. – № 1 (55) – С. 50–59.

74. Крылов, М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России / М.П. Крылов // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 13–23.

75. Крылов, М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России / М.П. Крылов // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 13.

76. Кувенева, Т.Н. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе / Т.Н. Кувенева, А.Г. Манатов // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 84.

77. Кузанский, Н. Сочинения: в 2 т. / Н. Кузанский; [сост. В.В. Биbihина; общ. ред. В.В. Соколова, З.А. Тажуризиной]. – Т. 2 / пер. с латин. А.Ф. Лосева [и др.]. – 1980. – 570 с.

78. Кузнецов И. В. «Счет зим». Вымирание коренных американцев и «антропология спасения» / И.В. Кузнецов. В 3-х т. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. – 488 с.

79. Культурология. XX век: энциклопедия / гл. ред., сост. С.Я. Левит. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. – Т. 1: А-Л. – 446 с.

80. Куромія Гіроакі. Свобода і терор у Донбасі: Українсько-російське прикордоння, 1870–1990-і роки / Пер. з англ.: Г. Кьорян, В. Агеев; Передм. Г. Немирі. – К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2002. – 510 с.

81. Кушаков, М.Н. Круглый стол «Проблемы идентичности Донбасса и современность» в рамках обсуждения стратегии «сила Донбасса» / М.Н. Кушаков [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravdnr.ru/v-dnr-obsudili-voprosy-samosoznaniya-i-samoindentifikacii-zhitelej-donbassa/>.

82. Лебедев, С.В. Донбасс: этническая история / С.В. Лебедев. – [Электронный ресурс] // Народный собор: офиц. сайт движения. – [Москва], сор. 2018. – Режим доступа: <http://www.narodsobor.ru/events/society19896-sergej-lebedev-qdonbass-etnicheskaya-istorieaq>.

83. Лебезова, Э.М. Промышленность Донецка / Э.М. Лебезова. – [Электронный ресурс] // Донецк: донецкий туристический портал. – Режим доступа: <https://www.visitdonetsk.info/chto-posetit/pamyatniki-donetska/palma-mertsalova/23-chto-posetit/76-promyshlennost-donetsk.html>.

84. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб: Макет, 1995. – 311с.

85. Лейнингер, М. Культурные аспекты ухода за человеком / М. Лейнер. – М.: АСТ, 2020. – С. 199.

86. Ленин, В.И. Избранные статьи и речи / Н. Ленин (В. Ульянов); Моск. ком. РКП. – [Москва]: Моск. рабочий, 1924. – С. 392; 600–601.

87. Леонтьев, К.Н. Избранное / К.Н. Леонтьев. – М., «Московский рабочий», 1993. – 389 с.

88. Лукинова, И.А. Патриотизм как ценностная идентичность:

теоретико-философский анализ / И.А. Лукинова // Актуальные проблемы общественных наук: социология, политология, философия и история: материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф., 16 мая 2012 г. – Новосибирск, 2012. – С. 57–68.

89. Макиавелли, Н. Князь / Никколо Макиавелли; [пер. со старославян. С.М. Роговина]. – Минск: Завигар, 2000. – 191 с.

90. Мамутов, В. Дикое поле – не терраинкогнита. Взгляд на историю нашего края с юга / В. Мамутов // Проблемы региональной идентичности Донбасса: сб. аналитических статей / сост.: А. Иванов, А. Мартынов. – Донецк, 2011. – С. 68–85.

91. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф.Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат. – Т. 46; Ч. 1: [К. Маркс. Экономические рукописи 1857-1859 годов: (Первоначальный вариант «Капитала»)]. – Политиздат, 1968. – XXIV, 559 с. – С. 539–545.

92. Маркс, К. Сочинения: [В 30 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. – М.: Госкомиздат. – Т. 4: [Май 1846 – март 1848 г.]; подгот. к печати Л.И. Гольманом. – 1955. – XIV. – С. 15.

93. Маркс, К. Избранные произведения: в 3 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1979. – Т. 1. - VI, 640 с.

94. Марчуков, А. «Новороссийская идентичность» — необходимость или опасные игры разума? / А. Марчуков. – [Электронный ресурс] // Информационное агентство REGNUM. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/1869067.html>.

95. Марчуков, А. Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время. / А. Марчуков. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/1869067.html>.

96. Маршак, А.Л. Социокультурная идентичность: ценности, смыслы и содержания / А.Л. Маршак // Гуманитарий Юга России. – 2014. – № 2. – С. 152–155.

97. Материалисты древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / [общ. ред. и вступ. ст. с. 5–38, М.А. Дынника]; Акад. наук СССР. Ин-т философии. – М.: Госполитиздат, 1955. – 239 с.

98. Межнациональные отношения. Термины и определения: словарь-справочник / [отв. ред. Ю.И. Римаренко]. – Киев: КВШ МВД СССР, 1991. – 399 с.

99. Мид, Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; [Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко]. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – С. 11; С. 13–15; С. 16; С. 18–21; С. 29; С. 31–33; С. 39; С. 45–51; С. 47–49; С. 59; С. 117; С. 141–142; С. 201.

100. Монтескье, Ш.Л. О духе законов / Шарль Луи Монтескье; [сост., пер. и коммент. примеч. авт. А.В. Матешук]. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.

101. Мюррей, Генри / Леонтьев Д. А. // Монголы – Наноматериалы [Электронный ресурс]. – 2012. – С. 615–616.

102. Нация, государство, национализм: теория, история, практика: сб. ст / [отв. ред. В.Н. Шевченко]. – М.: Луч, 1993. – 152 с.

103. Ницше, Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше // Соч. в 2-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – 525 с.

104. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Сочинения. – М.: Изд-во «Эксмо», Харьков: Изд-во «Фолио», 2002. – 749 с.

105. Парк, Р. Избранные очерки / Р. Парк. – М.: РАН ИНИОН, 2011. – 320 с.

106. Петракова, А.С. Понимание процессов идентификации и самоидентификации личности в основных аксиологических концепциях /

А.С. Петракова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2017. – № 4 (67) – С. 61–66.

107. Петрова, Е.И. Духовно-нравственные аспекты формирования региональной идентичности народов Донбасса как неразрывной части русского мира / Е.И. Петрова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2021. – № 3А. – С. 183–193.

108. Петрова, Е.И. Нация как предмет социально-философского исследования / Е.И. Петрова // Научный вестник ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет» / Луган. нац. аграр. ун-т. – Луганск, 2020. – № 8 (2). – С. 483–495.

109. Петрова, Е.И. Соотношение понятий «этнос» и «нация»: философский аспект / Е.И. Петрова // Культура и цивилизация. – 2019. – № 1 (9). – С. 61–71.

110. Петрова, Е.И. Социально-философский анализ дефиниции «этнос» / Е.И. Петрова, Е.А. Македон // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы IV Междунар. науч. конф. / М-во образования и науки Донец. Нар. Респ., Донец. нац. ун-т. – Донецк, 2019. – С. 77–79.

111. Петрова, Е.И. Формирование этноса и нации в свете западной философской мысли / Е.И. Петрова // Философия и культура в гуманитарном дискурсе: материалы междунар. науч.-метод. конф. / М-во науки и высш. образования РФ, Воронеж. гос. ун-т, М-во образования и науки Донец. Нар. Респ. – Воронеж, 2021. – С. 98–103.

112. Петрова, Е.И. «Феномен «идентичности» как предмет философского осмысления / Е.И. Петрова // Культура и цивилизация. – 2021. – № 1 (13). – С. 84–91.

113. Петрова, Е.И. Этническая и национальная составляющие как факторы формирования идентичности / Е.И. Петрова // Человек - Общество -

Культура как предмет философской рефлексии: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. Т.Э. Рагозина. – Донецк, 2022. – С. 50–58.

114. Петрова, Е.И. Этническая и религиозная идентичность: структура и содержание понятий / Е.И. Петрова // Философия и культура в гуманитарном дискурсе: материалы междунар. науч.-практ. конференции, Воронеж, 2020 г. – Воронеж, 2020. – С. 109–118.

115. Петрова, Е.И. Этнический и национальный аспекты в становлении русской нации / Е.И. Петрова // Русский мир: проблемы духовно-нравственного, гражданско-патриотического воспитания и пути их решения: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Донецк, 24 окт. 2018 г. / под общ. ред. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С.421–423.

116. Петрова, Е.И. Формирование региональной идентичности народов Донбасса: духовно-нравственные аспекты / Е.И. Петрова // Материалы Международной научно-практической конференции, Донецк, 2020 г. / под общ. ред. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 76–78.

117. Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения / Ч.С. Пирс. – М.: Логос, 2000. – 412 с.

118. Питирим Сорокин: новые материалы к научной биографии: сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информации по обществ. наукам; [отв. ред.: Ефременко Д.В., Кротов П.П.]. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2012. – 232 с.

119. Платон. Сочинения. Т. 3, ч. 2. / ред. А.Ф. Лосев, В.Ф. Асмус. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – С. 722–724.

120. Подольская, Е.А. Методология научных исследований: терминолог. слов. / Е.А. Подольская; Нар. укр. акад., [Каф. философии и гуманитар. дисциплин]. – Харьков: Изд-во НУА, 2016. – 124 с.

121. Рачинский, С.А. Общество ревнителй рус. просвещения в память имп. Александра III / С.А. Рачинский. – СПб.:, 1903. – 43 с.

122. Религиоведение: энцикл. слов / [сост.: Забияко А.П., Красников А.Н., Элбакян Е.С.; под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян]. – М.: Акад. Проект, 2006. – 1254 с.

123. Ремизов, М.В. Русские и государство: [национальная идея до и после «крымской весны»] / М.В. Ремизов. – М.: Эксмо, 2016. – С. 202.

124. Рикёр, П. Герменевтика. Этика. Политика / П. Рикёр. – М.: АО «КАМІ», Изд. центр «Academia», 1995. – 160 с.

125. Рикер, П. Я – сам как другой / П. Рикер. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.

126. Рикер, П. Путь признания: три очерка / Поль Рикер; [пер. с фр.: И.И. Блауберг, И.С. Вдовина]; Российская акад. наук, Ин-т философии, Ин-т науч. информации по общественным наукам. – М.: РОССПЭН, 2010. – 267 с.

127. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре: пер. со 2-го [совершенно перераб.] нем. изд / Г. Риккерт; [под ред. и со вступ. ст. С. Гессена]. – СПб: Образование, 1911. – 196 с.

128. Рисмен, Д. Некоторые типы характера и общество / Д. Рисмен // Социс. – 1993. – № 3. – С. 121–129.

129. Родионова, М.А. Нация: фантом или реальность / М.А. Родионова // Советская этнография. – 1991. – № 6. – С. 133–134.

130. Рокич, М. Природа человеческих ценностей / М. Рокич. – М.: Мысль, 2020. – 415 с.

131. Российская идентичность на Северном Кавказе / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляушева, А. Шадже; науч. ред., рук. исслед. проекта, А.Ю. Шадже; М-во образования и науки Рос. Федерации, Адыгейс. гос. ун-т, Рос. филос. об-во. – Москва: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: Качество, 2010. – 247 с.

132. Рудакевич, О.М. Концепція культурницького націоналізму в українській історико-філософській думці: спец. 09.00.05 «Етика»: дис. на здобуття наук. ступеня канд. філос. наук / Рудакевич Оксана Мирославівна;

Львів. національний університет ім. Івана Франка, Кафедра історії філософії. – Львів, 2005. – 198 с.

133. Русские: этносоциол. очерки / [Ю.В. Арутюнян и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Ин-т нац. пробл. образования. – М.: Наука, 1992. – 461 с.

134. Руткевич, М.Н. Теория нации: философские вопросы / М.Н. Руткевич // Вопросы философии. – 1999. – № 5. – С. 19–32.

135. Рыбаков, С.Е. Философия этноса. / С.Е. Рыбаков. – М.: ИПК Госслужбы, 2001. – С. 57.

136. Савва, М. В. Этнический статус: анализ соц.-полит. феномена: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.полит.н.: 23.00.05 / Савва Михаил Валентинович. – Москва, 1999. – 49 с.

137. Садохин, А.П. Этнология: Учебник для студентов высших учебных заведений/ А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 304 с.

138. Семененко, И.С. Идентичность в предметном поле политической науки / И.С. Семененко // Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теорет. конф. – М.: Наука, 2011. – С. 11.

139. Сергеева, О.А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем / О.А. Сергеева // Общественные науки и современность. – 2002. – № 5. – С. 104–114.

140. Сергеева, О.А. Соотношение новаций и традиций в цивилизационном процессе / О.А. Сергеева // Философия и общество – 1999. – № 2. – С. 39–41.

141. Скворцов, Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии / Н.Г. Скворцов – Санкт-Петербург: СПбГУ, 1996. – С. 35.

142. Скворцова, Л.А. История Донбасса: учеб. пособие / Л.А. Скворцова. – Макеевка: ДонНАСА, 2016. – С. 80.

143. Смит, Э. Национальная идентичность / Э. Смит; [пер. с англ. П. Таращука]. – М.: Основы, 1994. – 223 с.

144. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров – М.: Сов. Энцикл., 1987. – С. 94.

145. Сорокин, П.А. О русской нации; Россия и Америка; Теория национального вопроса / П.А. Сорокин // Рос. филос. о-во. Моск., Отд-ние, Междунар. фонд «Русская соборность». – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Основы, 1994. – С. 19.

146. Сочинения: [в 30 т.] / Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. Т. 4: [Май 1846 - март 1848 г. / подгот. к печати Л.И. Гольманом]. – 1955. – XIV, 615 с.

147. Сталин И. В. Сочинения. Том 14. Март 1934 – июнь 1941. – М.: Информационно-издательский центр «Союз», 2007. – 358 с.

148. Статья: Александр Данилович Меньшиков. – Большая советская энциклопедия (BSE), 3-е издание 1969-1978 гг. (русский).

149. Степкин, В.П. Иллюстрированная история Юзовки-Сталино-Донецка / В.П. Степкин. – Донецк: Апекс, 2007. – С. 156; С. 117.

150. Супиков, В.Н. Моделирование социально-экономического развития регионов / В.Н. Супиков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 143–149.

151. Суханов, В.М. О некоторых вопросах истории становления региональной идентичности в России / В.М. Суханов. // Вестник Башкирского государственного университета. – 2008. – № 4. – С. 1071–1079.

152. Тишков, В.А. От этноса к этничности и после / В.А. Тишков. // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 5. – С. 5–22.

153. Тишков, В.А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить [Электронный ресурс] / В.А. Тишков // Культурная сложность современных наций / отв. ред.: В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Политическая

энциклопедия, 2016. – Ч. 1. – С. 7–18. – Режим доступа: https://static.iea.ras.ru/books/tishkov_kult_slozhnost.pdf.

154. Тишков, В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. / В.А. Тишков. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2011. – 232 с.

155. Тишков, В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации: докл. на заседании Президиума Рос. акад. наук, 23 февр. 1993 г. / В.А. Тишков. – М.: Знания, 1993. – 72 с. – С. 71–72.

156. Тишков, В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В.А. Тишков; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2013. – С. 103.

157. Тишков, В.А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить [Электронный ресурс] / В.А. Тишков// Культурная сложность современных наций / отв. ред.: В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – Ч. 1. – С. 7–18. – Режим доступа: https://static.iea.ras.ru/books/tishkov_kult_slozhnost.pdf.

158. Тишков, В.А. Этнология и политика: науч. публицистика / В.А. Тишков; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2001. – С. 110; С. 239.

159. Торукало, В.П. Нация: история и современность / В.П. Торукало. – М.: ИЭА РАН: ЦИМО, 1996. – С. 351.

160. Тренин, Д.В. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад» / Д.В. Тренин; Моск. Центр Карнеги. – М.: Европа, 2006. – 403 с.

161. Уваров, С.М. Эссе о загадках Элевсина / С.М. Уваров. – СПб., 2012. – 412 с.

162. Уле А. Критика новейших систем морали / А. Уле. – СПб.: Питер, 2008. – С. 307.

163. Файзулин, Ф.С. Грани этнической идентификации / Ф.С. Файзулин, Ф.Я. Заринов // Социологические исследования. – 1997. – № 8. – С. 40–47.
164. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
165. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2001. – С. 313.
166. Фома Аквинский. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. – Л.: Наука, 1990. – С. 223.
167. Фрейд, З. Введение в психоанализ: Лекции / З. Фрейд; Пер. с нем. Г.В. Барышникова]; [Под ред. Е.Е. Соколова, Т.В. Родионова]. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 480 с.
168. Фромм, Э. Гуманистический психоанализ / Э. Фромм. – СПб.: Питер, 2002. – 447 с.
169. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 571 с.
170. Хобсбаум, Э. Третий мир и революция. Крах социализма / Э. Хобсбаум. М.: Альманах «Восток» № 5 (41), декабрь 2006. – 470 с.
171. Холл, С. Тайные учения всех эпох / С. Холл. – М.: Наука, 2022. – 701 с.
172. Чебоксаров, Н.Н. Народы, расы, культуры / Н.Н. Чебоксаров, И.А. Чебоксарова; [отв. ред. Ю.В. Бромлей]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1985. – С. 98.
173. Чепига, Г.Г. О казацкой составляющей истории Донбасса: исторический миф и реальность / Г.Г. Чепига // История Донбасса: анализ и перспективы: сб. материалов Первой науч. конф. историков ДНР. – Донецк, 2015. – С. 12–20.

174. Чернов, А.А. Донбасский код: статьи и очерки / А.А. Чернов. – Луганск: ПРЕСС-ЭКСПРЕСС, 2019. – С. 63.

175. Широкогоров С. М. Место этнографии среди наук и классификация этносов // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. II. – Вып. 4. – С. 126–147.

176. Шкаратан, О.Н. Информационная экономика и пути развития России / О.Н. Шкаратан. // Мир России. – 2002. – № 3. – С. 25–29.

177. Эрдман К.Д. Вторая Мировая война / К.Д. Эрдман. М.: Республика, 2001. – 789 с.

178. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ / Э. Эрикссон; [общ. ред. и предисл. А.В. Толстых]. – М.: Прогресс, 1996. – 340 с.

179. Эпикур. Письмо к Менекею // Материалисты Древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М.: Госполитиздат, 1955. – 238 с.

180. Ядов, В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В.А. Ядов // Мир России, 1995. – № 3-4. – С. 158–181.

181. Яркеев, А.В. Этническая идентичность в дискурсе социального мифа: монография / А.В. Яркеев; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск: Удмуртский университет, 2009. – 178 с.

182. Bromley, D. Toward Reflexive Ethnography. Volume 9: Religion and the Social Order (edited with Lewis Carter) / D. Bromley. – Oxford: Elsevier, 2001. – 317 p.

183. Dugin, A. Ethnos and Society / A. Dugin. – Arktos, 2018. – 714 p.

184. Dumont, L. Essais sur l'individualisme. Une perspective anthropologique sur l'idéologie modern / L. Dumont. – Paris: Le Seuil, 1983. – 298 p.

185. Mühlmann W. Rassen- und Völkerkunde: Lebensprobleme der Rassen, Gesellschaften und Völke / W. Mühlmann. – Braunschweig, 1936. – 1118 p.

186. Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Basil Blackwell, 1987. 2 Guibernau M., Hutchinson J. (eds.) Understanding Nationalism. London: Polity Press, 2001. 3 Armstrong J.A. Nations before Nationalism. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. – 270 p.

187. Soral, A. Dialogues Désaccordés, Combat de Blancs dans un tunnel / A. Soral. – Éditions Blanche, 2013. – P. 111–112.

188. Wenskus, R Sächsischer Stammesadel und fränkischer Reichsadel / R. Wenskus. – B, 1976. – P. 17–22; P. 99; P. 209.